

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО.

ТЪ РЕДАКЦИИ. Первая половина «Воспоминаній» В. А. Полторацкаго, напечатанная въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1893 году, закончилась выходомъ его въ отставку въ 1856 году. Послѣдующія за тѣмъ воспоминанія—съ 1856 по 1870 годъ—обнимаютъ періодъ его жизни въ Москвѣ, Твери и Торжкѣ, дѣятельность по земскимъ учрежденіямъ, участіе въ освобожденіи крестьянъ и время исполненія обязанностей предводителя дворянства. Этотъ періодъ, обильный множествомъ интересныхъ бытовыхъ подробностей, портретовъ и характеристикъ родственниковъ, знакомыхъ и тогдашнихъ видныхъ дѣятелей, не можетъ быть напечатанъ, такъ какъ большинство лицъ, о которыхъ говоритъ Полторацкій, еще находятся въ живыхъ. По необходимости опуская эту яркую хроникку помѣщицкой, дореформенной жизни недавняго прошлаго, мы, для связи съ послѣдующимъ, скажемъ только, что предводительство, въ соединеніи съ барскими затѣями и неумѣньемъ вести хозяйство на новыхъ началахъ, вызванныхъ эмансипаціей, совершенно запутали имущественныя дѣла Полторацкаго. Это обстоятельство вынудило его искать выхода во вторичномъ поступленіи на службу, для чего онъ, въ 1869 году, и пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, случайно встрѣтившись съ генераломъ Пистолькорсомъ, своимъ бывшимъ сослуживцемъ на Кавказѣ, онъ увлекся его разказами о Туркестанѣ и рѣшилъ ѣхать въ этотъ отдаленный, еще нестроенный край. Благодаря тому, что тогдашній туркестанскій генералъ-губернаторъ, К. П. фонъ-Кауфманъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ, лично зналъ Полторацкаго, желаніе его было встрѣчено весьма сочувственно и исполнено безъ замедленія. Съ этого новаго періода дѣятельности Полторацкаго мы и продолжаемъ извлеченія изъ его воспоминаній.

XIX.

Высочайшій приказъ объ опредѣленіи меня вновь на службу.—Представленіе К. П. Кауфману.—Высочайшая опека и гр. П. А. Шуваловъ.—Комитетъ о раненыхъ.—Монтрезоръ.—Сборы къ отъѣзду.—Нижній, Симбирскъ, Орскъ, переваль черезъ Уральскій хребетъ.—Азія.—Степь и киргизы.—Фазаны.—Ташкентъ.—Первыя впечатлѣнія.—Почва, климатъ и растительность.—Знакомства и жизнь въ Ташкентѣ.—Пріѣздъ Друдкаго-Сокольникаго.—Тамаша.—Смерть графа Ростовцева.

Мая 15-го дня (1869 г.) состоялся высочайшій приказъ объ опредѣленіи меня вновь на службу, въ распоряженіе командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, съ чиномъ маіора, въ видѣ особой монаршей милости, такъ какъ при выходѣ въ 1856 году въ отставку я былъ капитаномъ.

Шесть недѣль спустя, 1-го іюля, на институтскомъ праздникѣ въ Петергофѣ, государь императоръ, увидѣвъ меня среди публики, всемилостивѣйше выразилъ мнѣ свое благоволеніе по случаю поступленія вновь въ военную службу и удостоилъ меня пожеланіями на этомъ знакомомъ мнѣ поприщѣ скорѣе нагнать по службѣ бывшихъ моихъ сосоварищей, увы, далеко меня опередившихъ.

На другой день послѣ высочайшаго приказа пошелъ я представляться отъѣзжающему въ Ташкентъ непосредственноу начальнику своему, К. П. Кауфману. Хотя въ воспоминаніи моемъ все еще жилъ добрый, честный и милый инженерный офицеръ пятидесятихъ годовъ на Кавказѣ, тѣмъ не менѣе я сразу измѣнилъ самъ старинныя отношенія на «ты», назвавъ Константина Петровича его превосходительствомъ. Сначала онъ удивился, но тутъ же согласился съ моими доводами о неудобствѣ въ будущемъ фамиллярныхъ отношеній между ничтожнымъ маіоромъ, какъ я, и такъ высокостоявшимъ начальникомъ всего Туркестанскаго края. Разставаясь, онъ любезно разрѣшилъ мнѣ не стѣсняться отъѣздомъ и пуститься въ путь лишь по окончаніи всѣхъ дѣлъ моихъ въ Петербургѣ, при чемъ обязательно посовѣтовалъ не забывать, что Ташкентъ еще городъ бѣдный, и что надо отсюда всѣмъ заpastись, какъ-то: чаемъ, сапогами, посудой и проч.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ шли у меня важныя хлопоты о дарованіи мнѣ высочайшей опеки. Забота была не легка, но, благодаря участію нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, дѣло вполне удалось намъ. Еще въ маѣ 1868 года я писалъ въ Петербургъ графу Петру Андреевичу Шувалову. Не зная по давности лѣтъ, послѣ моей съ нимъ разлуки съ Пажескаго корпуса, какъ обратиться къ нему, какъ къ шефу жандармовъ, или же какъ къ старому однокашнику, т. е. на вы или на ты, я настроилъ письмо пофранцузски и, подробно изложивъ мое положеніе, убѣдительно просилъ его ходатайства о

дарованіи мнѣ, во вниманіе ранъ и заслугъ, высочайшей надъ имѣніями нашими опеки. Обратился я къ графу Шувалову въ силу достовѣрныхъ свѣдѣній и указаній объ испытанной уже много разъ готовности его прійти на помощь бывшимъ товарищамъ по корпусу, а не безпокоилъ я своею просьбою военнаго министра, Д. А. Милютина, потому, что зналъ его взглядъ и образъ мыслей на это, въ строгомъ смыслѣ, не легальное преимущество, по случаю испрашиванія той же высочайшей милости кн. Трубецкому и Талызинымъ. Недолго спустя послѣ отправленія моего письма, я получилъ въ отвѣтъ, на французскомъ же діалектѣ, официальное извѣщеніе начальника III-го Отдѣленія (Н. В. Мезенцова), что шефъ жандармовъ соглашается на мою просьбу и приглашаетъ меня сколь возможно поспѣшнѣе представить прошеніе на высочайшее имя, адресуя оное ему, графу Шувалову, для доклада и ходатайства предъ государемъ императоромъ, до предполагаемаго отъѣзда его величества въ заграничное путешествіе. Это любезнѣйшее разрѣшеніе вопроса жизни воскресило въ насъ надежду на возможность спасти дѣтямъ хоть часть состоянія, а потому, не теряя ни минуты, я отправилъ прошеніе вмѣстѣ съ письмомъ графу Шувалову. Затѣмъ, протекли дни, недѣли, мѣсяцы. При первой же возможности оставилъ Москву, я рѣшился побывать въ Петербургѣ, за справками о ходѣ моего дѣла. Мезенцовъ направилъ меня съ этой цѣлью въ пріемный день къ графу Шувалову. Увидѣвъ меня, онъ дружески, за обѣ руки, втащилъ меня въ свой кабинетъ и, затворивъ двери, глазъ-на-глазъ энергически меня выругалъ за церемонное, не товарищеское къ нему письмо мое.

— Monsieur le comte!

— Какой я тебѣ m-g le comte? Ты мнѣ просто старый другъ Полторацкій, какъ и я для тебя Шуваловъ! Ну, теперь скажи, доволенъ ли ты мною. Все ли сдѣлано по твоему желанію?—осыпалъ онъ вопросами.

На объясненіе мое, что до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано, онъ потребовалъ къ себѣ начальника штаба и правителя своей канцеляріи, послѣдняго тотчасъ же отправилъ за справками въ министерство юстиціи, а меня спросилъ, надолго ли пріѣхалъ я въ Петербургъ, и рѣшилъ такъ:

— Ну, мой другъ, здѣсь тебѣ проживаться нечего! Благословляю тебя,—при чемъ широко перекрестилъ меня,—уѣзжать сегодня же къ семейству въ Москву, а я ручаюсь тебѣ нашей старой дружбой все тебѣ здѣсь устроить. Ступай же съ Богомъ!

Совершенно успокоенный, вернулся я въ Москву, но ожидаемая развязка изъ Петербурга заставила таки себя ждать. Наконецъ, 20-го декабря, вечеромъ, подають мнѣ конвертъ съ печатью III-го Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Съ трепетнымъ

ожиданіемъ счастливой вѣсти взламываю печать и читаю, что комитетъ министровъ вслѣдствіе ходатайства и проч. и проч. въ 10-й день декабря сего года постановилъ: отставному маіору Полторацкому въ просьбѣ его: «отказать». Предаваться отчаянію было некогда.

Твердое убѣжденіе, что ускользаетъ послѣдній лучъ надежды спасти дѣтямъ состояніе, двинуло насъ на рѣшительный шагъ. Черезъ сутки мы съ Софьей были уже въ дорогѣ, а еще черезъ нѣсколько часовъ она въ кабинетѣ статсъ-секретаря Корнилова, а я въ пріемной шефа жандармовъ. Но первая попытка не увѣчилась успѣхомъ. Ѳедоръ Петровичъ съ душевнымъ сожалѣніемъ сообщилъ женѣ моей, что именно сегодня утромъ государь императоръ подписью своею уже высочайше утвердилъ состоявшееся о насъ постановленіе комитета министровъ, а графа Петра Андреевича я не засталъ дома.

На слѣдующій день наступили праздники Рождества Христова, и всѣ старанія мои захватить въ теченіе цѣлой недѣли у себя графа оказались тщетными. Наконецъ, я письменно попросилъ у него аудіенціи, и на другое же утро, 31-го декабря, насъ разбудилъ жандармскій офицеръ съ приглашеніемъ мнѣ явиться къ шефу жандармовъ въ пять часовъ по полудни. Какъ только графъ вернулся въ тотъ день съ похоронъ генерала Безака, онъ ввелъ меня въ кабинетъ свой; слѣдуя за нимъ, я обернулся и на ключъ заперъ дверь.

— Что это значить?—въ недоумѣніи спросилъ Шуваловъ.

— А то, что ни ты, ни я не выйдемъ отсюда, пока ты не выслушаешь и не пообѣщаешь мнѣ опять переломить дѣло и спасти меня!—отвѣтилъ я, садясь передъ нимъ въ кресло.

Горячо и искренно заговорилъ я и въ живыхъ краскахъ, откровенно и чистосердечно излилъ ему все, что накопилось на изнывшей душѣ моей. Окончивъ я взглянулъ на Шувалова. Онъ былъ сильно тронутъ, но точно устыдась своей чувствительности, быстро отеръ глаза и рѣзкимъ движеніемъ, вскочивъ отъ стола въ менѣе освѣщенный уголъ комнаты, привлекъ меня къ себѣ и, крѣпко пожимая руку, въ волненіи сказалъ:

— Я клянусь тебѣ сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, и ручаюсь еще за двухъ: за государя и за Палена, объ остальныхъ хлопочи самъ. У тебя есть голова на плечахъ, и найдутся также бабушки и тетушки, тащи ихъ! Послѣзавтра въ этотъ же самый часъ привези мнѣ собственноручное отъ тебя письмо государю. Будь въ немъ кратокъ, но силенъ и въ концѣ скажи: «да зачтется мнѣ пролитая кровь въ сраженіяхъ за право на особенную милость вашего императорскаго величества!».

При этихъ словахъ Шуваловъ сердечно меня обнялъ, и я отъ него уѣхалъ опять ободренный и счастливый.

Съ наступленіемъ новаго 1869 года начались усиленные хлопоты и тревоженія. 2-го января я отвезъ Шувалову письмо на имя государя. Онъ внимательно прочелъ его, остался имъ совершенно доволенъ и, пряча въ свой портфель, объявилъ, что вечеромъ же при докладѣ своему представить его на усмотрѣніе его величества. 3-го утромъ Шуваловъ опять вызвалъ меня къ себѣ.

— Поздравляю, милый другъ! — встрѣтилъ онъ меня. — Твое дѣло на отличной дорогѣ! Государь императоръ повелѣлъ изволилъ твое прежнее прошеніе комитету министровъ вновь пересмотрѣть, а мнѣ настоять на дарованіи тебѣ просимой милости.

— Извини меня, голубчикъ, но я такъ засидѣлся за бумагами, что безъ церемоніи при тебѣ похожу, — и при этомъ графъ быстро зашагалъ діагонально по обширному кабинету, продолжая говорить: — Послушай, Полторацкій, что я скажу тебѣ! Я не шутя желалъ бы знать такъ же твердо «Отче Нашъ», какъ государь знаетъ твоей послужной списокъ; его величество долго и очень милостиво рассказывалъ мнѣ о твоихъ отличіяхъ на Кавказѣ и въ Турціи, о ранахъ, о подвигахъ твоихъ какъ на боевомъ поприщѣ, такъ и на политическомъ въ Тверской губерніи въ должности предводителя послѣ эмансипаціи, и наконецъ изволилъ вчера выразиться: «Если подобная опека уже дана другимъ только потому, что ихъ предки Римъ спасли, то Полторацкій за свои личные заслуги имѣетъ на то несомнѣнное право!»... Мнѣ, признаюсь, стыдно было, что я и десятой доли о старомъ товарищѣ не подозревалъ изъ того, что пришлось услышать изъ устъ государя! Надѣюсь, нѣтъ, увѣренъ, что дѣло твое пройдетъ успѣшно, но помоги мнѣ и самъ, одному мнѣ неловко. Пойми, милый другъ, что у меня здѣсь много завистниковъ и недоброжелателей. Это возвращеніе теперь по высочайшей волѣ твоего прошенія для пересмотра въ комитетѣ министровъ припишутъ мнѣ и опять озлятся — на кого? Все на меня же! Этотъ au fondъ добрѣйшій старикъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ и онъ навѣрняка не удержится, чтобъ въ досадѣ не сказать: «опять онъ вмѣшался не въ свое дѣло, а мы, господа, изъ-за него должны кассировать нами же опредѣленное рѣшеніе!» et ainsi de suite. Ихъ надо щадить, Полторацкій, дѣйствуй еще и другими путями!

Согласно этой инструкціи, на другой же день, я привезъ князю П. П. Гагарину очень любезное письмо отъ Т. Б. Потемкиной, и поэтому былъ имъ прекрасно принятъ и обнадеженъ, когда же въ разговорѣ я упомянулъ, что мнѣ родной дядя графъ Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ, онъ не выдержалъ и вскрикнулъ:

— Отчего же раньше вы мнѣ объ этомъ не говорили?

Совсѣмъ тѣмъ скоро сказка сказывается, но тихо дѣло дѣлается. Вопросъ объ опекаѣ опять затормозился въ министерствѣ графа Палена, за полное согласіе котораго съ такою увѣренностью

ручался Шуваловъ. Всякія справки, соображенія и умозаключенія этого государственнаго мужа дѣлались съ невыносимымъ педантизмомъ и медленностью. Для ускоренія требуемыхъ имъ свѣдѣній, пришлось самому кататься въ Москву, во Владиміръ, въ Тверь... Наконецъ, министерствомъ юстиціи прошеніе мое было передано въ комитетъ министровъ, и рѣшеніе его предстояло въ слѣдующее засѣданіе. Благодаря письму дяди Павла Дмитріевича Киселева князю Гагарину, присланному ему изъ Парижа, а въ особенности горячей настойчивости добрѣйшаго графа Ө. Л. Гейдена и Н. В. Мезенцова, дѣло наше выгорѣло, и высочайшая опека дарована намъ почти единогласно...

Тяжело было мнѣ все это время перебиваться съ крупными расходами трактирной жизни въ Петербургѣ, съ разбѣдами и прочими издержками, а потому, по совѣту милаго, уважаемаго кузена моего, К. Л. Монтрезора, ветерана Отечественной войны (бывшаго въ Бородинскомъ сраженіи адъютантомъ безсмертнаго Кутузова) и члена Александровскаго комитета о раненыхъ, я подалъ туда прошеніе о пенсіи. Дѣло въ томъ, что однажды за обѣдомъ у Монтрезора хозяинъ, сообщая мнѣ о слышанныхъ имъ разказахъ о моей личности и разныхъ подвигахъ на Кавказѣ отъ почтеннѣйшаго собрата его по комитету, Викентія Михайловича Козловскаго, коснулся вопроса о моихъ ранахъ, а также о размѣрѣ получаемой мною пенсіи. Отвѣтъ мой, что я, хотя и раненый три раза по 2-му и разъ по 3-му разряду, состою подъ покровительствомъ комитета, но, кромѣ пенсіи изъ Капитула орденовъ по Георгіевскому кресту, пока еще ничего не получалъ, вызвалъ удивленіе Карла Лукьяновича, и онъ посовѣтовалъ мнѣ немедленно подать прошеніе въ комитетъ, обѣщая при этомъ, что слѣдующее по ранамъ моимъ въ штабъ-капитанскомъ чинѣ 430 рублей ежегодной пенсіи, по оплошности не получаемые мною въ теченіе 15-ти лѣтъ, съ Чолокскаго сраженія, если не всѣ полностью, то въ значительномъ размѣрѣ должны теперь быть выданы мнѣ комитетомъ о раненыхъ. Очень довольный предстоящей мнѣ денежною поддержкой, я подалъ прошеніе и уже строилъ планы на счетъ причитающейся мнѣ суммы, до 6.500 рублей, когда пришлось испытать горькое разочарованіе. Комитетъ о раненыхъ, строго примѣняя къ своимъ законамъ правило: «что съ воза упало, то пропало», опредѣлили къ выдачѣ мнѣ, какъ единовременнаго пособія, вмѣсто 6.500 рублей, всего 40!!!

Какъ бы то ни было, усвоенный относительно дѣлъ моихъ высочайшей опекой, предсѣдателемъ которой былъ выбранъ князь Сергѣй Яковлевичъ Грузинскій ¹⁾, я рѣшился наконецъ разстаться съ близкими. Возвращаясь къ бѣглому взгляду на все пережитое

¹⁾ Родной дядя жены моей С. Д. по матери.

въ эти четырнадцать лѣтъ, я, положи руку на сердце, долженъ признаться, что въ тѣ, увы, минувшія времена, когда Провидѣнію угодно было баловать меня силой, здоровьемъ, способностями, состояніемъ и неподобнѣйшимъ сердцемъ, всецѣло мнѣ принадлежавшимъ, милой жены моей, — съ своей стороны я часто злоупотреблялъ этими безцѣнными дарами изъ-за удовлетворенія пустѣйшихъ чувствъ самолюбія, тщеславія и необдуманнаго стремленія къ первенству во всемъ, во всемъ безъ исключенія, будь оно на волчьей облавѣ, за шумнымъ обѣдомъ или въ заманчивомъ будуарѣ женщины...

Судьба мнѣ улыбалась, щедрою рукою даровавъ все для полнаго благополучія. Роскошная обстановка дома, отличное содержаніе кухни, погреба, оранжереи, охоты и все прочее возбуждали удивленіе и восторженныя похвалы посѣтителей, а за глаза ихъ завясть и часто порицаніе. За радужный пріемъ они тутъ же, за спиною, подсмѣивались надъ моею расточительностью. Но эти картины довольства, счастья, свѣтлыхъ надеждъ на будущее смѣнились быстро разочарованіемъ, потерей состоянія, упадкомъ силъ и угрызеніями совѣсти, и вотъ я уже не вольный казакъ пятидесятихъ годовъ, не безпечный сорви-голова юноша, безъ всякихъ заботъ и отвѣтственности передъ Богомъ и людьми, а семьянинъ, на рукахъ котораго жена и трое дѣтей, я снова надѣваю мундиръ и, желая искупить свое легкомысліе, бросаю въ вторично въ море неопредѣленныхъ тревогъ и случайностей.

Безконечно длинное путешествіе въ Ташкентъ, тогда еще мало извѣстный и гдѣ, по общему говору, царствовала непроходимая скука и бездѣйствіе, отдаленность его, неопредѣленность всѣхъ потребностей жизни, а главное медленность сообщеній, ужасали многихъ. Я, конечно, не былъ исключеніемъ, но въ своемъ усердіи не попасть въ просакъ и всѣмъ обзавестись черезчуръ ужъ пересолил. Много денегъ оставилъ я въ магазинахъ Кумберга и Крюгеръ-Казъ, такъ какъ, по словамъ также Пистолькорса, съ которымъ я не разъ встрѣчался зимой въ Петербургѣ, цѣны въ то время на необходимые продукты стояли въ Ташкентѣ очень высокія, а зачастую трудно было достать и самое насущное.

Два ящика съ посудой, десять паръ различныхъ сапогъ Лаубе и 15 тысячъ папирозъ Лаферма — составляли уже кладъ изряднаго объема и вѣса, а еще бѣлье, платье и всякая всячина. Соня ѣздила, хлопотала, кроила, шила, мѣтила и все придумывала: это нужно, это необходимо, безъ этого нельзя. Мальчуганы тоже суетились, съ любопытствомъ все разглядывали, за все хватались и, конечно, думали, что очень помогали дѣлу. Картина сборовъ, укладки и укупорки дѣлала, однако, тяжелое впечатлѣніе, и я торопился, помня пословицу: «дальніе проводы — лишніе слезы».

Старый мой знакомецъ и вѣрный слуга Вавило Панфиловичъ

опять былъ со мною, изъявляя горячее желаніе ѣхать туда, гдѣ свѣтъ забить досками. Не забылъ я пріобрѣсти и кровного, хотя не молодого, бѣлаго понтера Анонса, наслушавшись разсказовъ бывалыхъ людей, что въ Туркестанѣ бездна дичи...

Вопросъ объ экипажѣ былъ рѣшенъ мною довольно легкомысленно. Дѣло въ томъ, что за новый тарантасъ, правда хорошій, прочный и даже изящной казанской работы, въ каретномъ ряду просили 450 рублей, и въ то же время у меня была карета, совсѣмъ почти неѣзженная. Взвѣсивъ все за и противъ, я окончательно рѣшился пуститься въ этой каретѣ и отдать ее для надлежащаго приспособленія по дорожному положенію, т. е. для устройства важъ, баула, задняго ящика, высокаго фонаря, сидѣнья Вавилы, зимнихъ полозковъ подъ колеса и обивки веревкой рессоръ — все это за 180 рублей. Дядя и другіе возстали, силясь доказать мнѣ, что карета потребуетъ лишнихъ почтовыхъ лошадей, и слѣдовательно путешествіе обойдется дороже, а мнѣ казалось яснымъ, какъ Божій день, что въ степяхъ не было никакого риска ѣхать въ рессорномъ, хорошей сборки экипажѣ. Рѣшено. 7-го февраля, отправивъ впередъ карету, Вавилу и Анонса, я выѣхалъ изъ Москвы по желѣзной дорогѣ въ Нижній. По обыкновенію, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ и препятствій съ первой же станціи мы стали опаздывать. Прибывъ въ Нижній «съ опозданіемъ», я къ моему неудовольствію узналъ, что ни кареты, ни Вавилы еще не было, но что въ двухъ верстахъ отъ города устроена гостинница съ почтовымъ отдѣленіемъ, гдѣ можно было имѣть лошадей. На слѣдующій день я радовался уже свѣдѣніямъ, что дорога — только кати: гладкая, ровная, безъ ухабовъ, — какъ подошелъ ко мнѣ оберъ-кондукторъ товарнаго поѣзда и объявилъ, что карета прибыла, но что человѣкъ мой при смерти и на рукахъ перенесенъ изъ вагона ночью въ сосѣдніе номера жалкой гостинницы. Я бросился вмѣстѣ съ нимъ въ номеръ, гдѣ лежалъ Вавила. Лицо его измѣнилось, оно было почти черное; конвульсіи и колики довели его до того, что я засталъ его почти въ безсознательномъ состояніи. Послать за докторомъ, влить въ Вавилу разныхъ снадобій, поставить банки — было дѣломъ одного часа. Собака лежала у ногъ его, но карета со всѣмъ имуществомъ моимъ была оставлена на платформѣ. Я поспѣшилъ къ ней, велѣлъ снять съ вагона и перевезъ на дворъ гостинницы, съ выѣской «вхоть втрахиръ», гдѣ лежалъ мой больной, и самъ рядомъ съ нимъ занялъ коморку.

Немного успокоившись насчетъ болѣзни Вавилы, я встрѣтилъ новую заботу.

На дебаркадерѣ мнѣ сказали, что дорога прекрасная, въ гостинницѣ — что дорога плоха, а на почтовой станціи староста съ хоромъ ямщиковъ присудили сразу, что дорога непроходимая, и ѣхать въ каретѣ на полозкахъ, да къ тому же съ дышломъ, совершенно

невозможно. Растерянный и разстроенный выслушивалъ я о дорогѣ разнорѣчивыя показанія и совѣты. Одни говорили: «ступайте по Волгѣ, на Казань» (около 250 в. крюка), другіе: «бросьте карету, возьмите сани»; третьи: «подождите пароходства», и наконецъ четвертые: «попытайте прямо на Симбирскъ». Послѣдній совѣтъ мнѣ болѣе другихъ понравился, и я прописалъ подорожную свою по направленію на городъ Арзамасъ. Вопреки всѣмъ увѣреніямъ, что ѣхать въ каретѣ невозможно, я все-таки въ первый же день сдѣлалъ 62 версты и поѣхалъ бы далѣе въ тотъ же день, если бы не слабое состояніе Вавилы. Правда, карета моя двигалась, какъ лодка въ бурную погоду. Она опускалась и быстро поднималась, ныряла и стонала во всѣхъ составахъ. На первомъ же переѣздѣ сломалось дышло, его связали; а на станціи нашлось другое, которое добрые мужички уступили (и то только для барина) за 6 рублей. Почевалъ я въ крошечной, жарко натопленной комнатѣ, въ двѣ квадратныя сажени; въ аршинѣ отъ меня храпѣли Анонсъ и Вавила, а рядомъ, за тонкой перегородкой, помѣстилось другое проѣзжее семейство. Отецъ чиновникъ ѣхалъ въ Ташкентъ изъ Шуи съ женою и тремя дѣтьми, меньшей у груди матери, въ открытыхъ саняхъ при 16-ти градусахъ мороза. Дорога до станціи Богоявленской была отчаянная. Я бы помирился съ ухабами, если бы только противъ нихъ не возмутилась карета. Мѣстность открытая, пріятная для глазъ, дорога почтовая, широкая и обнесенная съ обѣихъ сторонъ аллеями изъ столѣтнихъ березъ; видъ ихъ и цѣль замѣнять вѣшки зимою прекрасны, но березы эти такъ разрослись, что въ тѣхъ не рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ зимняя дорога была наѣзжена между боковыми аллеями, не было возможности пробраться въ высокому экипажѣ; снизу ухабы, а сверху сучья тормозили движеніе.

Въ Арзамасѣ опять починка кареты, а отъ города Лукьянова смотритель увѣрилъ меня, что дорога ужасная, горы громадныя, и что менѣе девяти лошадей кареты не вывезутъ; поэтому ночью онъ меня не пустилъ, а на другой день чуть свѣтъ впрягъ четырехъ лошадей къ дышлу, трехъ съ первымъ фореиторомъ, двухъ со вторымъ. Поскакали по горамъ и доламъ до станціи. Тутъ повтореніе той же исторіи: «перегонъ 29 верстъ, крутыя горы и проч., шестерикъ не вывезетъ, прикажите запрячь 9 лошадей». Второй разъ согласился, но на третьей станціи: «нѣтъ, милые друзья, платить за 9 лошадей не приходится». «Такъ позвольте мы бесплатно припряжемъ троечку». «Это сколько угодно, хоть 20, мнѣ дѣла нѣтъ, но плачу только за 6». Съ тѣхъ поръ четыре станціи, очень важно съ двумя фореиторами, съ гикомъ, крикомъ и громаднымъ эффектомъ катили мы во весь махъ, безостановочно.

Чѣмъ болѣе ухабовъ, тѣмъ скорѣе скакали, и нерѣдко фореиторы летѣли черезъ голову въ рыхлый снѣгъ и вскакивали вновь

съ хохотомъ. Крикъ ихъ на всемъ скаку напоминалъ порсканье въ былыя времена Матюшекъ и Петрушекъ...

По милости этой величественной упряжи экипажъ производилъ удивительное впечатлѣніе. Не успѣвъ на станціи остановиться карета, какъ бѣжитъ народъ смотрѣть и ахать, особенно же молодое поколѣніе.

Дорога пошла сноснѣе, снѣгу меньше; Вавилъ было лучше, хотя онъ очень страдалъ и измѣнился донельзя, впадъ въ совершенную слабость: староста съ ямщиками на каждой станціи его на рукахъ сажали на козлы; у него не доставало силъ даже сморкаться, почему онъ на пути поручалъ это отправленіе своему сосѣду-ямщику. Изъ кареты черезъ переднее окно я самъ любовался этой процедурой сморканья. Но чему я не только удивлялся, а понять не могъ,—это рессорамъ кареты. Сначала я за нихъ дрожалъ и на каждомъ ухабѣ высывался изъ окна, кричалъ, усовѣщевалъ, просилъ осторожности. Но потомъ я махнулъ рукой, и ямщики съ ихъ юными форейторами скакали сломя голову, а рессоры только стонали, гнулись, но не лопались. Вездѣ на станціяхъ меня по милости кареты и форейтора принимали за генерала, а главное, чиновникъ съ семействомъ, путешествовавшій впереди меня въ Ташкентъ, почему-то всѣхъ зрителей предупреждалъ о моемъ проѣздѣ. Такимъ образомъ я путешествовалъ даже съ курьеромъ, но бесплатнымъ.

При вѣздѣ въ Симбирскъ меня встрѣтилъ губернаторъ. Не шутя, Еремѣевъ съ Давыдовымъ (Серг. Льв., флиг.-адъют.) случайно встрѣтили меня, возвращаясь изъ рекрутскаго присутствія. Еремѣевъ очень сожалѣлъ, что не могъ пригласить меня къ себѣ, такъ какъ у него въ домѣ хаосъ, семейства здѣсь нѣтъ, и онъ все только приводитъ въ порядокъ. Остановился я въ гостинницѣ Андреева, выспался на славу, постель хорошая, чистая, мягкая, клоповъ нѣтъ, ни жарко, ни холодно и не шумно... всѣ условія, чтобы вполне отдохнуть и набраться силъ. Обѣдалъ у Еремѣева. Домъ громадный, кабинетъ министерскій, а сколько властей у него за утро перебывало!

Изъ Симбирска, послѣ разныхъ злоключеній съ несчастной каретой, добрался я до Оренбурга. На столбѣ значилось: отъ Москвы 1525 верстъ. Дядя при моемъ отъѣздѣ все повторялъ: «главное тебѣ добраться до Оренбурга!». Я добрался, наконецъ, и по мнѣнію его совершилъ главное, но по мнѣнію другихъ, увы, я проигралъ одну лишь прелюдію, самая же пьеса со всѣми вариантами и трелями еще впереди. Какъ бы ни былъ далекъ и плохъ городъ Оренбургъ, но по географическому своему праву онъ городъ еще европейскій, а настоящая-то Азія еще не была достигнута. Узналъ я, что изъ Оренбурга ходитъ почта петербургская три раза, а изъ Ташкента одинъ разъ въ недѣлю. По неволѣ при этомъ письма

будутъ полновѣсныя, то-есть, рѣдкія, да мѣткія! Про предстоящій путь мой собранныя свѣдѣнія опять противорѣчили одно другому и если въ чемъ сходились, то только въ одномъ: «Смотрите, тамъ въ мартѣ тронутся всѣ рѣки». Знаю, друзья мои, но что же мнѣ дѣлать? Безъ собственнаго какого ни на есть экипажа пускаться въ степь было немислимо. Курьеры и тѣ даже покупали здѣсь тарантасы или повозки, такъ какъ перекладныхъ въ киргизскихъ степяхъ не полагалось, а въ то время года (февраля 21-го) было еще большее затрудненіе, такъ какъ никто не зналъ, до какого пункта лежалъ снѣгъ. Одни говорили, что санный путь до Орска, другіе до Уральскаго укрѣпленія и проч., но тутъ же прибавляли, что все это было вчера, а будетъ ли еще завтра, никто не поручится. Разказы вообще были грустны и забавны. Говорили, напримеръ, что многіе почтосодержатели изъ туземцевъ, нарушивъ контракты, безъ церемоніи бѣжали съ занятыхъ ими пунктовъ, и проѣзжіи горько ошибался въ ожиданіи на смѣну свѣжихъ лошадей, подѣзжая къ станціи, означенной на маршрутѣ. Станція, то-есть мазанка, стоитъ, но лошадей и слѣдъ простыль. Курьерамъ случалось на этихъ станціяхъ сидѣть по нѣскольکو сутокъ, слѣдовательно, прочимъ проѣзжимъ и Богъ велѣлъ. Итакъ, главный вопросъ скорѣй добратся до Ташкента. Дорога рушилась не по днямъ, а по часамъ, и затрудненій предстояла бездна. Одно я сдѣлалъ весьма дѣльное, это взявъ въ проводники, находившагося въ отпуску въ Оренбургѣ, стараго туркестанскаго солдата изъ Ташкента, куда и слѣдовало ему возвращаться; онъ зналъ нравы, обычаи и языкъ степныхъ жителей, а это условіе было первой важности. Приобрѣлъ подержанный тарантасикъ за 38 рублей, рѣшилъ перемѣстить туда часть вещей изъ кареты, посадить Захарова (фамилія солдата) и такимъ образомъ двигаться дальше. Въ ожиданіи пошелъ осматривать Оренбургъ.

По улицамъ шныряли извозчики-татары, нескладные казаки-уральцы, безобразные бухарцы и на верблюдахъ уродливо-скуластые киргизы. Верблюдовъ здѣсь уже много, съ жалкими физиономіями и вытянутыми грязными шеями, они шлепаютъ мѣрно и монотонно подъ тяжестью огромныхъ вьюковъ и неграціозныхъ сѣдковъ. Климатъ здѣсь отвратительный. Лѣтомъ до 35 градусовъ въ тѣни, въ 7 часовъ вечера солнце еще палитъ и духота, въ 8 часовъ сыро, а въ 10 часовъ ночи холодно, и бьетъ лихорадка. Въ февралѣ оттепели, а въ мартѣ страшные бураны заносятъ въ степи людей и животныхъ. Постоянно же дуетъ рѣзкій вѣтеръ, очень вредный для глазъ, и всѣ почти страдаютъ здѣсь этой болѣзью. Не хотѣлъ бы я служить, а еще менѣе проживать въ этомъ несимпатичномъ краѣ, гдѣ нѣтъ ни прелести природы, ни климата, ни людей. Интригъ же, гадостей и злоупотребленій, говорятъ, была тѣма тѣмущая. Близкое сосѣдство и непрерывныя сно-

шенія съ народомъ первобытной еще дикости и варварства какъ-то съ непривычки тягостно вліяютъ на свѣжаго человѣка. Здѣсь не встрѣтишь джентльмена съ Невскаго, не увидишь и бородатаго мужика коломенскаго. Не то Россія, не то Азія! И воздухъ не то сѣверно-холодный, не то южно-теплый, а какой-то средній, гнилой, предательскій. Не былъ я однимъ словомъ очарованъ Оренбургскимъ краемъ...

Возмущало же меня болѣе всего оборванное одѣяніе жителей, ихъ неопрятность и вялость.

Чичероне мой потребовалъ покупки мѣднаго чайника (самовара за неимѣніемъ на всемъ протяженіи угля ставить было нельзя), топора, ведра, веревокъ и прочихъ походныхъ принадлежностей, сверхъ того, запаса сухарей, крупы, сахару. Въ степи встрѣчались, впрочемъ, оазисы въ видѣ укрѣпленій, но тамъ скорѣе отнимутъ, чѣмъ снабдятъ необходимыми провѣзжую братію.

Проживъ пять длинныхъ дней въ противномъ Оренбургѣ, я тащился въ Орскъ (265 верстъ) оттуда болѣе трехъ сутокъ. Какихъ не было со мною въ дорогѣ приключеній? Здѣсь снѣгъ, тутъ грязь. Снимай зимніе полозья, привязывай ихъ опять. То катишь на саняхъ, то на колесахъ. Зажоры въ особенности много разъ грозили бѣдствіями. Одну ночь съ 6 часовъ вечера до 10 часовъ утра я провелъ въ одной изъ нихъ. Вечеромъ, выѣхавъ со станціи Хабаровки, на 7-й верстѣ карету засадили въ зажоръ, среди узкаго ущелья, по которому лежитъ подъемная дорога на вершину Уральскаго хребта; полозья глубоко врѣзались въ рыхлый снѣгъ и шесть лошадей никакъ не могли тронуть съ мѣста. Бились часа два-три, а тѣмъ временемъ съ наступленіемъ ночи стало стыть, снѣгъ стаяло, и наконецъ полозья совсѣмъ замерзли въ зажорѣ. Послали обратно на станцію за помощью, а въ это время разбушевалась мятель и вьюга. Всю ночь мы въ каретѣ просидѣли съ Вавилой въ пріятныхъ разговорахъ о прелестяхъ Гумберлинскаго ущелья, гдѣ кругомъ свистѣлъ порывистый вѣтеръ, а неподалеку завывали волки. Анонсъ сначала храбрился и ворчалъ, но вскорѣ, поджавъ хвостъ, замолкъ, всю ночь не спалъ и скромно жался къ ногамъ съ открытыми глазами. Мы зажгли въ каретѣ фонари наружные и внутренніе и ради ободренія себя и почтовыхъ лошадей каждая десять минутъ черезъ окна стрѣляли изъ револьвера.

Передъ разсвѣтомъ явился со станціи секурсъ, человѣкъ 12 съ дрючками и топорами. Взялись они дружно съ крикомъ и гикомъ, — не тутъ-то было, ни съ мѣста! Еще потребовали людей и лошадей, а время шло, да шло. Только къ 10 часамъ утра прибыла цѣлая орда ямщиковъ, пѣшаго народа и уральскихъ казаковъ. Почтовыхъ лошадей, кромѣ моего шестерика, припрягли еще восемь, топорами обрубили замерзшій кругомъ полозьевъ снѣгъ; къ вагамъ подвязали лямки, за которыя схватились конные казаки, а всю карету кру-

гомъ облѣпили пѣшіе люди. Разомъ гаркнули «съ Богомъ, трогай!» и съ гикомъ буквально на рукахъ вынесли карету изъ преисподней на гору. Не останавливаясь и не переводя духу, уральцы не переставали свирѣпо кричать и безпощадно хлестать лошадей, пока весь поѣздъ не достигъ высшей точки Уральскаго хребта. Здѣсь получивъ отъ меня хорошую на водку, они, пожелавъ мнѣ счастливаго пути, потянулись обратно, а мы рысцой тронулись впередъ по отлоному подъему. Проѣхавъ версты двѣ, вдругъ: стой, равняйся! «Что опять случилось, Вавила?» — «Ничего, только здѣсь снѣга нѣтъ, извольте взглянуть!» Я высунулся въ окно кареты, и моимъ глазамъ представилось дивное явленіе. Сзади насъ на сѣверъ все было бѣло, покрыто снѣгомъ, а впереди на югъ ни снѣжинки, сухая лѣтняя дорога, пыль и по склону въ Азію все уже зеленѣло. Одна черта по вершинѣ Уральскихъ горъ рѣзко отдѣлила зиму отъ весны. Съ полчаса простояли мы здѣсь, пока ямщики вырубали большой стягъ, сняли полозья, открутили колесныя втулки, подмазали, закрутили гайки и маршъ-маршъ, высоко за нами поднимая пыль, поскакали на станцію...

Прощайте зазоры, снѣга, морозы и вьюги! Прощай, Европа! Мы уже были въ Азіи, въ Киргизіи, въ привольной безконечной степи!..

Не обошлось по дорогѣ безъ встрѣчъ и новыхъ знакомствъ. Въ Оренбургѣ представился мнѣ родственникъ мой И. М. Полторацкій, изъ Торжка, очутившійся здѣсь за тридцать земель на службѣ, потомъ живой, талантливый, не глупый Владиміръ Князевъ. Онъ долженъ былъ быть раньше моимъ попутчикомъ, но опередилъ меня и служилъ уже здѣсь чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Онъ очень забавно рассказывалъ все съ нимъ приключенія съ выѣзда его изъ Петербурга и смѣшилъ меня до слезъ. Изъ новостей здѣшнихъ тайнственно мнѣ сообщили, что идутъ приготовленія къ экспедиціи въ Хиву, со стороны Ташкента и Оренбурга. На одной изъ станцій къ Орску встрѣтился я съ веселымъ, живымъ французомъ, Петица. Онъ ѣхалъ изъ Ташкента въ Петербургъ, Парижъ и Лондонъ и черезъ три мѣсяца обратно. Петица былъ пріятелемъ покойнаго брата Алексѣя ¹⁾ и въ полчаса времени успѣлъ рассказать мнѣ чудеса про новую нашу резиденцію. Тамъ были собранія, балы, *spectacles de société!* Это-то дикій, азіатскій вновь завоеванный городъ, какъ Ташкентъ! По словамъ его, дороги предстояло еще дней 25, благодарю! Погода стояла сѣрая и туманная, но по ночамъ, къ счастью, морозило. Ъхать слѣдовало безотлагательно, но опять карета потребовала лѣкарства; она, моя голубушка, порядочно вѣхала въ карманъ мой. Въ Орскъ, гдѣ предстояло опять чинить ее, ввезли меня вечеромъ, въ седьмомъ часу, а въ комнату впустили только въ девятомъ; все было пере-

¹⁾ Убитаго на дуели Н. А. Мамоновымъ.

полнено проѣзжающими; пришлось обратиться къ полиціи съ требованіемъ отвода квартиры, что и было черезъ два часа только исполнено въ одномъ почтенномъ казачьемъ семействѣ. Орскъ—бѣдный, жалкій и очень грязный уголокъ земнаго шара. Странно даже было видѣть подобный уѣздный городъ, въ которомъ къ тому же и крѣпость. Но наконецъ черезъ двое сутокъ на карету прилѣпили всевозможные пластыри, затагнули всѣ раны ея, и я двинулся дальше въ эту песчаную пустыню, таинственную Каракумскую степь.

Марта 7-го я уже былъ въ 2.208 верстахъ отъ Москвы въ укрѣпленіи Уральскомъ, сдѣлавъ Киргизскою степью около 400 верстъ, что, клянусь богами, не бездѣлица. О снѣгѣ не было и помина, земля не только протаяла, но подымалась пыль столбомъ. Пришлось достать лѣтнее пальто. На встрѣчу летѣли мнѣ всѣ птицы юга, а когда въ пескахъ стали лошади, и я съ ружьемъ подошелъ къ ближайшему озеру, то миллионы, *c'est le mot*, дикихъ утокъ, подвели Анонса подъ сильныя плети. Странствованіе въ степи требуетъ подробнаго описанія: это цѣлая поэма! Съ одной стороны—просторъ, необходимый широкимъ натурамъ, свобода, чистый воздухъ, необъятное пространство на всѣ четыре стороны, сливающиеся съ дальнимъ горизонтомъ, съ другой—всѣ неисчерпаемыя неудобства страны дикой, не культурной, а кочевой, гдѣ первобытность обитателей еще не подавилась сосѣдствомъ, съ двухъ сторонъ, нашихъ владѣній. Киргизы, вѣчно кочующіе въ степяхъ и по праву считающіе себя ихъ владѣльцами, народъ ниже всякой критики; жадный, корыстолюбивый, вялый, а пуще всего грязный, грязный до омерзѣнія.

Какъ бы ни привыкалъ человѣкъ къ необходимому подчиненію себя лишеніямъ и неудобствамъ въ путешествіи, но нельзя пріучить себя хладнокровно переносить жилища киргизовъ и станціи, ими содержимыя. Проѣхавъ нѣсколько сотъ верстъ степью, чувствуешь особенную отраду при встрѣчѣ другаго мученика-путешественника, а въ особенности при видѣ всякаго осѣдлага жилья, хотя бы крѣпощенки, какъ Уральское.

Въ Казалѣ смотритель сразилъ меня извѣстіемъ, что Сыръ-Дарья, прошедшая тому три дня, совершенно залила дорогу до первой, по пути къ Ташкенту, станціи, и что проѣзда нѣтъ никакого.

Не впервые приходилось мнѣ слышать сужденія о невозможности того и другаго, и опровергать и фактически доказывать противное. Здѣсь нельзя было примѣнить выраженіе Калхаса «невозможное—невозможно!». Наперекоръ всему, однако, всѣ эти препятствія оказывались возможными, и я явился сюда не оборванцемъ и не пѣшкомъ, а очень прилично въѣхалъ въ каретѣ, которая окончательно закалилась въ бою съ преградами и послушно

катилась по снѣгу, грязи и наконецъ по пыли Киргизской степи. И вотъ послѣ 10-ти-дневнаго путешествія посреди моря песку и разнообразныхъ мученій опять увидѣлъ я крышу, потолокъ, столъ и стулъ. Посланный же мною хозяинъ квартиры вернулся съ докладомъ, что два казака только что прїѣхали изъ Ташкента, и что дорога хотя мѣстами плоха, но ѣхать возможно, слѣдовательно гдѣ пробрались два казака, конечно, пролѣзетъ и одинъ куринецъ. И дѣйствительно, первую станцію до Баскары я одолѣвалъ до поздняго вечера, а на другой день осилилъ еще двѣ и къ ночи дотащился до форта № 2, Кармакчи. Здѣсь я оставилъ Вавилу съ каретой, а самъ съ Захаровымъ и Аносомъ переправился въ тарантасѣ черезъ Сыръ-Дарью на паромѣ къ станціи Складъ-Саксаулъ, славящейся обиліемъ дичи. Но еще раньше этой станціи обновилъ я ружье свое. Проѣзжая близехонько мимо безчисленныхъ озеръ, я не выдерживалъ, останавливался и, схвативъ ружье, съ Аносомъ бросался къ берегу. Бездна плавающихъ на плесѣ утокъ даже собаку удивляла и, растерянная, она взирала на нихъ съ видимымъ недоумѣніемъ. Но не однѣ утки оказались здѣсь, а гуси, лебеди, кулики и проч. Порода мѣстныхъ утокъ въ Россіи неизвѣстна вовсе; на вкусъ онѣ прекрасны, а, быть можетъ, нравились мнѣ и потому, что голодь вѣдь не тетка! Убилъ также здѣсь изъ-подъ Аноса пару сѣрыхъ куропатокъ, но не русскихъ сѣрыхъ, а особенныхъ, степныхъ. Это тѣмъ болѣе было мнѣ праздникомъ, что всѣ путевые запасы почти истощились, но теперь вообще это мнѣ меня пугало. Давно ли Кауфманъ и Пистолькорсъ совѣтовали мнѣ заpastись всѣмъ возможнымъ, отъ стакана до стеариновой свѣчки? Что же вышло?

Въ ихъ отсутствіе одинъ богачъ-купецъ (фамиліи не помню) привезъ всякаго товару на два милліона, за поясъ заткнувъ Хлудова, и въ Ташкентѣ явилось не только все необходимое, но даже и предметы роскоши и комфорта, по цѣнѣ ниже оренбургской. Чай изъ Москвы хорошій — 2 р. 50 к., сахаръ и стеариновыя свѣчи по 35 к. за фунтъ, водка добывалась на трехъ открытыхъ близъ Ташкента винокуренныхъ заводахъ. Вино—изъ погреба Дёпре и т. д. Туалеты барынь великолѣпны. Вездѣ сады съ фонтанами ключевой воды, вездѣ тѣнь и прохлада. Вотъ рассказы всѣхъ встрѣчныхъ тогда изъ Ташкента.

Tout ça est bel et bon! Но пока доберешься туда, трудно себя представить, чему подвергался на каждомъ шагу злополучный путешественникъ по этому отдаленному уголку Россіи? Перемены рѣзкія здѣсь не одного климата. Мѣстные жители киргизы заставляли меня забывать, что я въ предѣлахъ отечества. Нравы, обычаи, порядки и нарѣчія странны, дики и звѣрски. Какихъ только сценъ не былъ я свидѣтелемъ! Киргизы очень мало понимали, а тѣмъ болѣе говорили порусски; если же и выражались на на-

шемъ языкѣ, то смѣшно и оригинально. Такъ, напримѣръ, на всѣхъ станціяхъ они называли мою карету «старая арба», а тарантасъ «молодая арба». Познакомился и вкусилъ я тутъ удовольствія ѣздить на верблюдахъ. Вотъ картина: къ дышлу кареты запрягаютъ пару очень маленькихъ киргизскихъ лошадей, невзрачныхъ и тощихъ, которыя приводятся по прибытіи на станцію проѣзжаго изъ степи, гдѣ питаются онѣ зимой и лѣтомъ подножнымъ кормомъ, т. е. какою-то колючкой. Къ этимъ двумъ клячамъ припрягаютъ съ боковъ пристяжныхъ и спереди уносныхъ верблюдовъ, высокихъ, длинныхъ, громоздкихъ, но одинаково тощихъ. Передній ѣздовой-форейторъ влѣзаетъ на громаднѣйшее сѣдло, покрывающее чуть ли не все туловище верблюда, не иначе, какъ положивъ животное на землю, и на высотѣ своего положенія находится, кажется, ближе къ небу, чѣмъ къ землѣ. «Старая арба готова!» — сѣли и съ мѣста трогались при громкихъ крикахъ не только возчиковъ и всѣхъ ямщиковъ киргизовъ, но даже постороннихъ. Этого требовалъ обычай. Нельзя достаточно описать киргизскаго крика на верблюдахъ. Тутъ гикъ чеченцевъ, вой шакаловъ, лай собакъ, а дѣйствіе этого гама самое спасительное. Животныя боятся его гораздо болѣе кнута и нагаекъ. Согласовать аллюры этихъ разнородныхъ животныхъ очень трудно; иногда лошади бросаются быстрѣе верблюдовъ, а случается и вторымъ обѣгать клячъ. {Разъ на парѣ лошадей и четырехъ верблюдахъ станцію въ 17 верстъ, очень песчаную къ тому же, я сдѣлалъ въ 1¹/₄ часа. Другой разъ такая же сила волочила меня по совершенно ровной дорогѣ и твердому грунту 15 верстъ почти пять часовъ. За 5—6 верстъ до станціи истощенныя животныя обыкновенно останавливались въ полномъ изнеможеніи. Что дѣлать? Посылать на станцію, ловить свѣжихъ лошадей или верблюдовъ? Нисколько! Здѣсь обычай иной. Бѣдутъ верхомъ вдаль, чуть видно на горизонтѣ, два всадника. Ямщики-киргизы начинаютъ во всю глотку пронзительно кричать. Смотришь, оба всадника стремглавъ несутся къ намъ и безъ дальнихъ объясненій, разговоровъ и просьбъ, безцеремонно впрягаются въ карету веревками отъ хвостовъ лошадей своихъ къ вагѣ. И вотъ съ новымъ гикомъ и крикомъ экипажъ трогается опять и довозится до самой станціи двумя верховыми у дышла, которые тутъ же получаютъ отъ меня добавочныя поверстныя, т. е. по 9 копеекъ съ версты.

Первую станцію отъ Уральскаго укрѣпленія мы искали въ степи битыхъ четыре часа и наткнулись на нее только по счастливой случайности; изъ укрѣпленія мы выѣхали утромъ, и къ ночи только открылось таинственное помѣщеніе станціи, которая, никоимъ образомъ не предупредивъ, изволила перекочевать за 20 верстъ въ сторону. Все это могло удивлять насъ, но не туземцевъ. Это, по ихъ мнѣнію, было совершенно въ порядкѣ вещей: «Лоша все ку-

шалъ здѣсь,—гайда другое мѣсто!» На дѣлѣ же, смотришь, вмѣсто 16-ти верстъ по маршруту сдѣлаешь ту же станцію верстъ 40, но какъ? Безъ дороги, безъ всякихъ признаковъ колеи—чистою степью. Но вотъ радостно взвиль ямщикъ. Пріѣхали. «Но гдѣ же станція?» «А вотъ санцій!»

И «санцій» эту представляетъ огонекъ, окруженный ширмами изъ камыша, и ничего болѣе! Экипажей, даже перекладной, не полагалось, а лошади—онѣ въ степи, далеко, иногда за десять и болѣе верстъ отъ станціи. Киргизъ вскакиваетъ на выпряженную лошадь, а чаще всего пѣшкомъ, и исчезаетъ на горизонтѣ. Ждешь часа два, иногда три, и вотъ раздаются приближающіеся крики, и несется къ вамъ во весь духъ табунъ дикихъ лошадей съ ямщиками-киргизами. Здѣсь начиналась усиленная суета. Съ бранью и отчаяннымъ крикомъ, около огня, ихъ ловятъ на арканы, и какая попалась, первая влечется къ дышлу, безъ соображеній, ходила ли она прежде въ этой упряжи, или нѣтъ. Изъ 6 лошадей, попавшихъ въ карету, считаются обязательными хомуты на двухъ дышловыхъ, остальные же припутываются просто веревками за шею, а часто и за хвостъ. Вожжей также въ употребленіи не много, на каждую дышловую по одной, прочія такъ себѣ. Форейторъ же часто, а на верблюдахъ постоянно, садится лицомъ къ каретѣ, то-есть задомъ напередъ, «лучше ему смотрѣть, какъ вытягиваютъ постромки», а животныхъ безъ всякаго управленія, по собственному инстинкту везутъ и довозятъ.

Наружный же видъ здѣшнихъ городовъ совершенно схожій съ картинами, изображающими степи, верблюжьи караваны и жалкія мазанки изъ желто-сѣрой глины. На улицѣ пыль, на домахъ пыль, въ комнатахъ пыль, въ воздухѣ пыль и одна пыль! И сквозь эту сплошную пыль слышенъ пронзительный крикъ верблюдовъ, ишаковъ, киргизовъ и энергически бранное словцо русскаго солдата. О дровахъ и помина нѣтъ, въ печахъ трещитъ камышъ, бурьянъ или кизякъ. Сами киргизы, хотя оборваны, но одѣты, женщины же всѣ почти и дѣти полунагія сидятъ кругомъ огня, вспыхивающаго и потухающаго, постоянно дымящаго и рѣжущаго глаза. Пища состоитъ изъ жидкой каши на водѣ изъ грубыхъ перловыхъ крупъ, а въ дни торжественные—на маханинѣ. Хлѣба къ этому не полагается никакого. Бурду эту даже Анонсъ долго не рѣшался ѣсть, но замѣчательно, что послѣ собаки изъ той же чашки киргизка-хозяйка передала остатки своимъ дѣтямъ и сама при насъ усердно помогла имъ. Независимо отъ грязи и парши киргизовъ самый грунтъ земли здѣшной развиваетъ тьму гадовъ и разныхъ насѣкомыхъ. Въ Уральскомъ, съ наступленіемъ теплой погоды, до того велико количество блохъ, что мѣстные жители не иначе ложатся спать, какъ надѣвая на себя рубашку, смоченную въ рѣкѣ Ирғизѣ, славящейся своей горько-соленой водой. Но всѣ

эти горести очень умѣрялись для меня, какъ охотника, безчисленнымъ количествомъ вездѣ дичи. Какъ только, напримѣръ, остановился тарантасъ у почтовой мазанки станціи «Складъ-Саксауль», я схватилъ ружье и по указанію мѣстнаго смотрителя, урядника Уральскаго войска, направился вдоль берега рѣки. Не отошелъ я отъ станціи и ста шаговъ, какъ изъ-подъ Анонса сорвался дивно-красивый, ярко-золотистый самецъ фазанъ, на pistolетный выстрѣлъ тихо и беззаботно потянувшій мимо меня совершенно чистымъ мѣстомъ. Стрѣлять его было отлично, но я до того былъ пораженъ неожиданностью его появленія, что не только забылъ въ ту минуту о ружьѣ своемъ, но, какъ угорѣлый, растерянно смотрѣлъ на нарядную птицу, пока она не улетѣла внѣ выстрѣла. Второй, затѣмъ, фазанъ ускользнулъ тоже, по случаю страшной чащи, но третій, самка, попалъ въ ягдташъ. Анонсъ сначала недоувѣрчиво и неохотно лѣзъ въ колючку, но мало-по-малу вошелъ во вкусъ и послѣ двухъ-часовой работы оказался весь пестрымъ, то-есть по бѣлой шерсти въ красныхъ отъ крови пятнахъ. Но пострадалъ не онъ одинъ, а и я также, въ клочки разодравъ мою блузу и шаровары и испарававъ себѣ лице и руки. Трофеи мои состояли въ то утро всего въ трехъ фазанахъ, добыча ничтожная, при громадномъ количествѣ фазановъ, но причинами неудачи были незнаніе мѣстности, непролазная чаща колючекъ, слишкомъ мелкая дробь и скоро застигнувшая меня въ полѣ невыносимая жара. Потъ лилъ съ меня градомъ, когда я измученный дотащился до станціи, гдѣ ожидалъ уже меня прибывшій съ каретой Вавила. При закатѣ же солнца, не доѣхавъ до станціи четырехъ верстѣ, я не усидѣлъ въ каретѣ, при видѣ массы фазановъ, кишѣвшихъ вокругъ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ, а потому, отправивъ впередъ экипажи съ Вавилой, мы съ Захаровымъ направились къ станціи кустами и тотчасъ же открыли изъ двухъ ружей батальный огонь по фазанамъ. Среди выстрѣловъ и азартной бѣготни по густой и высокой колючкѣ моего слуха достигъ звонкій колокольчикъ, а вслѣдъ затѣмъ возгласы незнакомой личности. Вижу черезъ кусты въ фантастическомъ костюмѣ страшно запяленного офицера. «Имѣю честь рекомендоваться, маіоръ Петерсонъ, курьеромъ отъ генерала Кауфмана скачу въ Петербургъ съ донесеніями, но на станціи отъ людей вашихъ узналъ о вашемъ проѣздѣ и счелъ долгомъ объяснить вамъ, что на слѣдующей за этой станціей лошадей нѣтъ, и вы тамъ застрянете, а такъ какъ ожидаютъ надняхъ въ Казалу сыр-дарьинскаго военнаго губернатора, генерала Головачева, и для него будутъ выставлены лошади, то этимъ обстоятельствомъ вы можете воспользоваться, а до тѣхъ поръ повремените и не торопитесь со станціи Бюкубай-Куль, гдѣ есть и стекла въ окнахъ, и молоко, и куры»,— быстро проговорилъ всю эту тираду живчикъ-маіоръ. Я поблаго-

дарилъ его за любезныя и чисто товарищескія свѣдѣнія, и черезъ минуту курьеръ поскакалъ въ одну сторону, а я пѣшимъ хожденіемъ направился въ другую.

Уже совершенно смерклось, когда мы съ Захаровымъ принесли шесть штукъ убитыхъ фазановъ на станцію Бюкубай-Куль. Здѣсь встрѣтили насъ Вавила съ чаемъ и ужиномъ, казакъ-смотритель, почтосодержатель, толстый киргизъ, и, къ удивленію моему, красивая, молодая и нарядная жена его киргизка съ предложеніемъ масла, сливокъ, цыплятъ.

Я рѣшился тутъ почевать, но когда словоохотливый урядникъ сталъ рассказывать о массѣ дичи кругомъ ихъ станціи, а въ особенности на островѣ, образовавшемся отъ разлива двухъ рукавовъ Сыръ-Дарьи, куда онъ на каюкѣ взялся меня доставить, я соблазнился и проохотился все утро слѣдующаго дня.

— Въ прошломъ году я бы не посовѣтовалъ вашему высокоблагородію на острову азартиться на фазановъ, а нынче ничего, можно!

— Почему же?— съ любовью спросилъ я.

— А потому, ваше высокоблагородіе, что лѣтось тамъ жилъ тигра, съ весны застрявшій на острову. Ну, а съ нимъ повстрѣчаться не ловко.

Станція Бюкубай-Куль расположена на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, и противъ нея лежитъ островъ, около семи верстъ длины и до двухъ ширины, поросшій мѣстами густою колючкой и бурьяномъ. Здѣсь до обѣда на два ружья мы убили 36 фазановъ. Ихъ нашли мы такое множество, что изъ-подъ стойки собаки выстрѣлъ по одному поднималъ ихъ цѣлый рой. Поднявшись изъ колючки, фазаны стадами перемѣщались въ виду нашемъ на сотню шаговъ и снова подпускали къ себѣ, въ плотную.

Между тѣмъ, на станціи получило свѣдѣніе, что военный губернаторъ Головачевъ (послѣ отъѣзда моего съ Кавказа командовавшій нашимъ Куринскимъ полкомъ), уже прибывшій въ фортъ Перовскій, раздумалъ ѣхать въ Казалу и вернулся въ Ташкентъ, а слѣдовательно на его помощь рассчитывать было нельзя, и надо собственными средствами ѣхать впередъ.

Отъ Бюкубай-Куль до Перовскаго оставалось четыре перегона. Съ великими хлопотами и трудами совершивъ два изъ нихъ, на третьемъ я опять застрялъ: всѣ усилія къ пріисканію лошадей, верблюдовъ, быковъ, словомъ всякихъ средствъ къ передвиженію, долго оставались тщетными. Почтосодержатель бѣжалъ со станціи, оставивъ проѣзжающихъ, почту и курьеровъ на произволь судьбы. Легкая почта продежурила здѣсь пять дней, а инженерный капитанъ здѣсь же прожилъ семнадцать дней.

По общимъ слухамъ экспедиція въ Хиву готовилась, но не раньше осени, такъ что опоздать было невозможно, но со всѣмъ

тѣмъ цыганская жизнь сильно прискучила: было уже шесть недѣль, какъ я мыкался въ дорогѣ, за все время получивъ отъ своихъ только записочку въ Оренбургѣ и телеграмму въ Симбирскѣ.

Здѣсь же догналъ меня и уѣхалъ впередъ курьеръ изъ Петербурга. Онъ выѣхалъ оттуда 17-го числа (февраля), то-есть десятью только днями позже моего отъѣзда изъ Москвы. Поэтому можно было судить о быстротѣ сообщеній и понять, что я сравнительно еще не такъ медленно подвигаюсь впередъ. Курьеръ поѣхалъ на двѣ роковыя станціи верхомъ, на казачьей лошади, чего мнѣ съ каретой сдѣлать было невозможно. По словамъ этого курьера (здѣшняго ташкентскаго офицера), за нами вслѣдъ ѣхали на широкую ногу два господина: первый—Лишинъ, съ сыномъ, гувернеромъ и проч. и другой Пукаловъ, бывшій мировой судья московскій.

Пароходство же на Сыръ-Дарьѣ пресловутой Аральской флотилии, о которомъ минутно помышлялъ я, также было не въ блестящемъ состояніи, а именно: 930 верстъ отъ форта № 1 до Чиназа пароходъ идетъ до 50 дней и никогда не менѣе 35. Не правда ли, какъ соблазнительно было это плаваніе при обязательномъ къ тому же условіи собственноручно помогать и вмѣстѣ съ прочими пассажирами лѣзть въ воду, чтобы сталкивать пароходъ съ мели, что случалось по нѣскольку разъ въ сутки.

Наконецъ, Захаровъ съ казакомъ со станціи, единственнымъ здѣсь живымъ существомъ, отправились по ближайшимъ ауламъ искать, конечно, по вольной цѣнѣ лошадей, быковъ, верблюдовъ, словомъ, что попадется, и привели четыре пары быковъ, на которыхъ я и выбрался съ фатальной станціи Кумъ-Куль. Въ фортѣ же Перовскомъ я смѣло могъ воскликнуть: Рубиконъ перейденъ, я проѣхалъ всю мерзость, оставалось еще 600 верстъ, но уже почти хорошей дороги и съ хорошими лошадьми. Я былъ живъ, даже здоровъ, но слишкомъ утомленъ физически.

Съ 2-го на 3-е апрѣля прибылъ я, наконецъ, въ городъ Ташкентъ. Конецъ и Богу слава!

При вѣздѣ моемъ ночью въ тарантасѣ, такъ какъ на послѣдней станціи не хватило лошадей подъ карету, въ прелестную лунную ночь, я залюбовался оригинальнымъ видомъ предмѣстья Ташкента и безконечными садами, его окружающими. Когда я потомъ имѣлъ случай видѣть русскую слободу, то поразился чистотой и бѣлизной построекъ, ихъ полуевропейской архитектурой, изобиліемъ воды и роскошью зелени. Остановился я въ гостинницѣ Розенфельда и занялъ двѣ комнаты за 50 рублей въ мѣсяцъ, пока осмотрѣлся и узналъ, что изъ меня сдѣлаютъ.

Прежде всего, по правиламъ, я долженъ былъ представиться военному губернатору Головачеву, который принялъ меня вѣжливо, даже радушно, затѣмъ начальнику штаба генералъ-маіору Дандевиллю,

доброму и пріятному человѣку, но мало вліяющему вообще на дѣла края и, наконецъ, К. П. Кауфману. Вопреки всѣхъ полученныхъ свѣдѣній и ожиданій, я остался вполне доволенъ его пріемомъ. Онъ мнѣ не далъ руки, а подалъ ихъ обѣ при встрѣчѣ и прощаніи, продержалъ у себя въ кабинетѣ болѣе часа, былъ любезенъ, внимателенъ и разспрашивалъ много о женѣ моей и Милютиныхъ. Про позднее явленіе мое не было и помина, про будущее назначеніе меня также пока никакой рѣчи, а что грустнѣе всего—это, что никакой экспедиціи тогда еще не предвидѣлось. Безъ этого же существованіе здѣсь было слишкомъ безцвѣтно. Въ тотъ же день былъ у Пистолькорса, гдѣ провожали въ командировку адъютанта Кауфмана—Адеркаса, очень хорошаго малаго. Онъ ѣхалъ въ Самаркандъ, откуда съ генераломъ Абрамовымъ дѣлалось движеніе въ горы съ ученою цѣлью.

12-го апрѣля въ тотъ годъ была Пасха. Походная церковь, временъ еще Черняева, не вмѣщала въ себя и половины всѣхъ лицъ, жаждавшихъ молитвы, и большинство ихъ толкалось на паперти. Изъ церкви, въ три часа ночи, всѣ направились во дворецъ генералъ-губернаторскій, гдѣ было великолѣпное розговѣнье на нѣсколько сотъ человѣкъ.

Что касается моего личнаго устройства въ Ташкентѣ, то квартиру я нанялъ очень удачно: чистенькій домикъ съ садомъ подполковника Денета. Полъ устланъ былъ камышевыми циновками, ставни тоже камышевые, красивыя жалюзи, кругомъ крытая терраса, а главное, что домикъ былъ въ саду съ прекрасными фруктовыми деревьями, виноградниками, ягодными кустами, проточнымъ прудомъ для купанья и большимъ количествомъ воды для поливки. Садъ этотъ былъ окруженъ высокою глиняной стѣной и занималъ болѣе семи десятинъ среди самаго города, но въ немъ воздухъ былъ чистъ, пыли и шума не было и помина. Около домика находилась хорошенькая кухня, навѣсы для экипажей, конюшни и прочія хозяйственныя постройки.

Въ этомъ-то уютномъ уголкѣ Ташкента устроился я прекрасно. Съ Вавилой, который былъ въ восторгѣ отъ житья *ins Grüne*, принялся я за устройство огорода, торопясь поскорѣ высѣять привезенныя изъ Москвы сѣмена, такъ какъ здѣсь все было уже зелено, въ цвѣту и пошло въ ростъ. Нанялъ я десять человѣкъ сартовъ; они работали прекрасно по 20 копеекъ въ день. Вскопалъ я землю подъ огородъ по веревкѣ съ педантическою акуратностью, разбилъ, отдѣлалъ и засѣялъ гряды. Дорожки же между грядами наполнилъ сейчасъ водою. Арыки—это источники воды, бѣгущей по направленію, которое каждому вздумается дать; вода въ нихъ чистая, проточная, течетъ всюду по садамъ и улицамъ. Эта благодѣтельная мѣра здѣсь крайне необходима при сухости климата и почвы для плодотворнаго орошенія земли и охлажденія воздуха. Посадилъ

и картофель, который купилъ здѣсь по 6 копеекъ за фунтъ. Въ то же время Вавила приобрѣлъ пѣтуха, куръ, до полусотни цыплятъ. Погода была восхитительная, съ непривычки даже не вѣрилось, что въ апрѣлѣ 22° въ тѣни. Черезъ три недѣли со времени посѣва я ѣлъ уже и рассыпалъ другимъ прекрасные редисы, салатъ и шпинатъ, а немного позднѣе и молодой картофель. Въ первыхъ же числахъ мая здѣсь рвутся уже спѣлыя черешни. Клеверъ на поливныхъ лугахъ снимался до шести разъ въ лѣто, а ячмень (овса здѣсь не сѣютъ) давалъ баснословный урожай. Вотъ климатъ, вотъ растительное царство!

Осмотрѣвшись въ Ташкентѣ, я могъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія, во многомъ, если не во всемъ, противорѣчившія прежде собраннымъ мною свѣдѣніямъ о Туркестанскомъ краѣ. Здѣсь не пустыня была безлюдная, безводная и голодная. Нѣтъ, Ташкентъ въ то время былъ мѣстожительство болѣе 100 тысячъ людей, но $\frac{9}{10}$ изъ нихъ туземцы сарты, занимающіе здѣсь отдѣльный городъ, или вѣрнѣе ауль. Общаго между ними и русскимъ кварталомъ только базаръ по воскресеньямъ, гдѣ кипитъ торговля лошадьми, скотомъ, баранами. Русскій городъ, правильно разбитый на улицы съ площадями, застроенъ одноэтажными, довольно чистенькими домами изъ кирпича-сырца, съ глиняными крышами и безъ деревянныхъ половъ. Улицы всѣ отдѣланы, какъ шоссе, то-есть щебнемъ, отчего пылъ ѣдкая и постоянная, но съ обѣихъ сторонъ ихъ пропущены арыки, вдоль которыхъ посажены деревья: тополи, таль, тутовое, и два раза въ день средину ихъ, по раскаленному камню, поливали свѣжей водой изъ этихъ спасительныхъ арыковъ. Днемъ, всякій Божій день, съ безоблачнаго неба палитъ жгучее солнце, дождей и росы нѣтъ, ночью же очень прохладно, а потому городъ оживаетъ; но, освѣщенный тогда только небеснымъ свѣтиломъ, онъ въ прочее время представлялъ тьму, хотъ глаза выколи, и единственнымъ средствомъ было двигаться съ фонаремъ въ рукахъ.

Всѣ экипажи въ городѣ были наперечетъ, хорошихъ лошадей въ упряжи почти ни у кого не было. Столъ у всѣхъ былъ самый плебейскій, утоляющій голодъ, но не вкусъ. Вино мѣстное—отрапительная кислятина... впрочемъ пили всѣ больше Редереръ. Общественныя удовольствія, гулянья, катанья еще не привились. Въ назначенные дни принимали къ себѣ два, три дома и то незначительную часть знакомыхъ, такъ какъ большинство было между собою въ распряхъ. Играли въ карты, преимущественно въ безикъ и ералашъ; въ частныхъ домахъ по $\frac{1}{2}$ копейкѣ, а въ клубѣ по 1 копейкѣ. Въ клубѣ, впрочемъ, всѣ бывали рѣдко и вообще съ половины апрѣля всѣ переселялись въ сады, гдѣ были карточные домики, или просто кибитки; въ нихъ-то обитатели прятались только въ самую жару, которая въ концѣ апрѣля достигала 42°, а утро, вечеръ, даже ночь, всѣ проводили въ саду, гдѣ дышали чистымъ

воздухомъ и прохладой. На воздухѣ же занимались, тутъ же обѣдали, отдыхали, играли въ карты, бражничали.

Публичныхъ сборищъ было мадо. Правда, за городомъ былъ публичный садъ Минь-Урюкъ (абрикосовый), гдѣ былъ буфетъ и по вечерамъ играла музыка, но посѣщался онъ только очень отважными, такъ какъ тамъ зачастую случались скандалы.

Что же касается общества, то со многими я быстро сошелся и пришелъ къ тому заключенію, что здѣсь, какъ и вездѣ, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, а интригъ и сплетенъ—гдѣ-жѣ ихъ нѣтъ.

Во время пребыванія моего въ Ташкентѣ чаще другихъ видался я съ фанъ-деръ-Флитомъ и съ Адеркасомъ (адъютантами К. П. Кауфмана), затѣмъ съ Пистолькорсомъ, Струве, Дандевилемъ съ супругой, Екатериной Ивановной, очень умной и любезной, артиллеристомъ Соболевымъ, Дмитровскимъ, Гомзинымъ (правителемъ канцеляріи ген.-губ.), Яфимовичемъ, полковникомъ изъ конной гвардіи, шведомъ Бирмаумомъ, Дитмаромъ, судьей, Скобелевымъ, Тихменевымъ и, наконецъ, Липинымъ, Козловымъ, Меллеромъ-Законельскимъ (двоюродный внукъ Кавказскаго), Штрандманомъ, Ермоловымъ, Николаемъ, Попаригопуло, а впоследствии съ Абрамовымъ.

Ближе всѣхъ сошелся я съ симпатичнымъ полковникомъ ген. штаба В. И. Дмитровскимъ, который былъ только-что присланъ курьеромъ отъ Милютина. Бывшій кавказскій артиллеристъ, онъ еще съ Воздвиженскаго зналъ меня по наслышкамъ, и я радъ былъ познакомиться съ нимъ лично и даже жить потомъ на одной квартирѣ. Это была свѣтлая личность и общій въ Туркестанѣ любитель, чего, впрочемъ, онъ вполне заслуживалъ по своимъ нравственнымъ достоинствамъ.

Въ начала же мая неожиданно явился ко мнѣ изъ Флоренціи кн. Дмитрій Друцкой-Сокольниковскій. Письмо его изъ Флоренціи дождало еще моего пріѣзда въ Ташкентъ, и я сталъ уже собирать просимыя имъ свѣдѣнія о шелковичныхъ червяхъ и сѣменахъ. Съ этой цѣлью письмо Друцкаго передалъ Пистолькорсу, который съ нимъ былъ у Кауфмана и просилъ объ отпускѣ Друцкому желаемого имъ количества сѣмянъ, но дѣло двигалось медленно, и Друцкой, потерявъ терпѣніе въ ожиданіи моего сообщенія и гр. Мих. Ростовцева, изволилъ вмѣстѣ съ beau-frère'омъ своимъ Цукели отправиться изъ Франціи въ Ташкентъ, чтобы лично здѣсь провести шелковичное дѣло. Я всегда чувствовалъ большую симпатію къ Друцкому, еще со времени моей помолвки на Левшиной, въ домъ которыхъ онъ былъ принятъ, какъ свой.

Это былъ умный, даровитый и милый человекъ, и пріѣздъ его въ Ташкентъ живо мнѣ напомнилъ Воздвиженку, тещу и весь 1856 годъ. Вскорѣ Друцкой съ своимъ beau-frère'омъ уѣхали въ Коканъ, гдѣ рассчитывали завести дѣло, но всѣ ихъ труды, хлопоты

и издержки принесли только убытокъ, такъ какъ шелковичныя сѣмена, ими пріобрѣтенныя, страшно упали въ цѣнѣ, по свѣдѣніямъ изъ Италіи, и вся афера вышла въ убытокъ. Не удались ему по этому поводу и переговоры съ мѣстными властями.

Два съ половиной мѣсяца я уже изучалъ край. О военныхъ дѣйствіяхъ все еще не было слышно. Посольство наше принято было въ Бухарѣ съ почестями и изліяніями дружелюбія. Не отчаянно ли грустное положеніе вновь пріѣхавшихъ въ Туркестанъ упиваться славою подвиговъ, совершенныхъ въ прошлые года? А какъ истощались здѣсь физическія силы, не смотря на относительное бездѣйствіе—отъ жары и мошекъ! 7-го іюня, напр., въ 2 часа дня, по термометру Реомюра, на солнцѣ было всего пятьдесятъ съ четвертью градусовъ. Excusez du peu!

Съ Дмитровскимъ жили мы очень дружно и не тѣсно на одной квартирѣ, обѣдали почти всегда дома. Бавила не только былъ исправенъ, но даже пріобрѣлъ себѣ въ Ташкентѣ славу отличнаго повара и дѣйствительно кормилъ насъ превосходно. Въ огородѣ урожай былъ страшный на редисъ, салатъ, морковь, шпинатъ, бобы, горошекъ, капусту и даже артишоки. Изъ развлеченій—охоты еще не было, а два раза я посвященъ былъ уже въ національное удовольствіе: тамашу. Это праздникъ, вечеръ, балъ, называй какъ хочешь,—въ которомъ главную роль увеселенія или прелести играетъ бача, или бачи, т. е. мальчики. Въ саду при иллюминаціи изъ фонарей и плошекъ, устроивается гладкое, покрытое коврами мѣсто, на которомъ въ сторонѣ ставятъ столы со всевозможными мѣстными сластями и лакомствами, пловомъ, чаемъ, шербетомъ и т. д. Хозяинъ дома, конечно, изъ туземцевъ, ташкентскій житель изъ знатныхъ родомъ, встрѣчаетъ гостей, угощаетъ ихъ и большею частью молчитъ, по незнацію слова порусски. Какъ только исчезнетъ со стола часть угощеній, хозяинъ приглашаетъ занять мѣста кругомъ арены и смотрѣть второе и главное дѣйствіе: танецъ бачей. Красотою бачей владѣльцы ихъ гордятся и изъ-за обладанія ими ссоры, распри и вражда не рѣдко кончаются кровопролитіемъ. Почетные гости, русскіе и прочіе зрители окружаютъ арену и, потурецки сидя на подушкахъ, ожидаютъ появленія бачи, а тѣмъ временемъ тутъ же сбоку музыканты: два толумбаса, кларнетъ и что-то въ родѣ двухъ горшковъ, по которымъ четвертый виртуозъ бьетъ желѣзною палкой,—издаютъ пронзительные звуки, еще неприятнѣе и ужаснѣе для слуха, чѣмъ знаменитая зурна Грузіи.

Наконецъ, въ кругу является женоподобный юноша, одѣтый чаще всего въ яркій халатъ и родъ ермолки, непремѣнно босикомъ. Тутъ же подъ анаемскіе аккорды музыки начинается кривляніе, ломаніе и неистовый плясъ коканскій или бухарскій, въ которомъ бача лѣзетъ изъ кожи и старается всѣми силами и средствами соблазнять зрителей прелестью своихъ движеній и позъ. Безъ устали

и перерыва пляска эта продолжается по нѣсколько часовъ сряду и кончается лишь при совершенномъ изнеможеніи силъ танцоровъ и истощеніи немилосердныхъ виртуозовъ, валявшихъ кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Но вотъ мое dolce far-niente прекратилось. И здѣсь, какъ когда-то на Кавказѣ, служебная дѣятельность моя началась траурнымъ порученіемъ.

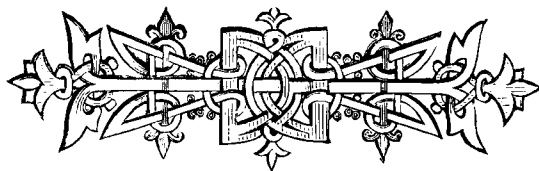
Съ 15-го на 16-е мая въ ночь скончался здѣсь почти скоропостижно графъ Мих. Ростовцевъ. Онъ былъ предсѣдателемъ ликвидаціонной комиссіи, очень запутанной и сложной. Къ нему-то по его кончинѣ и назначена была комиссія, подъ моимъ предсѣдательствомъ, для описи имущества графа, а главное для приведенія въ порядокъ кипы бумагъ ликвидаціонныхъ и сдачи ихъ полковнику Мейеру.

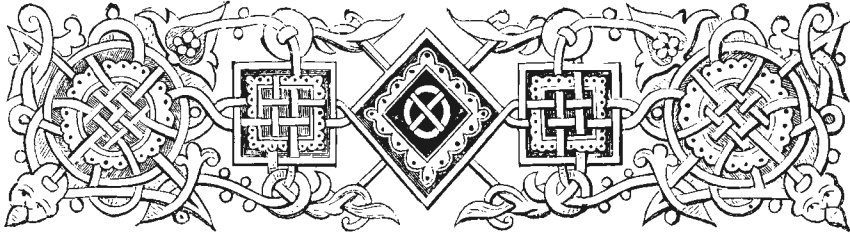
Три дня въ самый удушливый зной, въ маленькой тѣсной комнатѣ, пришлось намъ работать надъ разборкой бумагъ. При жизни Ростовцева я ни разу не встрѣчалъ его, а провожалъ остывшее тѣло на кладбище, какъ бывшаго пажу и настоящаго сослуживца.

Вскорѣ затѣмъ состоялось путешествіе К. П. Кауфмана для ревизіи въ Семирѣченскую область, а по приѣздѣ его — назначеніе мое къ Абрамову въ Заравшанскій округъ.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО¹⁾.

XX.

Слухи о моей командировкѣ въ фортъ Перовскій. — Знакомство съ Абрамовымъ; его біографія. — Переѣзна назначенія. — Сборы къ отъѣзду въ Самаркандъ. — Новыя знакомства: Соковнинъ, Штемпель, Нарбутъ, Принцъ, Щербинскій, Ивановъ, Сѣровъ, Гребенкивъ, князь Урусовъ, баронъ Ренне, Соболевъ, Раевскій и др. — Распоряженія Абрамова; походъ до Урусь-Кишлака. — Приказъ по отряду; мое назначеніе. — Китабъ. — Ночное движеніе. — Шороховъ. — Вылазка непріятели. — Передъ штурмомъ; сомнѣнія и несогласія. — Штурмъ, побѣда. — Бекскій дворець, мародерство. — Движеніе на Шааръ. — Передача Шахризйбса эмиру Бухарскому. — Городъ Фодобей. — Возвращеніе въ Самаркандъ. — Ташкентъ и отправленіе меня курьеромъ въ Петербургъ.

ВЪ НАЧАЛѢ іюля (1870 г.) Дмитровскій сообщилъ мнѣ, что К. П. Кауфманъ говорилъ ему о предполагаемой моей командировкѣ въ фортъ Перовскій, но официальной бумаги я еще не получалъ. Слѣдствіе, мнѣ поручаемое, было довольно серьезно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень запутанно — между полковникомъ К. и подполковникомъ П. по поводу сдачи батареи. Роптать было нельзя; но катить въ жару 600 верстъ, жариться тамъ недѣли двѣ, три, конечно, не представляло ничего увлекательнаго, а въ особенности при мысли, что въ это время могло быть здѣсь движеніе.

Между тѣмъ, около этого же времени познакомился я у Струве съ прїѣхавшимъ изъ Самарканда генераломъ Абрамовымъ. Ему

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 109.

было лѣтъ за 40, но на видъ больше. Началъ онъ службу въ горной артиллеріи Восточной Сибири. Находясь съ Циммерманомъ при взятіи Педжента, онъ при взрывѣ нашего пороховаго погреба взлетѣлъ на воздухъ и при обратномъ паденіи сильно ударился головой о землю.

Въ 1865 году, уже старымъ служакой, но еще въ чинѣ поручика, ему выпалъ жребій идти со взводомъ батареи въ степной отрядъ Черныяева и здѣсь, принявъ участіе во всѣхъ побѣдныхъ дѣлахъ съ коканцами и бухарцами, Абрамовъ сначала строевымъ офицеромъ, а потомъ въ должности дежурнаго штабъ-офицера при Черныяевѣ и Романовскомъ, быстро выдвинулся впередъ и 2-го мая 1868 года, то-есть послѣ трехлѣтней службы въ Туркестанскомъ краѣ, за взятіе Самарканда уже былъ произведенъ въ генераль-маіоры, а въ описываемое мною время состоялъ начальникомъ Заравшанскаго округа.

Наружностью онъ былъ оригиналенъ: при сильной близорукости никогда не снималъ очковъ, а вслѣдствіе контузіи головы — черной шелковой ермолки.

Васнословная карьера его могла быть сдѣлана, конечно, вслѣдствіе благоприятныхъ тогда обстоятельствъ. Настали затѣмъ другіе дни для Туркестанскаго края. Боевая, походная жизнь замѣнилась мирною, съ тяжелою обстановкой вмѣсто прежней жизни на распашку. Но что хуже всего, за четыре тысячи верстъ отъ центра Россіи, на этой окраинѣ, сталъ всюду проникать, точно ѣдкая пыль, духъ интригъ, и въ этой песчаной почвѣ съ неподражаемымъ искусствомъ начали вести мины, контръ-мины и фугасы.

Впрочемъ, это было въ порядкѣ вещей. Кто же преимущественно шель служить въ Туркестанъ?

Люди, алчущіе эксплуатировать свѣжій еще край и хватающіеся за соломинку, чтобъ не утонуть окончательно; многіе шли съ единственной цѣлью поправить дѣла, если не деньгами, то карьерой. Удалось это лишь нѣкоторымъ, а на удочку попались сотни. Но и то сказать, кто могъ предвидѣть долгое затишье съ 1867 по 1870 годъ? Продолжали служить, участвовать въ парадахъ, встрѣчахъ, но надежда на движеніе всѣхъ ободряла и подерживала.

Познакомившись съ Абрамовымъ, я остался очень доволенъ его прямою, честнымъ и благонамѣреннымъ взглядомъ на вещи и простотою въ обращеніи, но никогда не предполагалъ, чтобы изъ этого могло что нибудь выйти.

Дѣло въ томъ, что у меня все уже было улажено и готово для отъѣзда на слѣдствіе въ фортъ Перовскій. Предписанъ я наконецъ получилъ и собирался уже ѣхать. Но въ ту минуту, когда я послалъ за почтовыми лошадьми, а самъ въ ожиданіи расхаживалъ по двору въ дорожномъ костюмѣ, прискакалъ казакъ отъ

генераль-губернатора съ приглашеніемъ немедленно пожаловать къ нему на дачу. Что бы это значило?

Развязываю чемоданъ, достаю мундиръ и скачу. Его превосходительство встрѣчаетъ меня на терасѣ, вводитъ въ кабинетъ, сажаетъ рядомъ съ собой, предлагаетъ папиросу, словомъ, становится Константиномъ Петровичемъ прежнихъ временъ. Черезъ часъ аудіенціи я вышелъ изъ кабинета Кауфмана съ огромнымъ запасомъ добрыхъ словъ, увѣреній въ его расположеніи и довѣріи къ моей особѣ и порученіемъ заѣхать къ начальнику штаба Дандевиллю, чтобы возвратить ему полученное на мое имя предписаніе о слѣдствіи въ фортѣ Перовскомъ, куда вмѣсто меня назначается ѣхать майоръ Попаригопуло. Дѣло въ томъ, что не знаю, какъ это случилось, но мнѣ наканунѣ удалось обворовать генерала Абрамова, который упросилъ Кауфмана откомандировать меня съ нимъ въ Самаркандъ, а въ фортъ Перовскій отправить другого. Вслѣдствіе этого, Константинъ Петровичъ въ самыхъ любезныхъ формахъ и лестныхъ выраженіяхъ предложилъ мнѣ ѣхать къ Абрамову въ Заравшанскій округъ, ознакомиться съ людьми, краемъ и обычаями, а затѣмъ занять мѣсто по народному управленію, гдѣ служба выгоднѣе и содержаніе значительнѣе, но въ случаѣ военныхъ дѣйствій мнѣ предстоитъ менѣе шансовъ въ нихъ участвовать. Онъ очень дѣльно объяснялъ мнѣ, что, состоя въ распоряженіи его, какъ командующаго войсками, мнѣ нельзя добиться удачныхъ результатовъ по службѣ, и что я неизбежно долженъ получить назначеніе; но, не желая дать его, безъ моего согласія, онъ проситъ меня откровенно высказаться и, внимательно пообдумавъ, дать ему рѣшительный отвѣтъ: хочу ли я на передовой линіи занять должность начальника Самаркандскаго отдѣла, или тамъ же принять отдѣльный линейный баталіонъ? Первое, то-есть должность начальника отдѣла считалась однимъ изъ лучшихъ мѣстъ въ Туркестанѣ, по независимости положенія, громадному содержанію (до 9.000 рублей) и значенію въ краѣ, но много было хлопотъ по администраціи, и требовалось умѣнье въ управленіи туземцами. Сообразивъ незнаніе этого дѣла, при общемъ настроеніи къ интригамъ вообще, а по этой отрасли управленія въ особенности, — я серьезно подумывалъ, прежде чѣмъ рѣшиться: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ, — командованіе же баталіономъ несравненно было покойнѣе и проще, но положеніе незначительно, а содержаніе ничтожно.

Абрамовъ передъ отъѣздомъ, очень любезный и внимательный, совѣтовалъ взять въ Самаркандъ все безъ исключенія имущество мое, а въ особенности поспѣшить отправленіемъ туда верховыхъ лошадей. Ужъ не военная ли хитрость, думалось мнѣ, этотъ возбужденный начальствомъ вопросъ о народномъ управленіи? Не порокомъ ли запахло въ Заравшанскомъ округѣ? Во всякомъ случаѣ

разсуждать было некогда, а надо было собираться и ѣхать. Ташкента мнѣ было отчасти жаль. Здѣсь я познакомился и сошелся со многими хорошими людьми, а тамъ предстояло знакомиться съ новыми. Былъ опять у Кауфмана, который при многолюдной публикѣ выразилъ свои надежды, а Абрамовъ удовольствіе отъ моего назначенія. Желаніе Кауфмана было, чтобы я принялъ уѣздъ Каты-Курганъ, на передовой линіи, пограничный съ Бухарой. Мѣсто вполнѣ самостоятельное, въ распоряженіи моемъ долженъ былъ состоять батальонъ № 5, двѣ сотни казаковъ и дивизионъ артиллеріи.

Положеніе видное и содержанія до 10.000 рублей, но опять-таки въ случаѣ военныхъ дѣйствій изволь отъ нихъ отказаться. Въ день отъѣзда моего изъ Ташкента въ саду Струве мнѣ дали прощальный завтракъ, который продолжался съ 12 часовъ утра до 9 часовъ вечера; для завтрака немного долго. Ночью я выѣхалъ и на другой день утромъ явился въ Чиназъ, гдѣ на паромѣ переправился черезъ Сыръ-Дарью и Голодную степью покатылъ до Москвы Средней Азіи—Самарканда. Приѣхавъ туда, я не засталъ въ первый день моего стараго знакомаго бар. Ренне и переночевалъ въ гостинницѣ. Вскорѣ явился ко мнѣ адъютантъ генерала Абрамова, Рихтеръ, съ предложеніемъ занять весь домъ его, такъ какъ самъ онъ помѣщался за городомъ, въ саду. Но я отстранилъ это любезное предложеніе, а утромъ, явившись къ генералу, получилъ отъ него приглашеніе занять тоже садъ на противоположной сторонѣ отъ Самарканда, богатый тѣнью и водой. Здѣсь помѣщался уже и полковникъ Озеровъ (тоже состоящій въ распоряженіи Кауфмана, еще съ Вильны бывшій личный адъютантъ его), а потому я нашелъ все устроеннымъ, даже съ затѣями и всѣми требованіями восточныхъ условій: большой балаганъ, двѣ кибитки, обширный прудъ, окаймленный тѣнистыми деревьями. Въ балаганѣ на полу, сверхъ циновокъ, раскинуты были ковры, кругомъ стояли турецкіе диваны (тахты) съ круглыми подушками (мутаки), а рядомъ въ юртахъ (кибитки) устроена была спальная съ поломъ на кровати и искусною всюду вентиляціей.

Въ день рожденія жены, 29-го іюля, я пилъ шампанское за здравіе моей новорожденной, но гдѣ? У моего родственника! Въ Самаркандѣ найти его—вѣдь это штука. У князя Николая Урусова, сына кн. Павла Александровича, женатаго на Уваровой. Познакомился я съ нимъ у стараго кунака кавказскаго, Ренне, а 29-го вмѣстѣ съ Абрамовымъ и большей компаніей былъ у него вечеромъ на великолѣпномъ тамаша.

Въ женщинахъ была чуть ли не бѣднѣе, чѣмъ въ Ташкентѣ, и вообще общество здѣшнее относительно ташкентскаго, какъ тульское относительно петербургскаго. Здѣсь гораздо менѣе причудъ, претензій и этикета, но зато въ большемъ размѣрѣ оди-

ночество и скука. И еще—странный край Туркестанскій! Населяютъ его люди, которые жилали вѣдь и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ прочихъ городахъ Россіи, значить ѣли и пили. Но какъ только они водворялись въ странѣ этой, то усердно продолжали второе, совершенно пренебрегая первымъ, и что же вышло? Шампанское (по 5 рубл. 50 коп.) встрѣчалось на каждомъ шагу, а куска сноснаго мяса или вообще съѣстнаго не найдешь нигдѣ. Вообще, все съѣдобное было грязно, мерзко и до того безвкусно, что съ души претъ. Надо замѣтить при этомъ, что за рубль, много полтора, въ особенности при артели въ нѣсколько человекъ, столъ могъ быть если не гастрономическій, то вполне удовлетворительный. Но всѣ, по большей части, предпочитали лучше ѣсть гадость и запивать ее привознымъ виномъ на десятки рублей. Благодаря Вавилѣ, я лично избавленъ былъ отъ всѣхъ неурядицъ и непріятностей въ хозяйствѣ. Въ пруду у самага балагана квакали пущенныя утки, которыхъ во множествѣ здѣсь развели туземцы; хорошія, жирныя, русскія утки продавались на базарѣ по 30 коп. штука. Сарты же за безцѣнокъ приносили цѣлые выводки молодыхъ куропатокъ. Что касается молочнаго, то достать его было трудно, а зелени и тѣмъ болѣе. Жара стояла значительно выше ташкентской, но ночи удивительно были холодны. Въ юртѣ моей я могъ спать только подъ пледомъ и халатомъ и то схватывалъ насморкъ, а утромъ, съ 10 часовъ, съ трудомъ уже дышалъ отъ зноя.

Между тѣмъ появились новыя, небезынтересныя встрѣчи, краткій абрисъ которыхъ въ эпоху моего знакомства такъ занесенъ въ моему туркестанскомъ дневникѣ.

«Соковнинъ. Старый кавказскій офицеръ Кабардинскаго полка, умный, честный и смѣлый. Въ пятидесятихъ годахъ, при слѣдованіи оказіи на Кумыкской плоскости, поскакалъ за уѣхавшимъ впередъ съ кавалеріей командиромъ полка кн. Барятинскимъ и былъ захваченъ въ плѣнъ горцами, у которыхъ въ ямѣ протомился около полутора года. Впослѣдствіи онъ оставилъ Кавказъ, но не службу, и, съ рѣдкимъ усердіемъ неся всю тяжесть ея, былъ брошенъ судьбою во многіе углы Россіи, всюду считался отличнымъ служакой и примѣрнымъ офицеромъ, но въ силу неблагоприятныхъ условій очень медленно подвигался впередъ по службѣ. Эти-то постоянныя неудачи, вмѣстѣ съ болѣзненными нравственными припадками, какъ послѣдствіями мучительнаго плѣненія въ Чечнѣ, развили въ злополучномъ Соковнинѣ ипохондрію и частью желчныя припадки, что, однако, нисколько не препятствуетъ всѣмъ любить и глубоко уважать его за честные принципы и беззапятное мужество въ борьбѣ какъ съ непріателемъ, такъ и со всѣми житейскими невзгодами. Почтеннѣйшій Василій Николаевичъ по сію пору всего только полковникъ и командиръ 9-го Туркестанскаго линейнаго батальона.

«Баронъ Штемпель. Также полковникъ, командуетъ 6-мъ Туркестанскимъ линейнымъ батальономъ. Два года тому назадъ, по занятіи Самарканда, Кауфманъ оставилъ батальонъ маіора Штемпеля въ гарнизонѣ вновь завоеваннаго города, а самъ съ главными силами выступилъ къ Бухарѣ. Пока его отрядъ, упоенный славою побѣды на берегахъ Заравшана, искалъ въ степи полчища эмира, жители Самарканда возстали и съ помощью прибывшихъ къ нимъ изъ бухарской арміи воинственныхъ шахриязбцевъ въ теченіе одиннадцати дней осаждали и восемь разъ ожесточенно штурмовали цитадель Самаркандскую. Здѣсь-то и оказалъ свои подвиги пресловутый Н. Н. Назаровъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, отрѣшенный по интригѣ П. отъ командованія батальономъ, онъ былъ Кауфманомъ оставленъ въ Самаркандѣ подъ арестомъ, но когда гарнизону пришло плохо, то, принявъ изъ рукъ младшаго по чину бар. Штемпеля свою пашку, нашъ сорви-голова, подполковникъ, взялъ на себя защиту отъ вторженія штурмующихъ враговъ однихъ изъ воротъ цитадели, поперекъ ихъ поставилъ походную койку свою съ краснымъ одѣяломъ и день и ночь нѣсколько сутокъ отражалъ бѣшенныя атаки непріятеля. Рядомъ съ нимъ, но у другихъ воротъ цитадели, дрался живописецъ-прапорщикъ Верецагинъ, получившій тутъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

«Итакъ, видную роль главнаго защитника при знаменитой осадѣ Самарканда бар. Штемпель разыгралъ довольно пассивно, но недѣлю назадъ онъ представленъ къ чину подполковника за Заравшанское дѣло, а за отбитіе штурмовъ на Самаркандскую цитадель получилъ чинъ полковника и орденъ св. Георгія.

«Маіоръ Принцъ, начальникъ кавалеріи Заравшанскаго округа. Прослуживъ въ строю на Кавказѣ, Александръ Петровичъ Принцъ назначенъ былъ адъютантомъ къ доблестному князю Григорію Дмитріевичу Орбеліани и затѣмъ уже получилъ назначеніе въ Туркестанъ.

«Кобылинскій, подполковникъ пѣшей батареи, уже не молодой, очень исправный офицеръ по образцовому порядку въ его части на мирномъ положеніи, но въ боевомъ отношеніи слабо заявившій себя кровожадностью. Женатый, съ большимъ семействомъ, онъ радушный хлѣбосоль, неутомимый собесѣдникъ.

«Топорникъ, эсаулъ казачьей батареи, очень молодой человекъ, расторопный и способный артиллеристъ, не разъ уже проявившій въ здѣшнихъ дѣлахъ свою лихость и извѣстный по всей области своею отвагой. Онъ ходко двигается на служебномъ поприщѣ, безъ всякихъ на то вспомогательныхъ причинъ, однѣми личными заслугами.

«Щербинскій, Николай Степановичъ, мировой судья города Самарканда, что не помѣшало ему участвовать во многихъ сраженіяхъ въ Средней Азіи и даже въ партикулярномъ пиджакѣ офи-

ціально исправлять на полѣ сраженія должность личного адъютанта начальника отряда, за каковыя отличія онъ и удостоенъ всѣхъ орденовъ съ мечами. Щербинскій развитой, умный, острый, живой, веселый и милый человѣкъ. Начавъ службу юнкеромъ въ гвардейской конно-артиллеріи, онъ, по производствѣ въ офицеры, перешелъ въ гражданское вѣдомство и, состоя по министерству государственныхъ имуществъ въ Западномъ краѣ, въ бытность К. П. Кауфмана въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Туркестанъ, гдѣ нынѣ и подвизается на поприщѣ юстиціи, не упуская, однако, случая, состоя жрецомъ Ѳемиды, служить подъ часъ и Марсу.

«Сѣровъ, полковникъ, начальникъ Самаркандскаго отдѣла. Казакъ родомъ и наклонностями, онъ пріобрѣлъ здѣсь Георгія и славу героя знаменитымъ боемъ спѣшенныхъ его казаковъ съ массою непріятели, точь-въ-точь, какъ кавказское дѣло подъ Абулатъ-Юртомъ. Словомъ, въ военномъ отношеніи Сѣровъ—туркестанскій Сусловъ (а въ административномъ болѣе подходитъ къ графу Евдокимову).

«Гребенкинъ, капитанъ по арміи, состоящій при Абрамовѣ, очень не глупый и храбрый воинъ, съ Георгіевскимъ крестомъ на груди. Эхъ, однако, какъ въ Туркестанѣ-то кавалерскую думу прорвало Георгіевскими крестами? На Кавказѣ, со временъ кровопролитія при Циціановѣ и до окончательнаго покоренія его, и во снѣ не видѣли всѣ кавказцы столько Георгіевскихъ крестовъ, сколько я встрѣчаю здѣсь на каждомъ шагу.

«Князь Урусовъ, Николай Павловичъ, начальникъ Зекета (сборщикъ податей). Протранжиривъ въ Европѣ и въ Америкѣ все состояніе покойной матери своей, попалъ онъ сюда значительно разоренный. Очень привлекательной наружности, молодой, ловкій, *bien tourné*, онъ слыветъ очень и очень добрымъ малымъ. Живетъ въ Самаркандѣ съ комфортомъ, квартиру отдѣлалъ себѣ, какъ игрушку, такъ, какъ и другой мой родственникъ въ Ташкентѣ, князь Викторъ Голицынъ.

«Баронъ Ренне, капитанъ, состоящій при Абрамовѣ. Съ Кавказа ушелъ давно, былъ и въ родныхъ Остзейскихъ краяхъ, всюду жилъ очень широко, промоталъ все состояніе свое, живо спустилъ два полученныхъ наслѣдства и теперь въ ожиданіи третьяго прозябаетъ здѣсь, съ единственною, но вѣчно тревожащею его заботой: «гдѣ и у кого бы перехватить въ займы денегъ». Онъ очень постарѣлъ, и сѣдина пробилась и на головѣ и въ бородѣ, но бѣсъ все еще не перестаетъ колотъ его въ ребро, и какъ только у него являются малѣйшія средства, широкая натура барона сейчасъ же норовитъ любого славянина заткнуть за поясъ. Впрочемъ, Ренне безспорно честный парень, славный товарищъ и выдающійся боевой офицеръ, безъ страха и сомнѣнія въ дѣлѣ.

«Соболевъ, Николай Васильевичъ (въ отличку отъ другого Собо-

лева—Леонида), подполковникъ генеральнаго штаба, старый офицеръ, служившій здѣсь по народному управленію начальникомъ Казалинскаго уѣзда, добрый, честный, но желчный и слишкомъ довѣрчивый, за что горько поплатился на службѣ, очень забавный, впрочемъ, подчасъ и словоохотливый, bon vivant, отличный товарищъ и рьяный спорщикъ, съ душою на распашку.

«Раевскій, Николай Николаевичъ, подполковникъ, перешедшій изъ лейбъ-гусаръ за самоурство, которое широко и неумоимо онъ продолжаетъ практиковать и здѣсь, внукъ знаменитаго Раевского 1812 года и сынъ кавказскаго генерала Раевского, создавшаго пресловутую черноморскую береговую линію; онъ при своемъ блестящемъ образованіи, видныхъ связяхъ и значительномъ богатствѣ, конечно, могъ бы занять болѣе выдающееся положеніе въ государствѣ, чѣмъ должность младшаго штабъ-офицера туркестанскаго линейнаго баталіона; но при безпрерывныхъ и упорныхъ стремленіяхъ къ самымъ эксцентрическимъ выходкамъ, я думаю, это будетъ трудно.

«Объ остальныхъ я еще не составилъ себѣ яснаго понятія и потому пока умалчиваю».

Между тѣмъ, я все еще медлил принять какое либо рѣшеніе по службѣ и, какъ оказалось, къ лучшему. 5-го августа, на вечерѣ у Абрамова, было многолюдное общество и въ числѣ приглашенныхъ всѣ начальники частей. Составились на многихъ столахъ партіи въ коммерческія игры. Хозяинъ игралъ со мной и Урусовымъ въ табельку, когда ему подали конвертъ. Пробѣжавъ бумагу, Абрамовъ выскочилъ въ другую комнату, отдалъ какія-то таинственныя приказанія и, вернувшись къ картамъ, всячески старался выказать намъ свое равнодушное спокойствіе, чего, однако, ему не удавалось. Урусовъ, съ улыбкой наблюдавшій за его фізіономіей, высказалъ мнѣніе, что что-то готовится, вѣроятно, походъ.

— Нѣтъ, нисколько, вы очень ошибаетесь,—пресерьезнымъ тономъ отвѣчалъ Абрамовъ.

— Ну, ужъ меня-то вы, Александръ Константиновичъ, не обманете, держу пари, что я отгадалъ!—возразилъ настойчивый партнеръ нашъ.

— Держите? Идетъ дюжина шампанскаго!—невозмутимо порѣшилъ генералъ и спокойно сталъ продолжать игру.

Въ 12 часу сѣли въ саду за длинный столъ ужинать. Чувствуя нездоровье, я отказался занять приборъ и, не сядя за столъ, прохаживался около пирующихъ.

— Выпейте, В. А., краснаго вина, оно полезно,—обратился ко мнѣ хозяинъ, наливая большой стаканъ лафита. — Возьмите-ка стулъ и садьте возлѣ меня.

Въ концѣ ужина и среди оживленной болтовни всѣхъ членовъ общества, Абрамовъ внезапно потребовалъ минуту вниманія и, когда водворилась полная тишина, онъ съ выдержкой и не торопясь отчеканилъ слова:

— Господа, поздравляю васъ съ походомъ! Во избѣжаніе лишняго безпокойства васъ завтра собирать къ себѣ, я сегодня пригласилъ всѣхъ, чтобы сдѣлать надлежащія распоряженія. Извольте же слушать: 7-го числа, то-есть, послѣзавтра, въ 6 часовъ утра, выступаютъ: 3-й линейный баталіонъ маіора Нарбута, батарея полевой артиллеріи подполковника Кобылинскаго, дивизіонъ конно-казацкѣй батареи есаула Топорнина, ракетная батарея штабсъ-капитана Абрамова (брата генерала) и три сотни казаковъ маіора Принца. Всей этой колоннѣ, имѣя съ собой 10-тидневный провіантъ и полное число боевыхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ, вытягиваться и слѣдовать по дорогѣ на сел. Джамъ. Прошу васъ, господа, позаботиться объ исправномъ снаряженіи вѣренныхъ вамъ частей.

Абрамовъ замолчалъ. Всѣ переглядывались между собою, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, но генералъ умышенно или случайно сталъ доставать свою табачницу и крутить папироску. Противъ меня сидѣлъ Соковнинъ. При первыхъ же словахъ Абрамова онъ, напряженно уставивъ на него глаза, съ видимымъ замираніемъ сердца ожидалъ, что тотъ назоветъ его фамилію, но когда генералъ оборвалъ рѣчь свою, Соковнинъ, блѣдный, тяжело вздохнулъ и бросилъ на меня отчаянный взглядъ, ясно выразившій мысль его: «видите, опять судьба преслѣдуетъ меня!».

Прошло нѣсколько минутъ ожиданія. Впечатлѣніе грусти на лицѣ Соковнина не ускользнуло отъ Абрамова, и онъ, методически закуривъ папироску, откашлялся и продолжалъ тѣмъ же невозмутимымъ голосомъ:

— «Второй колоннѣ изъ 4-хъ ротъ...»—генералъ глубоко затянулся дымомъ,—«9-го линейнаго баталіона»,—Соковнинъ моментально просіялъ,—«два горныя орудія штабсъ-капитана Пистолькорса и полъ-сотни казаковъ гвардіи поручика Бижевича, 9-го августа въ 8 часовъ утра выступаютъ по Ура-Тюбинскому ущелью, прямо на соединеніе съ первою колонною, подъ начальствомъ полковника Соковнина, на котораго выпадаетъ самая трудная сторона экспедиціи. Кратчайшій путь этотъ до цѣли нашего движенія, по крутымъ подъемамъ своимъ, представитъ громаднѣйшія затрудненія, одолѣть которыя, я увѣренъ, возможно только при испытанной энергіи и отвагѣ достойнѣйшаго Василя Николаевича».

Послѣднія слова перенесли Соковнина на седьмое небо. Да и кто изъ насъ могъ равнодушно выслушать отрадное, такъ давно ожидаемое всѣми, извѣстіе о походѣ? Отъ избытка благополучія мы бросились обнимать другъ друга и восторженно благодарить Абрамова за счастливую вѣсть его.

Мнѣ лично онъ сказалъ, что во время похода я буду состоять при немъ, а на мѣстѣ получу особое назначеніе, и потому предоставилъ на мой выборъ идти 6-го съ первою колонной до Джама, или же ѣхать съ нимъ въ экипажахъ на слѣдующій день въ догонку отряда. Я избралъ первое и выступилъ 6-го верхомъ съ войсками.

7-го августа, въ 8 часовъ вечера, въ трехъ верстахъ отъ Самарканда, выстроилась первая колонна. Здѣсь подъ открытымъ и безоблачнымъ небомъ былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятиемъ, послѣ чего купечество города угостило нижнихъ чиновъ водкой, и въ 10 часовъ колонна тронулась, а къ 6-ти по полудни пришла на первый ночлегъ, сдѣлавъ переходъ въ 30 верстъ.

8-го числа колонна совершила въ с. Джамъ (пограничнаго владѣнія нашего) переходъ въ 30 верстъ. Вечеромъ къ отряду прибылъ генераль Абрамовъ и съ нимъ пріѣхавшій изъ Ташкента, въ должности походнаго начальника штаба, генеральнаго штаба полковникъ Троицкій, капитанъ Фриде и артиллеріи полковникъ Михайловскій.

9-го, 10-го и 11-го—переходы колонны отъ 20 до 25 верстъ каждый; дорога была гористая, узкая и каменистая. Затѣмъ пришла и соединилась съ нами вторая колонна полковника Соковнина. По дорогѣ отъ с. Джама, до второго ночлега, жители встрѣчали отрядъ съ хлѣбомъ-солью, то-есть лепешками и виноградомъ, но съ приближеніемъ къ центру владѣній шахризязцевъ встрѣчь уже не было, въ селеніяхъ отводили воду, и проявилось враждебное настроеніе жителей.

Съ кургана возлѣ лагеря простымъ глазомъ видны были вся непріятельская позиція и стѣны грознаго Шахризязбскаго кремля. Стояли мы всего въ двухъ, много двухъ съ половиною верстахъ отъ вражьей крѣпости. Толпы всадниковъ съ утра гарцовали около лагеря, но огня не открывали.

Въ этотъ же день, 12-го числа, Абрамовъ, съ штабомъ своимъ (я былъ въ его свитѣ), имѣя въ прикрытіи конно-ракетную батарею, сотню казаковъ и въ резервѣ одну стрѣлковую роту, двинулся къ стѣнамъ непріятельскимъ для осмотра мѣстности и избранія пунктовъ атаки. Мы въѣхали на возвышенный курганъ саженьяхъ въ ста отъ крѣпости и стали разсматривать линію крутаго профиля стѣны обороны. Непріятель зашевелился, послышались воззванія муллы, пѣсни и крики. Потомъ все смолкло, и только черезъ пять минутъ, съ визгомъ и трескомъ пронеслось надъ нами первое ядро (16 лѣтъ не слыхалъ я уже этого звука тогда). Второе и третье ядра легли среди свиты. Четвертое убило подъ казачкомъ лошадь. Конно-ракетная команда выпустила до 50 ракетъ по непріятельской кавалеріи, которая силилась окружить нашу горсть казаковъ. Двинувшись съ полверсты направо, а затѣмъ на-

лѣво отъ кургана, начальникъ отряда осмотрѣлъ два пункта, избранные подполковникомъ Соболевымъ для предстоящей атаки, и въ 12 часу мы вернулись въ лагерь, потерявъ только убитую одну лошадь.

Надо сказать, что съ перваго же дня пребыванія моего въ Туркестанѣ я слышался много неслестныхъ отзыовъ о плохой воинственности всѣхъ здѣшнихъ народностей, которыя всюду и всегда, если и производили на наши войска внушительное впечатлѣніе, то только громадною численностью своею, но никакъ не отвагой и рѣшительностью въ бояхъ, особенно въ открытомъ полѣ. Казалось не разъ, при видѣ массъ непріятели, окружавшихъ миніатюрные, сравнительно, отряды русскіе, что вотъ-вотъ они шапками закидаютъ и раздавятъ нашихъ, но только что пускалось въ ходъ усовершенствованное нынѣ скорострѣльное оружіе, а за нимъ показывался прославленный штыкъ русскій и... на мѣстѣ грозныхъ на видъ полчищъ вражьихъ оставалось только мокренко!.. Трофеями нашими постоянно были: вся непріятельская артиллерія, все оружіе, лагерь и имущество, такъ какъ въ паникѣ они бросали все и бѣжали безъ оглядки. Но эти самыя побѣды, такъ дешево и легко доставшіяся русскому оружію, и вызвали у насъ во всѣхъ непоумѣрную самоувѣренность, скажу болѣе, презрѣніе къ непріятелю, который, однако, могъ же заставить насъ въ этомъ раскаяться.

Обще укоренившееся убѣжденіе, что бухарцы, коканцы и всѣ прочіе народы Средней Азіи только умѣли драться за стѣнами своихъ укрѣпленій, а не на открытой мѣстности, быть можетъ, было справедливо, но все же не давало права намъ такъ халатно къ нимъ относиться. Предпринятая настоящая экспедиція вначалѣ имѣла видъ какой-то *partie de plaisir* веселой компаніи, вздумавшей отъ скуки прокатиться верхомъ по живописной мѣстности, взглянуть на людей и себя показать, поболтать, погарцовать и посмѣяться, а не серьезнаго военнаго предпріятія, въ глубь страны враждебной, гдѣ можно и должно было встрѣтить сопротивление на жизнь и на смерть, съ потоками крови человѣческой.

На всемъ походѣ отъ самаго Джама генераль Абрамовъ съ небольшою свитой своей (а именно въ составѣ: Троцкаго, Соболева, Фриде, Иванова, Щербинскаго, Урусова, Ренне, Батырева и меня), въ сопровожденіи 8 семирѣченскихъ казаковъ, сначала перехода держался головы колонны, но, давая полный ходъ своей лошади, мало-по-малу отдѣлялся впередъ отъ отряда на нѣсколько верстъ и совершенно безопасно, точно въ Саратовской губерніи, безъ малѣйшихъ предосторожностей отъ внезапнаго нападенія непріятели, рисковалъ собою и всѣми нами быть подстрѣленными или, того хуже, взятыми въ плѣнъ, какъ беззащитныя куропатки. Послѣ строгой кавказской дисциплины все это казалось мнѣ очень страннымъ; сколько разъ

при такихъ условіяхъ горцы уже порубили бы нашихъ смѣльчаконъ!

12 августа былъ отданъ слѣдующій приказъ:

1) 3 батальонъ и 6 орудій выступаютъ вечеромъ въ 8 часовъ изъ лагеря и ночью строятъ правую батарею, съ которой на разсвѣтѣ открываютъ огонь артиллеріи по непріятельской крѣпости. Въ 12 часовъ дня назначается штурмъ. Начальниками этой колонны (правой) назначаются полковникъ Михайловскій и маіоръ Полторацкій.

2) 9 батальонъ и 4 орудія выступаютъ также въ 8 часовъ вечера и строятъ лѣвую батарею и съ разсвѣтомъ открываютъ артиллерійскій огонь по крѣпости. Начальникомъ лѣвой батареи назначается полковникъ Соковнинъ и помощникомъ его подполковникъ Раевскій.

3) Самъ я, завтра 13 числа, къ 11 часамъ утра, прибуду на правую батарею.

Подписано: Начальникъ отряда генералъ-маіоръ Абрамовъ.

Начальникъ штаба отряда полковникъ Троцкій.

Три дня спустя, Китабъ былъ взятъ штурмомъ. Но изъ-за Китаба много пролито было крови солдатской и испорчено моею. Постараюсь занести на бумагу все то, что совершилось за эти дни на поляхъ Шахризьбскихъ.

12 августа, вмѣсто назначенныхъ 8 часовъ, меня потревожили около 6 приказаніемъ: двумя ротами 3 батальона поддержать одну роту того же батальона, которая въ садахъ Урусъ-Кишлака приготовляла туры, фашины и штурмовыя лѣстницы, а въ то же время отбивалась отъ тѣснившаго ее непріятели. Наскоро собравшись, я выступилъ. При появленіи подкрѣпленій перестрѣлка стихла, а съ наступленіемъ сумерекъ прекратилась совсѣмъ.

Къ восьми часамъ изъ лагеря подошла вся колонна, и въ глубокой тишинѣ, при совершенной темнотѣ (луны не было вовсе) съ 20-ю арбами, нагруженными турами и фашинами, мы стали подкрадываться къ пункту, избранному для постройки правой батареи. Дорога къ ней лежала мимо кургана, съ котораго утромъ еще мы дѣлали наши наблюденія, а въ настоящую минуту занятаго непріятельскимъ пикетомъ, встрѣтившимъ насъ залпомъ. Отсюда войска раздѣлились: колонна Соковнина потянулась налѣво, а наша направо.

Наступившая ночь была совершенно темная, но звѣздная. Стѣна непріятельской крѣпости, около 300 сажень отъ насъ, ясно рисовалась на горизонтѣ. Тысячи огней, разведенныхъ внутри крѣпости, вдоль всей линіи, отчетливо означали всѣ контуры ея. Стрѣльбы съ ихъ стороны не было; враги, какъ видно, отдыхали и готовились къ бою. Извѣдка до слуха нашего долетали заунывные на-

пѣвы муллъ, призывающихъ правовѣрныхъ къ истребленію невѣрныхъ. Со всѣми предосторожностями тишины и молчанія, какъ ночные воры, подкрались мы къ назначенному пункту, противъ позиціи непріятельской. Было 11 часовъ вечера. Въ 280 саженьяхъ (какъ оказалось потомъ) темный силуэтъ вражьей стѣны грозно выдѣлялся на огненно-красномъ фонѣ. Отчетливо видно было, какъ у орудій расхаживали часовые, и передвигались по банкету одиночныя тѣни. Унылый напѣвъ призыва къ молитвѣ передъ боемъ долеталъ до слуха и щемилъ душу. Вѣтеръ дулъ къ намъ отъ крѣпости; мы видѣли и слышали ихъ, а они точно и не подозрѣвали близкаго присутствія нашего. Ощупью отыскавъ намѣченный нами по утру пунктъ, мы заложили батарею на 4 орудія; шанцовый инструментъ пошелъ въ дѣло, и работа закипѣла. Черезъ три часа изъ земли выросло полевое укрѣпленіе, отдѣланное турами и фашинами, а за полчаса до разсвѣта уже поставлены нарѣзные орудія въ амбразуры, и насыпную стѣною, до извѣстной степени, прикрыта и пѣхота паша. Всю ночь никто изъ насъ не закрывалъ глазъ, всѣ бодрствовали, работали и ожидали.

13-е фатальное число настало. Съ первымъ свѣтомъ зари, при возможности навести орудія, полетѣли четыре снаряда наши. Не успѣли артиллеристы дослать въ орудія второй комплектъ ихъ, какъ разразились непріятельскія батареи, и пошла потѣха...

Находясь на самой батарее, я въ нѣсколько минутъ оглохъ отъ гула нашихъ выстрѣловъ. Артиллеріи нашей предстояла задача пробить брешь въ стѣнѣ крѣпости; въ назначенный пунктъ направлены были всѣ четыре нарѣзныхъ орудія съ нашей батареи, одно съ кургана, прикрытаго кавалеріей, а въ послѣдствіи еще одно съ дальняго кургана (поручика Броневскаго); но сосредоточенный огонь этотъ не достигалъ цѣли. Стѣна упорно сопротивлялась нашимъ усиліямъ и принимала въ себя чугуны нашъ, какъ въ мягкое тѣсто, не поддаваясь вовсе разрушенію отъ гранатъ и ядеръ, мѣтко направленныхъ въ одинъ и тотъ же пунктъ. Оказалось потомъ, что стѣны крѣпости имѣли въ основаніи своемъ до трехъ сажень толщины.

Не спала также и лѣвая колонна, одновременно съ нашею открывшая огонь артиллерійскій. Часу въ восьмомъ въ двухъ шагахъ отъ меня и Фриде непріятельское ядро срѣзало первую жертву, артиллерійскаго бомбардира, а потомъ и зачастую съ отчаяннымъ воплемъ стали падать солдатики. Но дѣло шло исправно.

Въ девятомъ часу на батарею закричали: «вылазка пѣхоты». Начальникъ штурмовой колонны отдалъ мнѣ приказаніе взять стрѣлковую роту и выбить непріятеля изъ занятыхъ имъ садовъ внѣ крѣпости, около бархана справа. Я бросился туда и пока открытымъ мѣстомъ довелъ стрѣлковъ, съ крѣпости успѣли вырвать изъ нихъ трехъ молодцовъ ядрами. Шахризядцы всегда славились

стрѣльбой своей и мужествомъ; это единственное въ краѣ племя, которое воинственною смѣлостью и мѣткостью огня нѣсколько наминаетъ горцевъ Кавказа. Между моими стрѣлками и засѣвшимъ въ отдѣльныхъ сакляхъ и въ садахъ врагомъ сначала завязалась горячая перестрѣлка, но она скоро стихла, и непріатели отступили за стѣну крѣпости, вѣроятно, въ убѣжденіи, что наши берданки имъ не по силамъ, но за то съ ихъ батарей стали по мнѣ жарить орудія и фальконеты, да и самыя ружейныя пули (въ 150 саженьяхъ отъ стѣны) не давали покоя. Оставивъ стрѣлковый взводъ разсыпаннымъ за прикрытіями въ садахъ, я отвелъ резервы за курганъ, а самъ вмѣстѣ съ отличными офицеромъ, кавалеромъ св. Георгія, штабсъ-капитаномъ Шороховымъ, расположился на вершинѣ его, пить чай. Видъ съ возвышенной точки этой былъ великолѣпный. Отсюда простымъ глазомъ видно было значительное протяженіе непріятельской боевой линіи, а также и всѣ позиціи, занятыя нашими войсками. Было девять часовъ утра. Мы отпили чай, закурили папиросы и разстались. Шороховъ легъ въ тѣни у разоренной сакли на наружномъ откосѣ кургана, а я растянулся на верху его, на самой вершинѣ.

Изъ лагеря нашего, версты за двѣ отъ настоящей позиціи, въ которомъ оставался весь обозъ въ прикрытіи одной роты 9-го батальона, показалась наконецъ толпа всадниковъ, а впереди Георгіевскій значекъ генерала Абрамова. Онъ ѣхалъ съ частью кавалеріи на курганъ Принца, а оттуда по вчерашней дизлокаціи долженъ былъ прибыть на нашу батарею для штурма. Но случилось, однако, не то.

Въ это самое время съ крѣпости огонь непріателя усилился противъ кургана, занятаго моими стрѣлками, и Михайловскій прислалъ мнѣ одно нарѣзное орудіе (съ штабсъ-капитаномъ Ермоловымъ), которое я и поставилъ на вершинѣ кургана. Оно открыло огонь и заставило непріателя, снова вздумавшаго насѣдять на мою цѣпь, отступить къ крѣпости. Тѣмъ временемъ вдали, среди тучи пыли, виденъ былъ мнѣ поѣздъ генерала. Пробывъ нѣсколько минутъ на курганѣ Принца, онъ потянулся не къ намъ, а въ противоположную сторону, на лѣвую батарею. Было десять часовъ, парило страшно и невольно клонило ко сну. Случайно обернувшись, я взглянулъ по направленію батареи Соковнина (всего версты на полторы отъ насъ) и... прокричалъ: «Штурмъ, штурмъ!». Все со склона кургана бросилось ко мнѣ смотрѣть на лѣвую колонну, которую такъ неожиданно для насъ генераль Абрамовъ бросилъ въ атаку на непріятельскую твердыню. Не проронивъ ни слова, съ затаеннымъ дыханіемъ, слѣдили мы за результатомъ этой драмы. Совершенно ясно видѣли мы, какъ роты, одна за другою, бѣжали къ стѣнѣ, видѣли даже, какъ тащили лѣстницы, видѣли бѣгущихъ и падающихъ и, о ужасъ!.. увидѣли, какъ всѣ наши ринулись назадъ,

отъ самого рва, отъ подошвы стѣны крѣпости, къ своей насыпной батарее. Штурмъ отбить!.. Слово ужасное, слово, потрясающее мужество самыхъ смѣлыхъ... Солдаты, снявъ шапки, набожно крестились. Каждого изъ нихъ не ожидала ли черезъ часъ участь товарищей 9 батальона? Привыкнувъ въ Туркестанѣ встрѣчаться съ робкими халатниками и считая себя въ бою съ ними непобѣдимыми, солдаты наши при видѣ этой явной неудачи сразу упали духомъ.

Въ одиннадцать часовъ съ лѣвой батареей прислана записка Абрамова:

«Правою батареей командовать майору Полторацкому, а полковнику Михайловскому сейчасъ прѣхать ко мнѣ». Я отправился на батарею, поручивъ Шорохову занимать тотъ же курганъ, и по отъѣздѣ Михайловскаго вступилъ въ командованіе нашимъ временнымъ укрѣпленіемъ. Артиллерія наша продолжала бить въ стѣну, но также безуспѣшно, какъ и прежде; бреши не было и слѣдовъ, не смотря на массу выпущенныхъ съ этою цѣлью снарядовъ. «А сколько снарядовъ осталось у насъ на каждое орудіе?»—спросилъ я. «По шести въ ячѣикъ!»—былъ отвѣтъ. «Прекратить пальбу!»—приказалъ я. Подполковникъ Кобылинскій сталъ возражать мнѣ, но я объяснилъ ему, что крайне необходимо поберечь снаряды для рѣшительной минуты, особенно въ виду ихъ полной скудости. Непрiятель продолжалъ насъ потчевать гостинцами изъ своихъ орудій, но мы не отвѣчали ему ни однимъ выстрѣломъ. Въ это время, сидя за легкимъ брустверомъ съ Фриде и Нарбутомъ, мы разсуждали о близкомъ будущемъ. Зная лучше меня рѣшительный характеръ Абрамова, они не допускали и мысли, чтобъ онъ не предпринялъ бы вторичнаго штурма съ нашей батареей, для чего вѣрно и вызванъ имъ былъ Михайловскій.

— Что хуже всего,—замѣтилъ Нарбутъ,—это лѣстницы, срубленные изъ сырого лѣса, онѣ объемомъ и тяжестью до того громоздки, что на рукахъ ихъ поднести никогда не успѣютъ вѣремя, и при штурмѣ, добѣжавъ до стѣны непріятельской крѣпости, мы останемся въ безпомощномъ положеніи. Взгляните сами на уродства эти, сооруженныя прошлою ночью!

По траверсамъ прошли мы къ резервамъ 3-го линейнаго батальона, гдѣ и осмотрѣли ни къ чему непригодныя безобразныя лѣстницы, за нѣсколько часовъ назадъ изготовленныя по инструкціи какого-то ученаго сапернаго офицера. Брусъя этихъ лѣстницъ были срублены вершковъ въ пять въ отрубъ сырыхъ деревьевъ, чуть-чуть стесанныхъ и очищенныхъ отъ вѣтвей. На нихъ прибиты были поперечныя перекладыны, здоровенныя, но неуклюжей формы, и чѣмъ же? Троеетесными гвоздями и костылями. Тяжесть этихъ лѣстницъ была неимоверная, а длина, какъ впоследствии оказалось, недостаточная. Ровно къ 12 часамъ къ батарее подѣхалъ Абрамовъ со всею свитою. Издали еще, при усиливающейся по немъ пальбѣ изъ непріятельскихъ орудій, генералъ закричалъ:

— Отчего не стрѣляютъ съ батарей?

Я встрѣтилъ его объясненіемъ, что орудія молчать по моему приказанію, и объяснилъ ему причину.

— Нѣтъ, откройте огонь, — приказалъ онъ Кобылинскому.

Опять загудѣла батарея, истощая послѣднія силы свои. Въ эту минуту Абрамовъ слѣзъ съ лошади и, крихтя и охая, отвелъ меня на нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Я на той батарее сдѣлалъ тамашу, но неудачно. Потеря у насъ громадная, но я хочу сейчасъ же штурмовать вашу колонну. Какъ вы думаете, Владиміръ Алексѣвичъ?—спросилъ онъ.

— Прикажите — пойдемъ, но не дойдемъ и не возьмемъ,—рѣшительно отвѣтилъ я.

— Почему, какъ возможно? — какъ бы обиженнымъ голосомъ вскрикнулъ нашъ начальникъ.

Я подробно выставилъ ему всѣ причины, а главную и несомнѣнную — невозможность среди бѣлаго дня пройти пространство совершенно гладкое и открытое въ 300 сажень, не потерявъ трехъ четвертей штурмующей колонны. Абрамовъ съ видимымъ неудовольствіемъ выслушалъ всѣ доводы мои, но не высказался окончательно. Тогда я заговорилъ о лѣстницахъ и совершенной ихъ негодности къ употребленію.

— Какъ же, ваше превосходительство, угодно вамъ штурмовать стѣну крѣпости, когда необходимыя для этого лѣстницы должны нести чуть что не взводы; скученные, они послужатъ вѣрною мишенью непріятеля, а перебитые пулями, бросятъ на поль-пути, а потому и не донесутъ ихъ къ мѣсту.

Абрамовъ горячо возразилъ, что если лѣстницы и болѣе тяжелы, чѣмъ бы слѣдовало быть, но все-таки вмѣсто четырехъ человекъ ихъ могутъ понести—шесть, и объ этомъ говорить не стоитъ.

— Не шесть и не десять, даже 20 человекъ не въ силахъ поднять ихъ, ваше превосходительство.

— Быть не можетъ!—недовѣрчиво замѣтилъ генераль.

— Не угодно ли вамъ испытать ихъ? — предложилъ я, приказавъ майору Нарбуту назначить одинъ взводъ для опыта подъема лѣстницы.

Оказалось дѣйствительно, что только 24 человека подняли и съ трудомъ, шагъ за шагомъ, потащили на рукахъ эту громадину. Побѣжденный этимъ доказательствомъ, Абрамовъ сдался на всѣ убѣжденія не отказаться, Боже сохрани, отъ штурма, а отмѣнить его до болѣе удобнаго времени. Я высказалъ предложеніе штурмовать передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, а не вечеромъ по закатѣ солнца, что совершенно не соответствовало моей кавказской школѣ, не допускающей и мысли объ атакѣ укрѣпленной непріятельской мѣстности, намъ совершенно неизвѣстной, при наступленіи ночи,

въ продолженіе которой непріятель безнаказанно можетъ бить насъ и даже уничтожить.

Весь тревожный день 13-го числа прошелъ въ непрерывныхъ преніяхъ и спорахъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ, рѣшающихъ весь успѣхъ экспедиціи, такъ несчастливо начатой. Потеря, понесенная нами въ то утро, была очень чувствительная. Самъ Абрамовъ раненъ пулею въ животъ, Соковнинъ—въ грудь, отличный молодой офицеръ Козловскій убитъ наповаль, и ранены еще штабъ-офицеры: Соболевъ, бар. Меллеръ-Закомельскій и три оберъ-офицера, въ числѣ послѣднихъ Гребенкинъ—камнемъ въ голову, во рву, у самой стѣны крѣпости. Нижнихъ же чиновъ убито и ранено до 85 человекъ и на нашей батарее артиллерійскимъ огнемъ—12 человекъ. Подробности слѣдующія.

Генераль Абрамовъ, съ кургана Принца, вопреки своего предположенія, повернулъ на лѣвую батарею Соковнина, построенную ночью всего въ 80 саженьяхъ отъ непріятельской стѣны, чтобы осмотрѣть дѣйствіе нашей артиллеріи. И тамъ, какъ и на нашей позиціи, никакой бреши пробить не удалось. Абрамовъ слѣвъ съ лошади и съ банкета разсматривалъ въ подзорную трубу доступы къ непріятельской крѣпости, когда Гребенкинъ, вскочивъ на туръ около орудія, сообщилъ генералу, что видитъ тропинку, по которой очень легко подняться на стѣну.

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ Абрамовъ,—возьмите роту и съ Богомъ!

Гребенкинъ схватилъ ближайшихъ людей и бросился съ ними прямо въ лобъ, на стѣну. Подъ губительнымъ залпомъ со стѣны, вырвавшимъ изъ этой горсти храбрыхъ людей Козловскаго и около 20 нижнихъ чиновъ, охотники быстро добѣжали до гласиса крѣпости и вскочили въ глубокій ровъ, изъ котораго ни впередъ, ни назадъ не было никакого хода. Здѣсь-то Гребенкинъ и много другихъ поражены были ударами каменьева, во множествѣ посыпавшихся со стѣны на ихъ головы. Увидѣвъ безвыходное положеніе передовой части своей штурмующей колонны, начальникъ отряда, распорядясь о поддержкѣ ея, самъ былъ раненъ въ животъ ружейною пулей, пробившей кожу, но не внутренности желудка. Пока ему дѣлали перевязку, въ суматохѣ одна за другою пошли впередъ на выручку своихъ три роты 9-го батальона, но въ нѣсколько минутъ потерявъ ранеными своего батальоннаго и двухъ ротныхъ командировъ, не выдержали несоразмѣрно сильнаго огня непріятельскаго и съ громадною убылью, въ безпорядкѣ и, бросивъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, ринулись назадъ къ батарее. Напрасно Раевскій въ пылу неудавшейся атаки пытался краснорѣчіемъ увлечь солдатъ за собою впередъ: оглянувшись назадъ, онъ не увидѣлъ ихъ грозныхъ штыковъ и самъ въ эту минуту былъ раненъ. Соболевъ, подстрѣленный въ ногу, Меллеръ-Закомельскій съ гро-

мадной пишкой на лбу, Гребенкинъ съ разбитою головою и всѣ прочіе, за исключеніемъ Козловскаго, непостижимо счастливо успѣли достигнуть батареи, по пятамъ преслѣдуемые непріателемъ, въ припадкѣ торжества высыпавшимъ за ними изъ крѣпости. Два удачныхъ выстрѣла картечью изъ нашихъ орудій охладили пылъ враговъ, поспѣвшихъ укрыться за спасительную стѣну свою и временно положили предѣлъ этой кровавой тамашѣ.

Абрамовъ, страдая физически отъ раны, а еще болѣе нравственно отъ тяжелой неудачи, стоявшей многихъ жизней челоѣвскихъ, лежалъ на коврѣ у бруствера, не въ духѣ и разстроенный. Кругомъ него расположились и всѣ члены штаба его, съ Троцкимъ во главѣ, изрѣдка перекидываясь лаконическими фразами. Провизіи съ собой никакой у насъ не было, да и врядъ ли кто хотѣлъ бы ѣсть или пить. Отведя въ сторону Троцкаго, я просилъ его уговорить Абрамова отсрочить штурмъ до завтрашняго утра, но онъ рѣшительно отклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло, напомнивъ, что я отправленъ въ отрядъ, какъ опытный и боевой кавказскій офицеръ. Хотя разсужденіе Вит. Ник. отчасти ласкало мое самолюбіе, однако ставило и меня въ очень щекотливое положеніе. Рѣзко высказывать свое мнѣніе я не считалъ себя въ правѣ и не смѣлъ, и какъ ни старался я косвенно выставить, на сколько рискованна попытка атаки при наступленіи ночи, общество, вполне раздѣлявшее мое мнѣніе, не смѣло открыто подать голоса, самъ же генераль дѣлалъ видъ, что не слышитъ и не понимаетъ меня, а когда я снова обращался къ нему, онъ нетерпѣливо повторялъ одну и ту же фразу:

— Вѣдь вы не знаете, какой передъ нами непріатель. Онъ буквально гроша мѣднаго не стоитъ!

А въ это время этотъ презрѣнный непріатель праздновалъ и торжествовалъ побѣду. Съ самой минуты отбитаго штурма, вдоль барбетовъ, по наружному фасу, толпами скакали всадники, по всей линіи трубили побѣдные сигналы, вездѣ раздавались громкія пѣсни, не заунывныя, а радостныя. Очевидно весь гарнизонъ Китаба ликовалъ неудержимо. День клонился къ вечеру, а съ нимъ приближалась минута настойчиво требуемаго Абрамовымъ штурма. Онъ страдалъ тяжело, но рѣшеніе было неизмѣнно. Приподнявшись вдругъ на локтѣ, онъ обратился къ капитану Фриде, со словами:

— Штурмовать будемъ въ 8 часовъ вечера, а теперь поѣзжайте на лѣвую батарею и приведите сюда двѣ роты 9-го батальона.

Фриде вскочилъ съ мѣста и, взявъ подъ козырекъ, выслушалъ приказаніе, чтобы сейчасъ же привести его въ исполненіе.

— Ваше превосходительство,—позволилъ я себѣ вмѣшаться съ назойливымъ замѣчаніемъ,—если вамъ угодно непременно штурмовать сегодня же, то зачѣмъ же передвигать двѣ роты днемъ?

Единственная надежда на успѣхъ штурма—это его внезапность, а разъ непріятель замѣтитъ сосредоточеніе здѣсь нашихъ силъ, конечно, догадается о нашемъ намѣреніи и усиленно встрѣтитъ штурмующую колонну. Подкрѣпленіе же въ 8 часовъ вечера свободно можетъ подойти къ намъ послѣ вечерней зари.

Абрамовъ покосился на меня, съ полминуты соображалъ и, наконецъ, процѣдилъ:

— Извольте, пусть будетъ по вашему, роты подойдутъ къ намъ, когда уже смеркнется.

Тѣмъ временемъ рабочіе съ лопатами и кирками успѣли вырыть на столько обширную яму, что въ нее уложили страждущаго отъ раны Абрамова, гдѣ онъ могъ въ безопасности отъ артиллерійскихъ снарядовъ предаться не отдохновенію, конечно, а тяжелымъ соображеніямъ о случившемся и ожидаемомъ въ тотъ вечеръ.

Въ сумерки я влѣзъ въ убѣжище Абрамова и глазъ-на-глазъ снова сталъ убѣждать не торопиться, а штурмовать за два часа до разсвѣта. Долго не соглашался онъ, наконецъ, покаялся, что ему крайне желательно покончить съ шахризябцами сколь возможно скорѣе, такъ какъ онъ обѣщалъ Константину Петровичу непремѣнно 13-го взять Китабъ, и тотъ 14-го будетъ ждать его о томъ донесенія. Я опять выставилъ вѣскія данныя на неудачу вечерняго штурма, поручившись Абрамову, что если онъ согласится отправить атаку до двухъ часовъ утра и вмѣсто всей колонны отправить меня съ двумя ротами и лѣстницами въ ночной тишинѣ подкрасться къ стѣнамъ крѣпости и только въ случаѣ удачи моею поддержать меня прочими частями, то несомнѣнно до завтрашняго разсвѣта Китабъ будетъ въ рукахъ нашихъ.

Абрамовъ колебался, но, наконецъ, сдался и во всемъ согласился.

Отрядъ нашъ, изнуренный сильными переходами, ночью работой по возведенію батареи и 36-ти-часовымъ голодомъ, съ закатомъ солнца, не внемля непріятельской канонадѣ, заснулъ въ повалку на бивуакѣ. Но и непріятель утомился, наконецъ, торжествовать побѣду. Ему также потребовались успокоеніе и отдыхъ. Мало-по-малу начали утихать его пѣсни, костры слабѣли, нѣкоторые потухли вовсе. Воцарилась тишина. Изрѣдка задорная батарея Броневского посылала ядро; съ грохотомъ оно потрясало воздухъ и вызывало свистъ отвѣтнаго снаряда. Разсыпанные мною впереди самой батареи стрѣлки, вели рѣдкую перестрѣлку по направленію задуманной, но плохо подготовленной бреші, откуда доносились до насъ голоса работавшихъ около нея людей. Я лежалъ на батарее, рядомъ съ Щербинскимъ, подъ однимъ пледомъ. Онъ безмятежно всхрапывалъ, а меня трепала лихорадка, въ горлѣ пересохло, въ груди дѣлались спазмы. Безотчетно-нелѣпное предчувствіе, что мнѣ не суждено увидѣть восхода солнца и вѣхъ дорогихъ друзей моихъ, меня мучило, какъ никогда. Нѣсколько разъ

пришлось мнѣ вскакивать, получать и отдавать приказанія, при чемъ случалось будить крѣпко и спокойно спящихъ, когда же?—за часъ до штурма. А я, злополучный! Куда дѣвалось мое присутствіе духа и вѣра въ счастливую звѣзду мою? Чего, чего не лѣзло въ разстроенную голову мою въ эту длинную ночь? Щербинскій потянулся, открылъ глаза и, какъ будто соображая что-то очень важное, тайственно проговорилъ:

— А вѣдь сегодня у васъ должна была пировать m-me X.?

— Да, не суждено, видно! А по правдѣ вамъ сказать, Щербинскій, мнѣ все сегодня казалось бы легче, чѣмъ лѣзть на эту проклятую Китабскую стѣну!—съ досадою отвѣчалъ я.

— Но не забудьте, однако, Полторацкій, что здѣсь вы можете быть первымъ, тогда какъ тамъ...

Онъ не успѣлъ докончить остроты своей, какъ меня потребовали къ Абрамову. Не шевелясь, покрытый шинелью, лежалъ онъ въ незатѣйливомъ дворцѣ-ямѣ, но зато многое въ тѣ минуты повелелось въ его умѣ и на сердцѣ...

— Не пора ли выступать, Владиміръ Алексѣевичъ? — спросилъ онъ.

Я посмотрѣлъ на часы, было три четверти двѣнадцатаго. 13-е число истекло, но наступала «пятница».

— Еще часокъ позвольте протянуть, Александръ Константиновичъ, пусть ихъ сонъ разберетъ покрѣпче.

Онъ согласился, и я вышелъ отъ него побродить по батареѣ. Думы черныя темной ночи этой не оставляли меня. Отчего вчера, зная уже о предстоящемъ штурмѣ и не разъ порываясь написать Софѣ и дѣтишкамъ, я не исполнилъ этого намѣренія? По суетвѣртію... Никогда прежде, идя въ опасность, не писалъ я духовныхъ завѣщаній или прощальныхъ писемъ, и Богъ меня миловалъ. «А, ну, теперь, какъ напишу, такъ и хлопнуть!»—думалось мнѣ. Въ лагерѣ, только передъ выступленіемъ, садясь на лошадь, я позвалъ Вавилу и былъ въ силахъ лишь «на всякій случай» дать ему словесныя порученія. Онъ заплакалъ... Нѣтъ, видно, мы оба состарились и обабилась съ нимъ, не тѣ уже, что были на Кавказѣ... Да, Вавила заплакалъ, а я?.. я былъ молодцомъ... съ вида, но на душѣ сотни кошекъ немилосердно скребли.

«Строиться стрѣлковой и 1-й ротамъ»,—раздалась команда надъ самымъ моимъ ухомъ. Нетерпѣливый Абрамовъ торопилъ выступленіемъ, но, впрочемъ, уже былъ второй часъ въ началѣ. Въ воздухѣ было темно и почти тихо. Густое облако пороховаго дыма стояло на ровной плоскости, отдѣляющей насъ отъ крѣпости, и застилало непріятелю видъ на нашу батарею. Вѣтеръ тянулъ на насъ съ Китаба и доносилъ до слуха протяжный напѣвъ очередныхъ бдителей на стѣнѣ, воспѣвающей: «Не спите, не спите, правовѣрные, урусъ подъ стѣнами нашими». Но, не смотря на это, врагъ спалъ и спалъ крѣпко.

Съ батареи наша кучка людей тронулась, я съ нею. Долго, какъ казалось мнѣ, проходили мы эти 280 сажень; встрѣтили ручей, по колѣно его перешлепали; попался арыкъ, перелѣзли тоже, но вотъ черная масса,—это наконецъ стѣна; подтаскиваемъ лѣстницы, ставимъ ихъ, еще шагъ, два и... и молодецкое русское «ура» раскатилось въ непроницаемой тьмѣ. Въ отвѣтъ на него посыпались тысячи пуль, засвистали перекрестныя ядра, раздалось душу раздирающее: «Иль Аллахъ, иль Аллахъ!»... Но не помогли Аллахъ и пророкъ его Магометъ. Штабсъ-капитанъ Шороховъ уже вскочилъ по лѣстницѣ со своими стрѣлками, за ними шутя полѣзли остальные, и черезъ пять минутъ я за валомъ крѣпости на площадкѣ строилъ въ порядкѣ наши роты. Запылали кругомъ сакли и пожарницею своимъ освѣтили намъ то грозное пространство, въ которомъ за нѣсколько передъ тѣмъ мгновеній кишѣла масса насъ прозѣвавшаго непріятели. Его ужъ почти не было у стѣны, онъ постыдно бѣжалъ на всѣхъ пунктахъ...

Оправдалъ я тогда Абрамова. Стоитъ ли двухъ грошей подобный непріятели? Штурмовая колонна наша раздѣлилась: одна часть съ полковникомъ Михайловскимъ пошла налѣво, другая—изъ трехъ ротъ, 1 горнаго орудія, которое на рукахъ по лѣстницѣ втащили солдаты, и 2-хъ ракетныхъ станковъ подѣ моимъ начальствомъ повернула направо. Какъ только запылали внутреннія постройки крѣпости, зажженные руками побѣдителей, колонна изъ оставшихся ротъ лѣвой батареи, такъ жестоко побитая за 15 часовъ передъ тѣмъ, безпрепятственно съ Раевскимъ ворвалась также на стѣну. Безъ боя завладѣлъ я всѣми крѣпостными батареями и сбросилъ съ нихъ орудія въ ровъ.

Въ минуту выступленія съ нашей позиціи заходилъ я за послѣдними приказаніями къ Абрамову въ кителѣ, который очень не понравился генералу, нашедшему, что бѣлый цвѣтъ его откроетъ въ темнотѣ наше приближеніе къ крѣпости, и потребовавшему отъ меня надѣть на себя что нибудь темное.

Вавила отпустилъ со мною на случай свѣжей ночи одно лишь теплое пальто, и вотъ я въ зимнемъ на ватѣ съ барашковыми лацканами драповомъ пальто и пошелъ на штурмъ, быстро шагаль, лѣзъ по крутой лѣстницѣ и бѣгалъ пѣшкомъ по всѣмъ направленіямъ разсыпанныхъ вдоль непріятельской стѣны ротъ, пока въ изнеможеніи отъ усталости и тяжести одѣянія въ безсиліи подвигаться впередъ опустился на землю. Но въ эту критическую минуту зарево внезапно освѣтило передъ глазами моими, за сотню шаговъ, площадку съ длинною коновязью лошадей, засѣдланныхъ, но въ моментъ общей тревоги и паники непріятели, оставленныхъ привязанными. Дотащившись до этой счастливой добычи, я схватилъ перваго попавшагося мнѣ подѣ руку сѣраго коня, а другого вмѣстѣ съ теплымъ пальто приказалъ взять моему горнисту и со-

верпенно довольный тронулся впереди роты верхомъ. Выславъ впередъ нѣсколько паръ стрѣлковъ, я двинулъ отрядъ свой черезъ обширную крѣпость по направленію раздающихся вдали сигналовъ Михайловскаго. Въ узкихъ переулкахъ неправильно разбитаго стана, внутри крѣпости, до двадцати несчастныхъ бѣглецовъ наткнулись на моихъ застрѣльщиковъ и были подстрѣлены ими, какъ куропатки. На средней улицѣ, на бѣломъ конѣ, въ чалмѣ и богатомъ одѣяніи, хотѣлъ ухарски и нахально проскакать мимо самыхъ ротъ какой-то знатный всадникъ, но три мѣткихъ пули почти въ упоръ свалили коня и вѣздока его. Въ одномъ перекресткѣ улицъ толпа шахризязбцевъ, прикрывшись заборомъ, вздумала держаться и встрѣтила насъ залпомъ, но два выстрѣла картечью изъ горнаго орудія живо разсѣяли и этихъ храбрецовъ. Въ 6-мъ часу всѣ колонны уже соединились въ саду за двѣ версты отъ цитадели Китаба. Здѣсь, приведя въ извѣстность потери наши, мы занялись перевязкой раненыхъ и смочили себѣ горло сочнымъ виноградомъ. Поздравленіямъ, а равно и удивленію въ легкости доставшейся намъ побѣды, не было предѣловъ. Вся потеря наша при взятіи Китаба послѣднимъ штурмомъ 14-го числа состояла всего изъ 33 человекъ.

Черезъ полчаса отрядъ началъ наступленіе на сильнѣйшій пунктъ крѣпости, цитадель ея, но уже разнесся слухъ, что непріятель и прославленный повелитель его Джура-Бей, гроза самого эмира, бѣжалъ изъ стѣнъ, постыдно бросивъ на произволь судьбы защиту города и народа. По узкимъ улицамъ наши двигались впередъ въ боевомъ порядкѣ. Было нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, но виновники умирали тутъ же на штыкахъ стрѣлковъ. А вотъ и цитадель. Изъ воротъ ея, въ бойницы, полетѣли на насъ пули, зацѣпившія двухъ артиллеристовъ, но четыре гранаты, а за ними дружный ударъ сотни штыковъ—и на воздухъ полетѣли въ щепяхъ неприступныя ворота. Отрядъ вступилъ въ цитадель съ громкими пѣснями и нашелъ здѣсь богатый дворецъ бека, орудія, оружіе и много всякаго добра.

Щербинскій, гарцовавшій при послѣднемъ дѣйствиі на своемъ сѣромъ карабирѣ, отправленъ былъ съ ключами отъ павшаго града къ Абрамову, который черезъ часъ выѣхалъ къ намъ, хотя все еще страждущій, но сіяя счастьемъ и благодарностью. Вскорѣ въ обширной залѣ бекскаго дворца шахризязбскаго заструился французскій редереръ, выигранный на пари съ Абрамова Урусовымъ, и полились съ виномъ поздравленія и рассказы.

Абрамовъ со стаканомъ въ рукѣ обнялъ меня и сказалъ:

— Вотъ, всѣ кавказскіе герои передъ первымъ своимъ здѣсь дѣломъ проповѣдуютъ осторожность, предполагая встрѣтить въ этомъ непріятелѣ стойкость и отвагу кавказскихъ горцевъ. Не вы первый ошибаетесь, В. А.—и тутъ же, отведавъ меня къ окну, прибавилъ вполголоса: — а надо признаться по душѣ: я вѣдь все поставилъ на карту, Богъ и вы выручили меня.

Въ тотъ же день поскакалъ курьеръ съ донесеніемъ къ Кауфману, и я воспользовался этимъ, чтобы отправить нѣсколько словъ своимъ въ Москву.

Посмотрѣвъ, какъ мы расположились въ хоромахъ Джура-Бея, всякій бы позавидовалъ. Мы заняли красивые апартаменты верхняго этажа съ балконами и крытыми терасами, выходящими въ тѣнистый, замѣчательно хорошо содержанный садъ бека, въ которомъ особенно поражала меня высокая и красивая веранда, густо обитая лозами винограда, каждая кисть котораго была зашита въ кисейный чехоль для сбереженія отъ пернатыхъ хищниковъ и, какъ говорятъ здѣсь, отъ «дурного глаза». Абрамовъ съ Троцкимъ расположились въ нижнемъ этажѣ и занимали высокіе, съ необыкновенно затѣйливыми потолками, чертоги дворца, гдѣ особеннаго вниманія заслуживала одна громадная зала, аршинъ въ двадцать въ поперечникѣ, съ цѣльнымъ, прекрасныхъ цвѣтовъ и узора, ковромъ персидскимъ, покрывающимъ всю площадь этой великолѣпной комнаты. Тутъ же въ сторонѣ, но въ зданіи дворца, расположены были обширныя кладовыя, сплошь набитыя главнымъ достояніемъ и богатствомъ здѣшнихъ властелиновъ — халатами, отъ парчевыхъ и шелковыхъ до шерстяныхъ и ситцевыхъ всевозможной цѣнности и доброты.

Маіоръ Нарбутъ, по занятіи Китаба, назначенный комендантомъ его, получилъ приказаніе отъ Абрамова привести въ извѣстность все имущество завоеваннаго дворца Джура-бея и, принявъ въ свое вѣдѣніе все богатства его, выдать каждому изъ насъ на память полное азіатское одѣяніе. Голубого атласа халатъ со всеми вычурными къ нему принадлежностями, не исключая чалмы и остроконечныхъ туфель, достались мнѣ, но переданы были мною въ гардеробъ Вавилы, совершенно осчастливленнаго этимъ роскошнымъ бакшишемъ. Но не одніе кладовыя бека подверглись подобному опустошенію. Частное имущество и лавки Китаба испытали еще худшую участь. На Кавказѣ мародерство преслѣдовалось властями съ жесточайшею строгостью; были примѣры, когда уличенныхъ въ хищничествѣ предавали для примѣра другимъ смертной казни, а здѣсь? Что городъ, то норовъ. Это, видно, вкоренившійся уже въ край обычай поощрять смѣлость и отвагу завоевателей. «Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходять», но пришедшему сюда на первыхъ порахъ очень многое кажется страннымъ. Хорошаго я здѣсь ничего не вижу, но передъ глазами сторона забавная. Съ балкона своего любовался я слѣдующей картиной, достойной описанія. Въ десяти шагахъ отъ дворца, противъ нашихъ оконъ, находилось одноэтажное, съ плоской крышей зданіе, занятое 2-ю ротой 3-го линейнаго батальона. Съ утра еще эта рота на первой очереди ходила на усиленную фуражировку не только продовольствія, но и равнороднаго добра, котораго добыто изъ лавокъ и домовъ въ громадномъ количествѣ.

Солдаты, тяжело навьюченные, по одиночкѣ возвращались во временную квартиру свою здѣсь, сваливъ добычу, спѣшили бѣгомъ за вторымъ и третьимъ транспортомъ. Чего, чего не натаскали себѣ молодцы эти? Были тутъ ковры, полости, кошмы, войлоки, мѣдные кувшины, тазы, разная посуда, всякая провізія: мука, крупа, свѣчи, мыло, медъ, сахаръ, кофе, табакъ, гвозди, но преимущественно халаты всевозможныхъ цвѣтовъ и видовъ, а затѣмъ масса перинъ, тюфяковъ и подушекъ. Все это каждый владѣлецъ, выбиваясь изъ силъ, въ потѣ лица, волочилъ на спинѣ своей и складывалъ въ кучу въ свой уголь, а затѣмъ переносилъ наверхъ, на плоскую крышу, гдѣ, въ виду у насъ, комично разбирался въ своемъ благоприобрѣтенномъ богатствѣ. Вечеромъ, при наступленіи ночи, чтобы вдоволь насладиться лицезрѣніемъ великихъ богатствъ своихъ, зажгли на крышѣ стеариновые свѣчи и расхаживали по вновь создавшемуся базару своему, иные съ видимою гордостью хвастаясь особенно цѣнными предметами, случайно попавшими имъ въ руки, тогда какъ другіе, плохо скрывая зависть и досаду за неудачную поживу, смиренно копошились въ грудѣ своихъ халатовъ. Тѣ и другіе спѣшили затѣмъ высоко примоститься на взбитыхъ перинахъ и подушкахъ и самодовольно и любовно созерцать несмѣтныя богатства свои. При наступленіи ночи импровизированная иллюминація на крышахъ принимала все бдльшіе размѣры, такъ какъ нѣкоторые молодцы зажигали кругомъ себя по 5 и 6 свѣчей (благо онѣ не купленные), освѣщая добродушное, чисто дѣтское выраженіе полного довольства и благополучія этихъ воинственныхъ людей своимъ временнымъ богатствомъ. Говорю «временнымъ», потому что при обратномъ походѣ некогда ужъ имъ было возиться со всей этой хурдой-мурдой.

Между тѣмъ, намъ становилось жутко. Отъ сильнаго зноя разложившіеся кругомъ насъ въ городѣ трупы убитыхъ при штурмѣ Китаба, не убранные и валяющіеся въ узкихъ здѣсь переулкахъ, до того заражали воздухъ, что невозможно было дышать, а потому рѣшено было выступить за черту города и занять сады лагеремъ. Всѣмъ же жителямъ, оставившимъ Китабъ, отъ имени побѣдителя было разослано воззваніе возвратиться восвояси къ «мирнымъ» занятіямъ работами и торговлей.

16-го же августа произведено было нами, то-есть частью отряда, наступательное движеніе изъ Китаба на другой городъ Шахриязбской провинціи, Шааръ, отстоящій отсюда въ семи верстахъ на юго-западъ, но также въ чертѣ тридцативерстной оборонительной стѣны, нами штурмованной. Предположеніе, что жители Шаара не окажутъ сопротивленія къ занятію ихъ города, оправдалось на дѣлѣ. По дорогѣ туда толпы возвращающагося народа въ Китабъ встрѣчали колонну нашу съ повинною и изъявленіемъ полной покорности побѣжденныхъ, а у воротъ города ожидала насъ несмѣт-

ная масса народонаселенія, восторженно увѣрявшая насъ не только въ безпредѣльной преданности и вѣрности Бѣлому Сардару, но и въ совершенномъ благополучіи избавиться отъ ненавистнаго имъ владычества страшнаго деспота бека Баба-бея... Въ саду около Шаара властями города намъ предложенъ былъ роскошный дастарханъ, при чемъ собравшійся изъ любопытства кругомъ народъ съ покорностью, но видимо безъ особаго удовольствія, выслушалъ генерала Абрамова, громогласно объявившаго, что они, жители городовъ Шаара и Китаба, а равно и всей Шахризязьской провинціи, отнынѣ освобожденные отъ тяжкаго ига обоихъ отложившихся отъ эмира бековъ Джура-бея и Баба-бея, снова поступятъ въ вѣрноподданство ихъ законнаго властелина эмира Бухарскаго.

Въ числѣ тѣсно окружившей насъ толпы разнородныхъ восточныхъ націй, меня поразилъ видъ представителей индусовъ огнепоклонниковъ съ ярко-красными огненнаго цвѣта изображеніями пламени на ихъ лбахъ.

По возвращеніи изъ Шаара мы направились прямо не въ разраженный Китабъ, а въ лагерь, разбитый въ нашемъ отсутствіи среди прекраснаго, очень обширнаго и тѣнистаго сада низложеннаго бека. Здѣсь подъ вѣтвистымъ орѣхомъ нашелъ я свою палатку, а рядомъ съ нею и весь мой штатъ, устроившій мнѣ новую резиденцію на славу. Нигдѣ не видѣлъ и не ѣлъ я такого арбуза, какъ тамъ. Великою въ чудовищную бомбу, темно-зеленаго цвѣта снаружи, онъ съ трескомъ хрустнулъ подъ ножомъ и внутри оказался кровяно-краснаго цвѣта, сочнымъ и сладкимъ выше всякаго описанія. Чудо, а не арбузъ!

Здѣсь уже въ лагерѣ познакомился я подробнѣе и съ оборотною стороною медали, то-есть цѣлью всей нашей экспедиціи, выяснившей смыслъ загадочной рѣчи Абрамова въ Шаарѣ о передачѣ Шахризязьса эмиру Бухарскому. Исторія эта слѣдующая.

Изстари Шахризязьская страна, область, провинція, — называй, какъ хочешь, — очень плодородная и богатая, густо населенная болѣе ста тысячами жителей самаго воинственнаго, а вмѣстѣ и промышленнаго племени всего края, всецѣло входила въ составъ владычній Бухарскихъ эмировъ. Въ 1863 году, вслѣдствіе многихъ смуть и политическихъ переворотовъ въ Средней Азіи, правитель Китаба, отважный бекъ Джура-бей совмѣстно съ Баба-беємъ, губернаторомъ города Шаара, отказавшись платить дань законному повелителю своему, эмиру, подняли знамя возстанія и со всею имъ вѣренною страню совершенно отложились отъ Бухары. Предвидя, что эмиръ несомнѣнно захочетъ возвратить свои права и съ оружіемъ въ рукахъ явится завладѣть родовымъ достояніемъ, — оба бека, Джура-бей въ особенности, приняли самыя энергичныя мѣры къ вооруженію и сильному укрѣпленію всего Шахризязьса и съ этой цѣлью частью возобновили, а частью воздвигли и новую стѣну,

окружавшую Китабъ и Шааръ съ ихъ садами и культурными полями на протяженіи болѣе тридцати верстъ, выстроивъ при томъ въ центрахъ городовъ крѣпкія, по ихъ мнѣнію, цитадели. Когда до инсургентовъ дошла достовѣрная вѣсть о воинственныхъ сборахъ и наступленіи эмира на Шахризязбъ, оба предусмотрительные бека, соображая затрудненія, при маломъ сравнительно гарнизонѣ ихъ, удержатъ на всемъ протяженіи растянутой оборонительной линіи натискъ многочисленнаго непріятеля,—порѣшили всю мѣстность за южнымъ и западнымъ фасадами стѣны затопить напускною изъ арыковъ водою и, такимъ образомъ, сдѣлавъ всю эту часть укрѣпленій недоступною для осаждающихъ, защищать только остальные фасады, усиленно вооруженные артиллеріей и пѣхотой.

Исходъ этой мудрой стратегіи не замедлилъ блестящимъ образомъ оправдаться на дѣлѣ. Семь лѣтъ сряду бухарскія полчища, предводимыя самимъ эмиромъ, тщетно вели ожесточенныя наступленія на Шахризязбскія твердыни, но отбитыя Джура-беємъ и воинственными его инсургентами на всѣхъ пунктахъ атаки съ большимъ урономъ обращались вспять. Тѣмъ временемъ, къ довершенію всѣхъ бѣдъ эмира, передъ штыками русскими палъ и Самаркандъ.

Придавая громадное значеніе этому священному городу, глубоко чтимому во всей Средней Азіи, какъ колыбель великихъ, еще время Александръ Македонскаго, историческихъ событій, съ гробницей въ немъ Тамерлана и другихъ славныхъ сподвижниковъ его, съ безцѣнными памятниками древнихъ дней владычества и культуры, зодчества и искусства, эмиръ бухарскій, въ сознаніи невозможности вернуть его отъ русскихъ силою своего оружія, отправилъ въ Петербургъ своего сына-наслѣдника, молить великаго Бѣлаго царя о возвратѣ ему Самарканда. Посольство это изъ Бухары, въ сопровожденіи нашего полковника Колзакова, конечно, не могло быть успѣшно, но въ видѣ вознагражденія ему обѣщали содѣйствіе нашихъ войскъ къ завоеванію и возвращенію во власть его, утраченной имъ, Шахризязбской области.

Настоящую экспедицію и приведено было въ исполненіе обѣщаніе нашего правительства, и завоеванное царство было сдано генераломъ Абрамовымъ эмиру бухарскому. Всѣ раненые наши, за исключеніемъ подполковника Соболева, на другой же день послѣ взятія Китаба, отправлены были съ двумя ротами въ Самаркандъ, откуда съ нарочными получены были письменныя извѣщенія отъ капитана Иванова. Всѣ они прибыли въ вождѣльномъ здравіи, кромѣ бѣднаго Василія Николаевича Соковнина, у котораго пуля засѣла глубоко надъ легкими, и вынуть ее было невозможно.

Изъ любопытныхъ новостей Ивановъ сообщалъ Абрамову, что изъ Ташкента прибылъ форсированнымъ маршемъ намъ на помощь 1-й стрѣлковый баталіонъ, но, конечно, задержанъ былъ въ Самар-

кандѣ для обратнаго путешествія по голодной степи въ свою штабъ-квартиру. Но что серьезнѣе, это свѣдѣнія о настроеніи всего населенія Заравшанскаго округа, при полученіи о постигшей насъ неудачѣ на первомъ штурмѣ. Народъ былъ сильно возбужденъ и возстаніе въ тылу нашимъ висѣло на волоскѣ. Каково однако! Малѣйшая неудача нашего оружія, и все зданіе нашего владычества могло быть легко поколеблено.

Только 23-го августа, послѣ сложныхъ китайскихъ церемоній при передачѣ Шахризябса новымъ правителямъ, намъ удалось выбраться изъ тѣхъ прекрасныхъ мѣстъ и странствовать съ отрядомъ по горамъ и доламъ, на юго-востокѣ отъ Китаба. Четырехдневное путешествіе по узкимъ тропинкамъ вверхъ и внизъ, вдоль и поперегъ скалистыхъ утесовъ, съ व्यючнымъ только при насъ обозомъ, большими переходами безъ продовольствія и даже палатокъ, представляло намъ очень невеселый дивертисементъ. Предполагаемое столкновеніе, боевое, конечно, съ какимъ-то независимымъ, а потому въ отношеніи насъ и неучтывимымъ бекомъ Магіенскимъ кануло въ воду, и въ награду за претерпѣнные нами труды, во время утомительнаго похода, мы увидѣли передъ собою, правда, въ очень живописной мѣстности, амфитеатромъ выстроенный на берегу рѣки, городъ Оедобей, но, увы, безъ живой души, не только человѣческой, но и куриной.

Къ вечеру, однако, на базарной площади города, какъ изъ норъ, выползли какіе-то оборванные торгаши-туземцы, предлагавшіе на удовлетвореніе нашихъ отошальныхъ желудковъ не мясо на бифштексъ, а плохіе арбузы, дыни и незрѣлый виноградъ. Баронъ Ренне, очень довольный найти наконецъ во вселенной городъ, гдѣ онъ еще ничего не былъ долженъ, въ большомъ количествѣ набралъ дрянныхъ фруктовъ этихъ и широко угощалъ ими всю братію нашу; Вавила же въ это время гдѣ-то добылъ заблудшаго барашка и привлекъ имъ къ себѣ все общество, не исключая Абрамова и прочихъ важныхъ лицъ.

25-го наконецъ, изломанный и избитый, повалился я на соблазнительную постель мою въ Самаркандѣ и съ наслажденіемъ предался чтенію писемъ отъ жены и мальчиковъ моихъ.

Дня два спустя, Ренне и Нарбутъ, по порученію всѣхъ прочихъ участниковъ шахризябской экспедиціи, явились ко мнѣ съ просьбой устроить въ моемъ саду ужинъ въ честь генерала Абрамова, такъ мило насъ угощавшаго во все время похода, а также и отъѣзжающихъ въ Ташкентъ—Троцкаго, Михайловскаго и Фриде. Никогда не отказываясь отъ такой заботы, я согласился, но пришелъ въ недоумѣніе, гдѣ добыть посуды и стекла. Обозъ съ нашими вещами шелъ круговымъ маршемъ на Джамъ, а въ магазинахъ здѣшнихъ на лицо было всего 8 стакановъ. *A la guerre comme à la guerre!* Рѣшили пить прямо изъ горлышка. На каждого при-

шлось (за неимѣніемъ другаго вина) по двѣ бутылки шампанскаго, и всё безъ исключенія исправно, точно и безобидно исполнили эту поголовную бутылочную повинность.

Помимо задушеввыхъ тостовъ и всякихъ пожеланій, одно обстоятельство, случившееся при этомъ словоизверженіи, заслуживаетъ исключительнаго значенія. При провозглашеніи заздравныхъ послѣдовательно каждаго изъ участниковъ экспедиціи и ужина нашего тостовъ, Абрамовъ, самъ руководившій ихъ очередью, не только умышленно пропустилъ двухъ присутствующихъ, но обиняками далъ понять всему обществу, что эти двѣ личности недостойны никакого вниманія, такъ же какъ и представленія къ наградамъ за прошлую экспедицію: въ минуту штурма съ лѣвой батареей табскихъ стѣнъ они невѣдомо куда улетучились, но на правую батарею не явились, а цѣлыя сутки, какъ оказалось впоследствии, скрывались въ пустой и очень спасительной бахчѣ, внѣ выстрѣловъ непріятельскихъ.

Предположенный 30-го августа именинный фестиваль былъ отложенъ по случаю усилившагося нездоровья генерала. Пуля застряла у него въ животѣ; рану зондировали, но, не ощутивъ ея, только развредили и усилили страданія пациента. Не смотря на это, послѣ торжественнаго молебствія и парада, подобающаго въ день тезоименитства государя императора, Нарбутъ, Ренне и я отправились въ просторной долгушѣ на дачу начальника Заравшанскаго округа съ поздравленіемъ. Тамъ застали мы многочисленное общество не только всѣхъ самаркандскихъ жителей, но и пріѣзжихъ изъ области. Абрамовъ, больной и страждущій, былъ, однако, на ногахъ и встрѣтилъ гостей очень радушно. Въ намѣреніи не утруждать его продолжительнымъ пріемомъ, мы уже собрались всё откланяться, когда хозяинъ, пожимая руки прочимъ, попросилъ меня остаться переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Не зная, какъ за отъѣздомъ моихъ спутниковъ добраться до дома, я былъ тутъ же выведенъ изъ затрудненія обязательнымъ предложеніемъ новаго моего знакомца, маіора Юни, командира 6-го линейнаго баталіона, послѣ его аудіенціи съ генераломъ, довести меня до города. Проводивъ всѣхъ гостей и переговоривъ съ Юни, Абрамовъ попросилъ меня въ кабинетъ и, усадивъ противъ себя, съ нѣкоторою торжественностью приступилъ къ сообщенію, что онъ имѣлъ на меня виды, какъ на баталіоннаго командира или начальника отдѣла, во всякомъ случаѣ рассчитывалъ со мной не разставаться, но сегодня ночью полученное письмо отъ Кауфмана разрушило его планы. «Если маіоръ Полторацкій, — говорилось въ письмѣ, — еще не получилъ опредѣленнаго назначенія для командованія частью или управленія отдѣломъ, то командировать его немедленно съ донесеніемъ о шахризьябской экспедиціи въ Ташкентъ для дальнѣйшаго его слѣдованія курьеромъ въ Петербургъ».

Абрамовъ расчелъ тутъ же, что ранѣе 1-го сентября меня отправить онъ не можетъ, такъ какъ донесенія и планы, за которыя онъ засадилъ барона Аминова, не могли быть иначе готовы.

Ихать въ Петербургъ для меня было такимъ благополучіемъ, что на возвратномъ пути съ дачи генерала въ Самаркандъ я безъ умолка приставалъ къ моему спутнику, чтобы онъ понялъ и раздѣлилъ бы мою радость. Прѣхавъ въ его тарантасъ уже около 6 верстъ и распространяясь исключительно о своемъ великомъ счастьи, я тутъ только обратилъ вниманіе на моего сосѣда и узналъ отъ него, что онъ тотъ самый знаменитый Юни, который геройски отбивался при взятіи Севастополя, въ башнѣ Малахова кургана, при чемъ, въ концѣ концовъ, раненый, онъ былъ взятъ въ плѣнъ французами и впоследствии, по личному ходатайству самого императора Наполеона III, награжденъ за подвигъ свой георгиевскимъ крестомъ.

Прѣхавъ въ Самаркандъ, я тотчасъ же объявилъ моему штату объ отъѣздѣ и, предполагая не брать еще слабаго Вавилу, сгоряча сказалъ ему объ этомъ. Панфиловичъ мой въ слезахъ присталъ съ просьбой непременно взять его съ собою, а Кондратій также бросился умолять меня не оставлять его, такъ какъ въ Могилевской губерніи вся семья его, которую онъ уже не видалъ семь лѣтъ. Дѣлать нечего, беру съ собой обоихъ. Все же подвижное мое хозяйство, мельхюръ, посуду, уступилъ я, по его просьбѣ, Абрамову, а самъ пріобрѣлъ легкой и удобной тарантасъ отъ барона Ренне за 160 рублей. Проводы мои въ Самаркандѣ были очень задумчивы и продолжительны, впрочемъ по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, такъ какъ бумаги поспѣли только къ десяти часамъ вечера, не смотря на то, что штабные съ Аминовымъ во главѣ работали день и ночь.

Въ день пріѣзда моего въ Ташкентъ, утромъ же, я представлялся Кауфману. Онъ разспрашивалъ меня о ходѣ всей совершенной экспедиціи и хотя всѣ подробности ея отлично зналъ уже отъ Троцкаго, но желалъ знать и мое мнѣніе, которое я чистосердечно и не стѣсняясь ему высказалъ. Между прочимъ, Константинъ Петровичъ сочувствовалъ вполне моему возрѣнію на поразившее меня халатное пренебреженіе въ походѣ къ окружающему непріятелю; послѣ многихъ разспросовъ онъ неожиданно затѣмъ прервалъ ихъ вопросомъ:

— А вы, Владиміръ Алексѣевичъ, сдѣлали очень важное въ географической отношеніи открытіе?

— Какое? Не знаю, Константинъ Петровичъ.

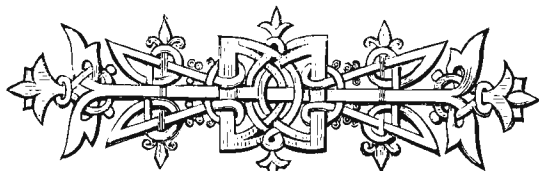
— А опредѣленіемъ достопримѣчательности города Фодобей. Теперь онъ извѣстенъ будетъ тѣмъ, что въ немъ ничего не долженъ баронъ Ренне! Прелестно! — заливаясь добродушнымъ смѣхомъ, отчеканивалъ Кауфманъ. — Вѣдь я все знаю, — добавилъ онъ съ тон-

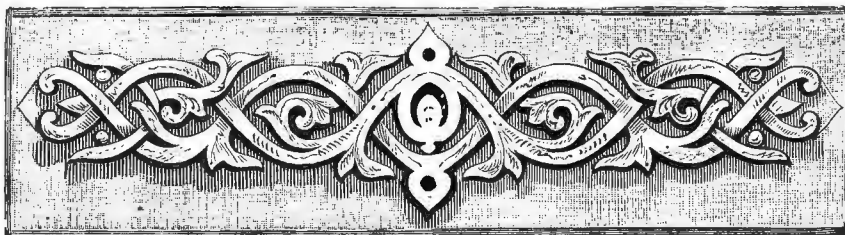
кою улыбкою, — всѣ ваши подвиги, злыя насмѣшки, критику, остроту и даже оригинальную изобрѣтательность на ужинѣ, при недостаткѣ стакановъ; все, все мнѣ извѣстно.

Но, не смотря на милостивое ко мнѣ вниманіе Кауфмана, донесеніе о побѣдѣ должно было скорѣй меня дойти до Петербурга. Сентября 3-го поѣхалъ туда въ отпускъ полковникъ Носовичъ, и пока чертили планы и составляли подробнѣйшее донесеніе для врученія мнѣ, какъ курьеру, Константинъ Петровичъ уполномочилъ Носовича «частно» рассказать военному министру о результатѣ шахрисябской экспедиціи.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XXI.

Обѣдъ въ клубѣ.—Путевыя происшествія.—Пріѣздъ въ столицу.—Военный министр.—Царское Село.—Представленіе государю.—Награда.—Москва.—Кн. С. Я. Грузинскій.—Воспоминаніе объ англійскомъ клубѣ.—Костя Тришатный.—Поѣздка въ Тверскую губернію.—Впечатлѣнія.—Опять Петербургъ.—Встрѣча съ Щербинскимъ.—Новости изъ Туркестана.—Послѣдніе дни 1870 года на Прѣснѣ въ Москвѣ.—Сборы къ отъѣзду.—Скачка до Самары.—Болѣзнь.—Зимній путь.—Катай-Куль.—Свѣтлое воскресенье и розговѣнье въ степи.

АКОНЕЦЪ только 12-го сентября мнѣ вручили длиннѣйшее донесеніе о побѣдахъ въ Шахриязбской области, и я увидаль берегъ, сирѣчь отъѣздъ мой. Благодаря предложенію милѣйшаго губернатора, Николая Никитича Головачева, была отправлена за два дня впередъ эстафета (двухъ-конная, на мой счетъ) о заготовленіи на станціяхъ по степному тракту до самаго Орска курьерскихъ лошадей. За три дня предупредить о быстромъ курьерѣ, конечно, было нѣсколько оригинально, но другого исхода не представлялось.

Въ день отъѣзда въ клубѣ друзья-пріятели давали мнѣ прощальный обѣдъ. Участниковъ было до 20 человекъ, хорошо мнѣ знакомыхъ, и одинъ, по страннѣйшему *qui pro quo*, никому неизвѣстный! Окруженный за столомъ самыми близкими, я былъ уди-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 412.

вленъ присутвіемъ наискось сидящаго офицера стрѣлковаго баталіона, котораго впервые видѣлъ. На вопросъ сосѣдей моихъ, кто сей господинъ, никто не могъ удовлетворить моему любопытству, такъ какъ во всемъ обществѣ знакомыхъ его не оказалось никого. Странное обстоятельство это, конечно, возбуждало общее недоразумѣніе, и потому были наведены справки, выяснившія забавную суть дѣла. Пріятный незнакомецъ, наканунѣ прибывшій изъ Россіи въ Ташкентъ, зашелъ въ клубъ обѣдать и, ничего не подозрѣвая о готовящемся торжествѣ въ честь отъѣзжающаго товарища, увидѣлъ накрытый длинный столъ и собравшуюся публику, вмѣшался въ нее, выпилъ водки и закусилъ, а затѣмъ усѣлся за мнимый табль-д'отъ. Ни музыка, ни тосты, ни присутствовавшія официальные лица, какъ Головачевъ, Польшманъ, Троицкій, Татариновъ, Струве, Медынский и другіе, не привлекли ни малѣйшаго его вниманія уже по той простой причинѣ, что онъ никого еще не зналъ въ лицо. Свободно и очень развязно выслушивая все кругомъ произносимое мѣстными ораторами, онъ не счелъ необходимымъ кому бы ни было отрекомендоваться, а подъ шумокъ только ѣлъ и ожесточенно пилъ. Когда вышли изъ-за стола, онъ, сидя за своимъ приборомъ, даже не пошевелился и потребовалъ себѣ еще вина. Тогда рѣшились задать ему щекотливый вопросъ, по какому случаю онъ попалъ въ интимный кружокъ нашъ, и тутъ только объяснилось, что собутыльникъ нашъ—графъ К., только-что переведенный въ Туркестанъ на службу изъ Преображенскаго полка, гдѣ онъ прославился своими эксцентрическими выходками, а послѣ, не менѣе того, своими продѣлками въ Орлѣ.

Передъ закатомъ солнца меня усадили въ тарантасъ рядомъ съ Струве, Татариновымъ и Лишинымъ, проводившими меня до знаменитой избы въ русскомъ стилѣ, гдѣ, выпивъ по послѣднему стакану шампанскаго, мы обнялись и расстались. Славно проскакалъ я двое сутокъ. На станціяхъ лошади были готовы, даже въ хомутахъ, запрягали живо, везли отчаянно быстро, но въ 30 верстахъ отъ Перовскаго, на полномъ ходу, вдругъ стопъ машина! Передняя ось лопнула пополамъ. Дотащившись къ ночи въ фортъ, только съ утра принялись за сварку и задержали меня на цѣлый день. Рано утромъ, въ торжественный день моего рожденія, 11-го сентября, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ дороги, погоды и лошадей я съ мѣста пустился въ карьеръ и несся съ изумительною быстротой, когда на третьемъ перегонѣ, по совершенно гладкому грунту привольной степи, тарантасъ покачнулся, а колесо въ одиночествѣ стало описывать дугообразныя въ противоположную сторону вращательныя движенія. Что такое? Та же самая ось и въ томъ же самомъ мѣстѣ разлетѣлась опять на двѣ половины. Но пунктъ случившейся поломки былъ иной и вовсе не подходящій. Впереди до Кармакчи болѣе 120 верстъ безлюднаго пространства

а назадъ до Перовскаго около 40 верстъ. Вернулись назадъ и, отправивъ переднюю ось въ фортъ Перовскій съ Кондратьемъ, мы съ Вавилой цѣлые сутки праздновали въ шалашѣ въ сухомятку, около большой дороги. Но 17-го я погналъ снова. Никогда не забуду бѣшеной скачки моей въ степяхъ киргизскихъ; повѣрить и понять это не могутъ не испытавшіе на себѣ такой сумасшедшей ѣзды на дикихъ лошадяхъ, съ дикими ямщиками-киргизами. Форты 2-й и 1-й промелькнули необыкновенно быстро; вотъ уже и граница Туркестанскаго округа, ст. Тилитли, но подѣвжаю къ ней и застаю страшный погромъ. За нѣсколько часовъ до меня проѣхавшій Озеровъ выѣхалъ со станціи благополучно, но вслѣдъ за нимъ на станцію нагрянула партія барантачей-хивинцевъ, предавшихъ все огню и мечу, а на обратномъ пути отбившихъ четверню лошадей, возвращавшихся изъ Джаловлы. По счастливой случайности, милые гости эти пожаловали въ Тилитли полчаса послѣ поѣзда Озерова и за часъ до моего прибытія убрались восвояси. Два перегона спустя, я нагналъ Озерова и уже вмѣстѣ съ нимъ пространствовалъ до города Орска, откуда я послалъ телеграмму въ Москву съ увѣдомленіемъ о моемъ пріѣздѣ и приглашеніемъ Софьѣ выѣхать ко мнѣ на встрѣчу въ Нижній Новгородъ. Отъ Орска, разставшись съ Азіей, я поѣхалъ еще быстрее, такъ какъ опасеніе о возможной починкѣ тарантаса въ предѣлахъ Европы не могло уже пугать меня, а потому на семнадцатые сутки всего путешествія изъ Ташкента я попалъ въ Самару какъ разъ къ отходу парохода вверхъ по Волгѣ. Отсюда я вторичной телеграммой извѣстилъ Софью о моемъ пріѣздѣ въ Нижній 1-го октября. Трое сутокъ хода Волгой врѣзались мнѣ въ память своей монотонностью, а болѣе всего нетерпѣніемъ обнять безцѣнную жену мою. Въ послѣднюю ночь отъ сильнаго волненія я не могъ глазъ сомкнуть и едва не до слезъ сердился на медленный ходъ парохода противъ теченія. Наконецъ настала вожделѣнная минута, виденъ городъ, вотъ пристань, причалили. Но какъ ни глядѣлъ я во всѣ глаза, на набережной нѣтъ моей Сони. Забираю вещи въ фаэтонъ и скачу въ почтовую гостинницу; нѣтъ ея и здѣсь. Оставивъ багажъ въ занятомъ номерѣ, скачу обратно къ пристани, отсюда беру яликъ и плыву на тотъ берегъ рѣки къ дебаркадеру Московской желѣзной дороги, бѣгаю по всѣмъ заламъ, какъ мальчикъ, нигдѣ нѣтъ ея. Въ отчаяніи бросаюсь опять въ яликъ, пускаюсь въ обратный путь и тутъ на срединѣ рѣки встрѣчаю лодку, изъ которой женщина машетъ мнѣ съ изступленіемъ.

Затѣмъ встрѣча на московскомъ вокзалѣ съ І., а на Прѣсенѣ съ дѣтми доставила мнѣ еще отрадныя минуты, пролетѣвшія быстро до отхода въ Петербургъ курьерскаго поѣзда. Разстался я опять съ семьей, конечно, не надолго, но съ золотыми мечтами свидѣться при иныхъ условіяхъ,—мечтами, которыя, увы, разлетѣлись, какъ дымъ.

Еще въ поѣздѣ, добросовѣстно исполняя долгъ службы экстреннаго курьера, я нарядился въ парадную форму и прямо со станціи Николаевского вокзала отправился къ военному министру. На подѣздѣ встрѣтилъ Алешу Милютину, отправлявшася на ученье въ свою батарею, и отъ него узналъ, что отецъ дома, а все семейство ихъ въ Киевской губерніи. Поднимаюсь на верхъ, гдѣ въ аванзалѣ камердинеръ министра, вновь къ нему поступившій и меня не знавшій въ лицо, просить подождать, такъ какъ его высокопревосходительство еще не одѣты. При докладѣ о прибытіи курьеромъ офицера изъ Туркестана, я увидѣлъ въ полуотворенную дверь въ кабинетѣ Дмитрія Алексѣевича въ халатѣ, поспѣшно бросившагося одѣваться. Но взглянувъ въ мою сторону и увидѣвъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, онъ удивленно, но очень мило, встрѣтилъ меня и, усадивъ съ собою пить кофе, принялъ отъ меня привезенныя бумаги.—«Одно могу сказать,—промолвилъ онъ,—неудачно избрали вы тамъ время творить чудеса въ какомъ-то Шахривазѣ, когда Европа занята вопросомъ: возьмутъ ли пруссаки Парижъ! Но впрочемъ все это прекрасно»,—добавилъ онъ.

И дѣйствительно, хотя нашъ походъ кажется ничтожнымъ сравнительно съ войной франко-прусской, однако приобрѣтеніе цѣлой провинціи, богатой и обширной, двадцати девяти орудій, бездны оружія и проч. распространило еще болѣе огромное обаяніе непобѣдимаго воинства благаго царя во всей Средней Азіи. Здѣсь я не удержался, чтобъ не рассказать, въ приливѣ увлеченія, какъ доказательный примѣръ такого обаянія и нашей популярности въ краѣ еще со временъ Черняева, знаменательный эпизодъ 66-го года при взятіи штурмомъ Ташкента. Когда М. Г. Черняевъ по занятіи нашими войсками только четырехъ изъ двадцати четырехъ кварталовъ обширнѣйшаго города, при громѣ еще неумолкшихъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ, потребовалъ къ себѣ аксакаловъ занятыхъ кварталовъ (въ родѣ нашихъ полицейскихъ квартальныхъ надзирателей) и спросилъ, гдѣ у нихъ городскія бани,—аксакалы въ недоумѣніи пояснили генералу, что бани находятся на противоположной сторонѣ Ташкента, куда далеко еще не доходили русскіе солдаты, и гдѣ кишить, не сложившее еще оружія, густое населеніе города. «Такъ проводите меня туда!»—отвѣтилъ Черняевъ и съ однимъ проводникомъ аксакаломъ и другимъ казакомъ въ конвоѣ, къ великому изумленію всѣхъ окружающихъ, отправился верхомъ на дальній край города, невозмутимо смѣло проѣзжая по извилистымъ переулкамъ, среди толпы, возбужденнаго кровопролитіемъ народа. И вотъ этимъ-то смѣлымъ подвигомъ Черняевъ приобрѣлъ себѣ въ Туркестанѣ ту популярность, которая до сихъ поръ еще живетъ между туземцами. Отдавъ въ минуту своей отважной экскурсіи предварительное приказаніе старшему по себѣ въ отрядѣ, Петрушевскому, въ случаѣ, если черезъ два часа онъ не вернется изъ бани благо-

получно, штурмовать городъ и въ немъ не оставить камня на камнѣ, онъ съ наружнымъ хладнокровіемъ совершилъ побѣдку въ баню, спокойно тамъ выпарился и еще спокойнѣе вернулся, внушивъ всему народу восторженное удивленіе. Съ той минуты, прозванный во всемъ краѣ мѣстными жителями батыремъ (богатыремъ), онъ вселилъ въ нихъ, кромѣ того, безграничное уваженіе правдивостью, твердостью даннаго слова и безусловною простотою въ наружномъ образѣ жизни.

Появленіе къ военному министру генераль-адъютанта Мерхилевича прервало бесѣду нашу, и я отправился отъ кузена моего въ главный штабъ.

Въ залѣ главнаго штаба я засталъ массу ожидающихъ пріема графомъ Гейденомъ. Дежурнымъ адъютантомъ оказался мой старый знакомый, бывшій павлоградскій гусарь, гр. Медемъ; подбѣжавъ ко мнѣ и узнавъ, что я только что прибылъ изъ Туркестана курьеромъ, онъ бросился доложить обо мнѣ графу, который вышелъ въ залу и направился прямо ко мнѣ.

— Вы курьеромъ пріѣхали?—радушно обнимая меня, спросилъ графъ Федоръ Логиновичъ.—Были ли у военнаго министра, когда будете представляться его величеству?

— Ничего не знаю, графъ.

— Ну, какъ же это? Впрочемъ, вѣроятно, завтра, у Д. А. кстати и докладъ государю императору. А какъ всѣ раненые? Тяжело ли раненъ Р.?

— Нѣтъ, легко.

— Куда раненъ онъ?

Тутъ я совершенно затруднился и тихонько проговорилъ: *le lieu en question*, но графъ по глухотѣ своей не разслышалъ и, подставляя ухо, еще переспросилъ: «Куда, куда?». Я принужденъ былъ объяснить.

— *Quelle chance, quelle chance!*—заливаясь хохотомъ, нѣсколько разъ повторилъ онъ.

Послѣ официальныхъ визитовъ мнѣ предстояло еще посѣтить незнакомыхъ особъ, къ которымъ привезъ я изъ дальней страны письма; въ числѣ ихъ находились между прочими генеральша Р., съ которой вышло комическое приключеніе.

Еще наканунѣ, будучи у тетки Софьи Борисовны ¹⁾, когда я упомянулъ о Р., находившейся съ ней въ пріятельскихъ отношеніяхъ, она пристала, чтобы я сейчасъ заѣхалъ къ Р., и на возраженіе мое, что письма ея сына я не взялъ съ собою, тетушка упорно настаивала: «*Allez, mon cher, c'est une femme très comme il faut.*».— «*Mais je n'ai pas de lettre sur moi,*»—возразилъ я. «*Allez toujours,*»—неугомонно повторяла tante Sophie. Не смотря на это, я никуда въ

¹⁾ Полторацкой, урожденной Голицыной.

тотъ день не побѣхалъ; но на слѣдующій день ко мнѣ явился метръ д'отель генеральши съ письмомъ: «Господинъ полковникъ,—гласило оно,—узнавъ о вашемъ пріѣздѣ изъ Туркестана, я сгораю нетерпѣніемъ увидѣть и лично услышать отъ васъ о раненомъ моемъ сынѣ, а потому вы не откажите удовлетворить столь понятное любопытство страдающей матери» и проч. и проч. въ этомъ же родѣ, на тему чувствъ родительскихъ, и затѣмъ подпись: «Генеральша такая-то».

— Вотъ письмо NN. къ его матушкѣ, — передавая его дворецкому, пояснилъ я, — а вотъ и приготовленный мой сюртукъ, чтобы сейчасъ ѣхать къ генеральшѣ, о чемъ и доложите ей превосходительству. Вручите же письмо въ ея руки, а самъ я часа черезъ два буду имѣть честь представиться лично.

Отправивъ важнаго посланника г-жи Р., я пустился по разнымъ мытарствамъ и только въ третьемъ часу остановился у подъѣзда барскаго дома на большой Милліонной. Меня ожидали и потому безъ замедленія ввели въ бель-этажъ и по анфиладѣ убранныхъ комнатъ проводили въ затѣйливый кабинетъ хозяйки. Высокая, стройная и очень важная, съ чувствомъ и разстановкой поднялась она съ своего пате и съ должною важною отъѣрила три шага мнѣ на встрѣчу. Послѣ двухъ словъ обязательныхъ привѣтствій при новомъ знакомствѣ, генеральша поспѣшила пригласить меня сѣсть противъ нея къ столику, на которомъ лежало открытымъ длинное письмо сына.

— *Maintenant, monsieur, veuillez parler, je serai toute oreille,*—въ видѣ вступленія промолвила важная барыня.

— Прежде всего, позвольте объяснить мнѣ, куда раненъ сынъ мой?—категорически потребовала она.

— N. N. раненъ пулею очень легко, и рана его, смѣю васъ увѣрить, совершенно безопасна,—отвѣчалъ я.

— Это укажетъ время и послѣдствія,—внушительно изрекла генеральша,—но я желаю знать, куда раненъ онъ.

— Онъ раненъ, раненъ,—какъ школьникъ на экзаменѣ, замаялся я, не умѣя приискать приличнаго опредѣленія раны:—*«il est blessé, madame, entre les reins,*—наконецъ хватилъ я.

— *Non donnez vous la peine, monsieur, de m'indiquer précisément l'endroit de sa blessure!*—пристала требовательная мамаша:—*je vous prie de croire que cette question m'intéresse infiniment!*—пояснила она.

Какъ же еще опредѣлительнѣе объяснить фатальную часть тѣла, избранную къ пораженію шахризязцами? Я мялся. «Ему, ему... вашему сыну не совсѣмъ ловко теперь сидѣть»... бухнулъ я, уже теряя всякое соображеніе отъ пытливой недогадливости моей строгой мучительницы, причемъ я невольно рукой порывисто указалъ на роковое мѣсто раны... На этотъ разъ, судя по кислой гримасѣ, выступившей на сухомъ лицѣ ея превосходительства, она

наконецъ точно уяснила себѣ интересовавшій ея вопросъ, что, однако, не избавило меня отъ слѣдующихъ: «Какъ? Гдѣ? Въ какомъ часу? Кто былъ ближе другихъ къ нему? Что онъ чувствовалъ въ минуту раны? Что видѣлъ онъ во снѣ передъ дѣломъ? Были ли у него особенныя предчувствія? Какъ онъ себя чувствуетъ въ настоящее время, и наконецъ, чего онъ можетъ ожидать за пролитую кровь?»—удовлетворить всѣ эти вопросы было свыше силъ моихъ, но послѣдній я разрѣшилъ положительнымъ свѣдѣніемъ, что N. N., вѣроятно, получить орденъ св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ. Я сказалъ, вѣроятно, хотя зналъ положительно, что въ привезенномъ мною донесеніи онъ именно представленъ къ этому ордену.

Сообщеніе это, однако, не произвело пріятнаго дѣйствія, и она съ очень и очень недовольнымъ видомъ объявила:

— Почему же только Владимира, а не Георгія? Вотъ вы вѣдь носите Георгія, а сыну моему прочите только Владимира. Согласитесь, что это очень странно!

Я, на сколько умѣлъ, постарался объяснить ей, что если бы представился случай, какъ мнѣ, ея сыну, то нѣтъ сомнѣнія, что и онъ заслужилъ бы Георгія, а до тѣхъ поръ надо довольствоваться Владимиромъ, такъ блестяще имъ заслуженнымъ. Эти краснорѣчивые доводы не угомонили раздраженія хозяйки, на меня обрушившей неудовольствіе за неисправность начальства.

— Но прошу васъ потрудиться объяснить мнѣ, почему вамъ именно дали Георгія, а моему сыну его дать не хотятъ?—рѣзко продолжала она.—Право же, вы не добрый человекъ, сами взяли Георгія, а другому его не желаете.

Теряя уже терпѣніе, я высказалъ генеральшѣ, что если начальство и несправедливо къ ея сыну, то я тутъ рѣшительно не причемъ. Это по крайней мѣрѣ убѣдило ее, что дальнѣйшія пренія уже ни къ чему не поведутъ, а потому, томно взглянувъ на дорогое ей письмо неопѣнимаго сына, она внезапно повела новую атаку, съ требованіемъ объяснить ей, какія слѣдуетъ ей лично принять мѣры и т. д., и т. д. Я уже помышлялъ объ отступленіи, когда раздались шпоры, и быстрыми шагами появился въ кабинетѣ лейбъ-гусарь, второй сынъ m-me P. Онъ былъ въ походной формѣ и только что слѣзъ съ коня, по приходѣ всего полка изъ Царскаго Села въ Петербургъ къ осеннему высочайшему смотру.

Почтительно приложившись къ рукѣ матери, P. № 2-й закидалъ меня вопросами о всѣхъ подробностяхъ Шахризьбской экспедиціи и объ участіи въ ней своего брата. Удовлетворивъ его любопытству, я всталъ и началъ раскланиваться.

— Michel,— сказала генеральша,—il était donc convenu entre nous de prier m-r Poltoratsky de nous faire plaisir de diner avec nous; à quand donc, dites?

— Mais à demain, maman, si toutefois m-r Poltoratsky à la journée disponible!—отвѣтилъ сынъ.

— Comment demain? vous oubliez donc que demain a lieu la grande revue?

— Mais, ma mère, ne dine t'on pas aussi les jours des revues?

— C'est vrai, au fond! Eh bien, monsieur, c'est à demain, n'est ce pas?—милостиво пожимая мнѣ руку, изволила рѣшить этотъ важный вопросъ ея превосходительство.

Сынъ ея пошелъ провожать меня. На лѣстницѣ мы остановились; въ полголоса онъ задалъ мнѣ вопросъ о ранѣ брата, и я, не стѣсняясь, отвѣчалъ ему. Въ эту минуту, наверху, какъ разъ надъ площадкой, гдѣ мы шептались, раздался пронзительный визгъ, и генеральша, слѣдившая за нами и вообразившая себѣ какую-то страшную, но скрытую мною тайну, испугалась и въ истерикѣ рухнула на землю. Сынъ съ послѣшностью стремглавъ бросился наверхъ къ матери, а я съ одинаковою послѣшностью бросился въ карету спастись изъ дома чудной генеральши.

Въ тотъ же день вечеромъ, входя въ партеръ Михайловскаго театра, я увидѣлъ тамъ Носовича, за три дня до меня прибывшаго сюда изъ Ташкента.

— Знаете ли вы, Вл. Ал., какъ приглашаютъ на крупную стерлядь?—задалъ мнѣ съ первыхъ же словъ оригинальный вопросъ Носовичъ и, не давъ мнѣ времени отвѣтить, добавилъ:—Вы въ настоящее время исправляете должность этой величественной стерляди.

— Почему? Я ничего не понимаю.

— Очень просто, потому что я получилъ приглашеніе завтра на обѣдъ, въ Большую Милліонную, но не на стерлядь, а на васъ!..

Занавѣсъ поднялся, и мы разошлись по своимъ мѣстамъ. Нѣсколько минутъ спустя, на сосѣднее кресло опустился утренній мой знакомецъ графъ Р.

— Вотъ счастливая встрѣча,—въ полголоса сказалъ онъ;—а я изъ театра намѣренъ былъ всюду разыскивать васъ. Видите ли, испугъ матушки не прошелъ даромъ, она нездорова и просила передать вамъ объ отмініи завтрашняго обѣда въ надеждѣ, что вы не откажете принять наше приглашеніе въ другой разъ.

Тѣмъ это и кончилось.

Спустя нѣсколько дней, я отправился въ Царское представляться его величеству.

Я ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ Бруннеромъ, командующимъ войсками Казанскаго военнаго округа, 16 лѣтъ назадъ командовавшимъ Брестскимъ пѣхотнымъ полкомъ, на рѣкѣ Чолокѣ.

Приѣхавъ въ Царское, я не засталъ дома дворцоваго коменданта; онъ уже отправился во дворецъ, гдѣ я нашелъ его въ одной изъ залъ гуляющимъ съ генераль-адъютантомъ Ник. Вас. Зиновье-

вымъ. Какъ только я, явившись ему, сообщилъ, что прибылъ изъ Ташкента курьеромъ съ донесеніемъ о дѣлѣ въ Шахриязбѣ, Николай Васильевичъ, очень радушно меня встрѣтившій, тотчасъ же возымѣлъ намѣреніе представить меня его величеству и, согласно обязанности дежурнаго вчера генераль-адъютанта, онъ сдалъ меня на руки дежурнаго же флигель-адъютанта, Михаила Тучкова, поспѣшно увлекшаго меня за собою по лѣстницѣ во внутренніе, нижняго этажа, покои государя императора. Здѣсь, на послѣднихъ уже ступеняхъ, около самыхъ дверей въ кабинетъ его величества, встрѣтили мы новаго дежурнаго флигель-адъютанта Алексѣя Игнатьева, принявшаго меня въ свое вѣдѣніе для немедленнаго ввода къ государю. Еще секунда, и я очутился бы передъ его величествомъ. Все это дѣлалось такъ поспѣшно, что я едва успѣлъ во избѣжаніе недоразумѣній пояснить, что въ Петербургъ я уже пріѣхалъ шестой день, и о моемъ прибытіи изъ Туркестана государю доложено военнымъ министромъ, а, слѣдовательно, и извѣстіе, привезенное мною, не есть новость для его величества, вслѣдствіе чего Зиновьевъ рѣшилъ, что явиться мнѣ слѣдуетъ въ числѣ прочихъ представляющихся государю императору, по совершеніи богослуженія въ придворной церкви. Въ 11 часу началась обѣдня, во время которой я видѣлся со многими знакомыми, а въ числѣ ихъ съ графомъ Николаемъ Граббе, очень обнадежившимъ меня надеждами на исполненіе завѣтной мечты моей. За нѣсколько минутъ до окончанія богослуженія комендантъ выстроилъ въ аванъ-залѣ, смежной съ церковью, всѣхъ имѣющихъ счастье представляться государю, на правомъ флангѣ пригласивъ стать Бруннера. Отворились настежь двери, и императоръ, въ сюртукѣ кирасирскаго имени своего полка, вышелъ къ намъ въ пріемную комнату. Во время краткаго разговора съ генераломъ Бруннеромъ его величество бросилъ взглядъ по линіи всѣхъ представляющихся и, увидавъ меня, еще издали, съ милостивою улыбкой кивнулъ мнѣ головою, а затѣмъ, подойдя ко мнѣ, не только подалъ мнѣ руку, но обнялъ и въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ изволилъ выразить искреннюю благодарность свою за новыя мои боевыя отличія.

— А что же ты не надѣлъ на эполеты?—показывая на плечо, громко спросилъ государь.—Сегодня утромъ я подписалъ все представленіе Кауфмана безъ малѣйшаго измѣненія и даю награды эти съ истиннымъ удовольствіемъ, такъ какъ славнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ, въ которомъ и ты, Полторацкій, какъ и всегда, исполнилъ отлично выдающуюся роль, я въ полной мѣрѣ доволенъ. Скажи, пожалуйста,—продолжалъ государь,—вѣдь ты началъ боевую службу на Кавказѣ, а въ Преображенскомъ полку ты не былъ?

— Не былъ, ваше императорское величество, а въ Преображенскомъ полку былъ родной братъ мой, убитый на дуэли,—отвѣтилъ я.

— Ну, значить я правъ,—улыбаясь замѣтилъ государь. — На-

дѣнь же, Полторацкій, звѣздочку, которую ты такъ славно заслужилъ,—промолвилъ его величество, ласково еще разъ кивнувъ мнѣ передъ уходомъ изъ залы.

Не успѣла за нимъ затвориться дверь, какъ множество придворныхъ чиновъ окружило меня съ рукопожатіями и поздравленіями.

Вернувшись изъ дворца на дебаркадеръ Царскаго Села, слишкомъ за часъ до отхода поѣзда, я успѣлъ позавтракать, и ко мнѣ примкнулъ генералъ Бруннеръ. Онъ очень радушно отнесся къ моимъ планамъ и надеждамъ и съ удовольствіемъ вспоминалъ всѣ детали Чококскаго сраженія.

Пробывъ еще нѣсколько дней въ Петербургѣ и получивъ разрѣшеніе на неопредѣленное время съѣздить въ Москву, я отправился въ Первопрестольную, гдѣ жизнь на Прѣснѣ попрежнему потекла мирно и спокойно. Въ тѣ же часы и минуты князь Сергѣй Яковлевичъ ¹⁾ вставалъ, нюхалъ табакъ, пилъ чай, щипалъ себѣ бровь, копался въ своей фотографической мастерской и затѣмъ за пять минутъ до четырехъ часовъ отправлялся на половину Ольги Петровны ²⁾ пить водку и закусывать, съ непремѣннымъ по пути громкимъ сморканьемъ въ корридорѣ; потомъ былъ обѣдъ съ обычнымъ разсказомъ все тѣхъ же и давно мнѣ знакомыхъ анекдотовъ и старыхъ новостей изъ англійскаго клуба. Послѣ обѣда старикъ не спалъ и даже обижался при этомъ предположеніи, но уходилъ въ свою спальню только «полежать», а затѣмъ, просидѣвъ въ глубокомысленномъ молчаніи въ вольтеровскомъ креслѣ, ровно въ семь часовъ уѣзжалъ въ свою родину, англійскій клубъ. Тутъ, играя въ въ теченіе сорока лѣтъ сряду въ карты и, какъ малолѣтній, не научившись все-таки сдѣлать шага, въ 11 часовъ его сіятельство требовалъ ужинъ, въ большинствѣ случаевъ очень не легкій, запивалъ его бутылкой «ядренаго» отъ Никитскихъ воротъ кваса, лакомился пятью (ни болѣе, ни менѣе) конфетами и безъ пяти минутъ половина втораго выходилъ въ швейцарскую. Въ теченіе 46-лѣтняго членства князя Сергѣя Яковлевича ему никогда не приходилось измѣнять своихъ правилъ и потому, если бывало скучно, то онъ дремалъ на диванѣ въ билліардной, но къ назначенному сроку все-таки медленными шагами выходилъ изъ клуба въ тотъ же опредѣленный часъ; точно такъ же, какъ среди оживленнаго разговора, даже его собственнаго повѣствованія, онъ при наступленіи рокового срока обрывалъ рѣчь на полусловѣ и буквально спасался домой. Но слишкомъ полувѣковая жизнь князя С. Я. Грузинскаго по этой имъ же утвержденной программѣ за

¹⁾ Дядя жены Полторацкаго, князь Грузинскій, старый холостякъ, въ домѣ котораго съ матерью жили и воспитывались его мальчишки.

²⁾ Экономка въ домѣ князя.

послѣдніе два, три года значительно измѣнилась, по прихотливымъ требованіямъ, всецѣло завладѣвшаго сердцемъ старика, девятилѣтняго внука, Сереги, который изъ него виль веревки. Старый дѣдъ любилъ юнаго внука своего до безумія, и не было каприза и фантазіи послѣдняго, которыя онъ задумался бы исполнить, хотя бы даже они шли въ разрѣзъ его, временемъ освященныхъ, привычекъ. За послѣднее время оба тезки, старый и малый, почти не разставались съ утра и даже до клуба отправлялись вмѣстѣ, что послужило поводомъ къ прозванію ихъ «грибной двойчаткой». Въ этомъ же англійскомъ клубѣ, по предложенію того же князя Сергѣя Яковлевича, я состоялъ членомъ еще съ 1857 года. Участіе мое въ исторіи князя Ч. съ П., само по себѣ незначительное, пріобрѣло мнѣ завидный тамъ авторитетъ, а происшествіе при выборахъ 1861 года еще упрочило его.

Дѣло въ томъ, что весною 1861 года, по совершенно случайнымъ причинамъ, болѣе чѣмъ обыкновенное число членовъ запоздало къ установленному сроку возобновить свои годовые билеты, такъ что 15-го марта вывѣшенъ былъ въ залѣ списокъ предложенныхъ новыхъ кандидатовъ. Находя крайне неудобнымъ такое значительное количество баллотировать въ одинъ день, комитетъ старшинъ постановилъ раздѣлить ихъ на двѣ части и пустить на общее баллотированіе первыхъ 35 кандидатовъ послѣ табль д'ота въ среду, а остальныхъ черезъ недѣлю. Вслѣдъ за первой баллотировкой, на которой прошли всѣ кандидаты, разнесся слухъ, что въ числѣ избранныхъ проскользнула въ члены клуба весьма двусмысленная личность. Объ этомъ только горячо потолковали, но и замолчали, такъ какъ фактъ совершился, и измѣнить его было невозможно, а только порѣшили, какъ оно и водится, принять это къ свѣдѣнію и на будущей баллотировкѣ быть осмотрительнѣе.

Пришла слѣдующая среда. Послѣ многолюднаго табль д'ота Слезкинъ, Коротковъ и Верецагинъ сѣли со мной въ табельку, какъ подошелъ ко мнѣ старый членъ и землякъ мой по Тверской губерніи, С. Н. К., и попросилъ на нѣсколько словъ. Сергѣй Оболенскій любезно согласился сыграть за меня, а я съ К. отошелъ въ сторону.

— Владиміръ Алексѣевичъ, — таинственно началъ онъ: — вы слышали про скандальную исторію въ прошедшую среду?

— Слышалъ, въ чемъ же дѣло?

— А то, что сегодня баллотировается гусь во сто кратъ хуже. Будетъ стыдъ и срамъ, если этого мошенника допустить къ намъ въ члены.

— Кто же такой?

— Инженеръ III., — отрѣзалъ К., — и я именно обращаюсь къ вамъ, батюшка, зная, что у васъ здѣсь много друзей и знакомыхъ, а потому, конечно, не допустите такого скандала.

— Но кто же изъ членовъ предложилъ его?—былъ первый вопросъ мой.

— К., старикъ безспорно почтенный, но уже выжившій изъ ума и никогда не видавшій въ глаза предложеннаго имъ кандидата.

Не имѣя никакого повода не вѣрить К., съ которымъ всѣ въ клубѣ обращались очень дружески, я, не долго думая, бросился по всѣмъ комнатамъ длинной анфилады, отъ inferнальной и биллиардной до чернокнижной и дѣтской включительно, и безъ дальнѣйшихъ объясненій сообщалъ направо и налево слѣдующее: «Господа, сегодня баллотируется м... Ш., кладите налево!». Объжавъ всѣ углы клуба и не встрѣтивъ возраженія, я вернулся къ нашему столу и сѣлъ за карты. Колокольчикъ возвѣстилъ о началѣ баллотировки. Всѣ ринулись въ залу, къ ящикамъ, куда направились и наша партія, конечно, положившая Ш. черные шары. Вскорѣ затѣмъ старшины приступили къ счету шаровъ, и оказалось: 34 кандидата избранными большинствомъ, а инженерный полковникъ Ш. жестоко забаллотированнымъ, получивъ изъ 276 шаровъ бѣлыхъ только—14. Какъ скоро сталъ извѣстенъ исходъ голосованія, начали собираться кружки, и послышались оживленные, но и безтолковыя разсужденія: «Какъ? Почему? За что?». Никто не зналъ. Изъ числа наиболѣе возмущенныхъ, болѣе всѣхъ горячился и ораторствовалъ инженеръ полковникъ А. М. Н—инъ и заужиномъ въ нашемъ кабачкѣ (отдѣльной около столовой комнатѣ) убѣдительно доказывалъ намъ всѣмъ, что Ш. онъ лично, давно и коротко знаетъ, что онъ отличный человѣкъ, честнѣйшій офицеръ и примѣрный отецъ семейства, только что вышелъ изъ старшинъ дворянскаго клуба и съ прекраснѣйшей стороны извѣстенъ самому генералъ-инспектору по инженерной части, великому князю Николаю Николаевичу старшему, а главное какъ перенесетъ онъ теперь этотъ незаслуженный позоръ? По мѣрѣ того, какъ говорилъ Н., въ жилахъ моихъ стыла кровь при догадкѣ, что я по своей горячности и довѣрчивости былъ слѣпымъ орудіемъ гнусной интриги. Рѣзко вскочилъ я и во всеуслышаніе объявилъ пораженному мимъ признаніемъ Н., «что всему случившемуся несчастью виновникъ я, но если противъ воли я впалъ въ ошибку, то клянусь исправить ее, или же самому возвратить билетъ мой», и съ этими словами стремглавъ бросился въ чернокнижную.

Въ этомъ святилицѣ разглагольствованія и празднословія, однако, засѣдали люди, искренно ко мнѣ расположенные и до тонкости компетентные въ премудрыхъ законодательствахъ англійскаго клуба. Первымъ, кого я тамъ увидѣлъ, былъ почтенный И. А. Головкинъ. Разказавъ ему о случившемся, я пустился на хитрость, увѣривъ его, что я зналъ какого-то полковника Ш., большаго мошенника, а это инженеръ-полковникъ, о чемъ я узналъ только послѣ, и введенъ былъ въ преступное недоразумѣніе и вотъ

что натворилъ. Это надо во что бы то ни стало исправить: «научите же, уважаемый Ив. Ал., какимъ путемъ оно возможно?». Пока я объяснялъ съ жаромъ грустное происшествіе Головкину, Горчаковъ и другіе окружили насъ и, участливо вникнувъ въ мои горькія жалобы, стали усиленно соображать и взвѣшивать, какимъ образомъ поправить бѣду. Наконецъ, на основаніи моихъ убѣдительныхъ показаній, они общимъ совѣтомъ нашли лазейку, а именно, чтобы я сейчасъ же написалъ заявленіе о происшедшемъ недоразумѣніи съ просьбой о перебаллотировкѣ, лишь по моей ошибкѣ не избраннаго въ члены клуба, инженеръ-полковника. Это заявленіе, не смотря на очень поздній часъ вечера, еще до разѣзда членовъ изъ клуба, было уже подписано 51 членомъ и тутъ же передано въ комитетъ старшинъ, который на другой же день, въ экстренномъ, никогда небываломъ по подобному случаю, собраніи своемъ, послѣ долгихъ споровъ, пререканій и шумныхъ несогласій, порѣшилъ, однако, постановленіемъ, въ назначенный черезъ три дня срокъ, подвергнуть голосованію общаго собранія гг. членовъ клуба предварительный вопросъ: «Можно ли, по заявленію члена клуба, В. А. Полторацкаго, вопреки основныхъ статей устава клуба, допустить перебаллотированіе кандидата, уже разъ забаллотированнаго?».

По счастливой для меня случайности, М. Н. Лонгиновъ, бывшій членъ комиссіи по пересмотру устава Московскаго англійскаго клуба, а потому считавшій мельчайшее отступленіе отъ всякаго параграфа устава за святотатство или за личное себѣ оскорбленіе,— въ тотъ памятный день, по причинѣ жабы, сидѣлъ дома и въ клубъ явился только, когда уже постановленіе старшинъ о перебаллотировкѣ было вывѣшено въ залѣ. Лонгиновъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, сталъ шумно протестовать и, обладая отъ рожденія очень развитыми легкими, звонко, но тщетно кричалъ цѣлый день о противозаконіи, а вечеромъ того дня подалъ на допущеніе баллотировки письменный протестъ, но заявленіе его подписали не 51 членъ, какъ то требуется по уставу клуба. Непоколебимо строгій блюститель буквы устава выходилъ изъ себя, кричалъ, агитировалъ, но напрасно: въ назначенный день баллотированіе состоялось и вслѣдствіе моихъ напряженныхъ усилій, а также энергическихъ стараній мнѣ сочувствующихъ членовъ, предложенный вопросъ прошелъ значительнымъ большинствомъ въ утвердительномъ смыслѣ, то-есть постановленіе собранія: «допустить перебаллотировку личности г. Ш.». Примѣръ единственный до тѣхъ поръ въ исторіи Московскаго англійскаго клуба! Ровно недѣлю спустя, инженеръ Ш. былъ избранъ на этотъ разъ громаднымъ большинствомъ бѣлыхъ шаровъ. Я былъ въ восторгѣ и втихомолку подсмѣивался надъ своякомъ моимъ, Мишей Лонгиновымъ. По разслѣдованіи интриги противъ вполне достойнаго человѣка, какимъ ока-

зался Ш., выяснилось, что онъ, будучи за годъ передъ тѣмъ старшиной дворянскаго клуба, уличилъ и вывелъ на чистую воду одного изъ своихъ сотоварищей, въ явномъ злоупотребленіи общественнымъ имуществомъ. За это-то Ш. и подвергся потомъ преслѣдованію и мести К., какъ закадычнаго друга обвиненнаго. Приписывая мнѣ весь успѣхъ счастливаго исхода, Ш. пріѣхалъ ко мнѣ рекомендоваться и благодарить за благополучное возстановленіе своего имени. Совѣстно было мнѣ принимать эти изліянія, далеко не заслуженныя,—не поддайся я такъ малодушно клеветѣ К., ничего бы не было. Но не такъ посмотрѣло на это все общество, въ глазахъ котораго откровеннымъ признаніемъ и энергичнымъ исправленіемъ ошибки моей я снискалъ среди членовъ клуба общее расположеніе, выразившееся нѣсколько дней спустя, при избраніи новыхъ четырехъ старшинъ. За очень малымъ исключеніемъ, не было записки, поданной на баллотировкѣ, на которой бы фамилія моя не стояла въ первомъ номерѣ, и громаднымъ большинствомъ я былъ выбранъ въ старшины англійскаго клуба, гдѣ впослѣдствіи и пользовался извѣстнымъ авторитетомъ...

Не такъ счастливо это обошлось К. Въ концѣ того же года апоплексическій ударъ сразилъ его на креслѣ въ библіотекѣ клуба, и онъ мертвый покатился на полъ.

Много другихъ воспоминаній связано у меня съ этимъ сильнымъ традиціями клубомъ, но эта исторія особенно была мнѣ памятна.

Жизнь въ Москвѣ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, снова затянула меня. Встрѣчи съ друзьями, родными и просто съ многочисленными знакомыми поглощали почти все время отпуска. Ъздилъ и къ Костѣ Трипатному. Не приведи Богъ быть въ подобномъ положеніи. На что сталъ похожъ онъ? И тѣни не осталось въ этомъ злополучномъ существѣ той энергіи и силы воли, которыми нѣсколько лѣтъ назадъ онъ отличался отъ всей прочей братіи на Кавказѣ? Какое существованіе человѣка, недавно еще здороваго и предприимчиваго, а теперь представляющаго собою пришибленную, беспомощную развалину? Голова Кости была еще свѣжа, и въ глазахъ горѣлъ тотъ же живой огонь, но затѣмъ отъ шеи до пальцевъ на ногахъ все было разбито параличемъ и въ общемъ представляло безсильный чурбанъ, двигать которымъ несчастный уже не могъ безъ помощи посторонняго лица. Но духомъ Трипатный не палъ. Правда, энергія и надежда на исцѣленіе поддерживались въ немъ фантастическими обѣщаніями какого-то англичанина, ручавшагося изъ Лондона возстановить его силы и поставить на ноги за полтораста фунтовъ стерлинговъ. Утопающій хватается за соломинку, и вотъ Костя, не долго размышляя, сколотилъ требуемую сумму и наивно внесъ значительный кушъ этотъ на имя ловкаго мошенника и ежеминутно ожидалъ

благодѣтельныхъ результатовъ отъ высланныхъ снадобій. Когда на лицѣ моемъ онъ прочелъ безотрадное впечатлѣніе при видѣ его жалкой безпомощности и плохо скрытаго недовѣрія къ обѣщаннымъ чудесамъ, Костя оживленными, какъ въ былыя времена, глазами посмотрѣлъ на меня и весело сказалъ: «Вѣрь мнѣ или не вѣрь, но я твердо убѣжденъ, Владиміръ, что мы съ тобою будемъ еще рядомъ драться въ Турціи».

Обманывалъ ли онъ самъ себя и другихъ, или дѣйствительно увлекался несбыточными надеждами, понять было трудно.

Изъ Москвы съѣздила я на короткое время и въ Тверскую губернію, но путешествіе это совершилъ хотя и быстро, но, по совѣсти, безъ великихъ наслажденій. Тяжело при измѣнившихся обстоятельствахъ встрѣчаться со многими людьми, но еще тяжелѣе видѣть дорогія по воспоминаніямъ мѣста въ полномъ и омерзительномъ разореніи. Вообще мало отраднаго видѣлъ я въ Новоторжскомъ уѣздѣ нашемъ. Имѣнія, уцѣлѣвшія отъ продажи съ молотка, доведены до такого безобразно жалкаго вида, что сердце обливалось кровью, когда я проѣзжалъ мимо этихъ скелетовъ безъ плоти, безъ души и признаковъ въ нихъ жизни, такъ живо напоминающихъ, однако, недавнее прошлое.

Отъ Торжка по нашему тракту до Заовражья и далѣе красовались дворянскія усадьбы, совершенно брошенныя, съ проросшими травою крыльцами и пустою надворною постройкой. Вездѣ царило полное затишье, уныніе и нищета. Жалобы на стѣсненіе, на нужду, на полное разореніе, слышались повсемѣстно. Стоны эти раздавались въ опустѣлыхъ хоромахъ бывшихъ богачей такъ же настойчиво, какъ и въ незатѣйливыхъ домахъ помѣщиковъ средней руки и въ хатахъ мелкопомѣстныхъ.

Былъ въ Селиховѣ у Загряжскихъ, въ Торжкѣ у Львовыхъ, даже на охотѣ съ кричанами, около Давыдова. Но было сиверко, вѣтрено и вообще неудачно, такъ какъ пришлось грѣться не выстрѣлами, а полшубками. Вообще на родинѣ моей нашель развлеченій мало и столько перемѣнъ во всемъ къ худшему, что безъ сожалѣнія оставилъ тѣ края до лучшихъ временъ.

По возвращеніи въ Москву, захвативъ жену, отправился вновь въ Петербургъ для разъясненія служебныхъ вопросовъ относительно срока возвращенія въ Туркестанъ и вскорѣ извѣщенъ былъ о волѣ высшаго начальства, чтобы я только въ половинѣ февраля явился въ главный штабъ за отправленіемъ, а въ ожиданіи того проживалъ бы, гдѣ вздумается. Конечно, рѣшилъ ѣхать въ Москву опять къ своимъ, куда влекло меня сердце, а также карманъ, очень пострадавшій отъ пріятнаго существованія въ дорогомъ Петербургѣ.

Незадолго до отъѣзда, поздно вечеромъ, меня разбудилъ усиленный стукъ въ двери и чей-то незнакомый голосъ. Я вскочилъ съ постели, отворяю дверь и сталкиваюсь—съ кѣмъ же? Съ Нико-

лаемъ Щербинскимъ, только наканунѣ прїѣхавшимъ въ Петербургъ прямо изъ Ташкента. Конечно, я засыпалъ его вопросами, но онъ не хотѣлъ мнѣ отвѣчать, выставивъ причиною, что если онъ явился ночью ко мнѣ, то не для того, чтобы глазъ на глазъ толковать о пустякахъ, а съ тѣмъ, чтобы увлечь меня съ собою ужинать въ ресторанъ Вера, гдѣ ожидаетъ насъ наипрїятнѣйшая публика. Черезъ пять минутъ въ отдѣльномъ кабинетѣ отеля я уже возсѣдалъ среди милого общества Литке, Боборыкина, барона Корфа и главнаго за пѣвалы Коли Щербинскаго.

Шампанское развязало языки, и я по требованію всѣхъ членовъ компаніи вынужденъ былъ рассказать во всѣхъ подробностяхъ Шахриябскую экспедицію, о результатахъ которой дошло мое сообщеніе Абрамову въ Самаркандѣ наканунѣ выѣзда оттуда Щербинскаго. Почему-то это увѣдомленіе мое оказало неожиданное дѣйствіе, такъ какъ нѣкоторые допускали мысль, что по прїѣздѣ въ Петербургъ я критически отнесусь къ совершенной экспедиціи и постараюсь умалить всѣ заслуги отряда, а потому извѣстіе, сообщенное мною съ разрѣшенія Милютина, въ день моего представленія государю, о высочайше дарованныхъ наградахъ, а именно: Абрамову—Георгіа 3-й степени, Троцкому—чина генераль-маіора съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ, Михайловскому—Владимира 3-й степени съ мечами, Соковнину—золотого оружія «за храбрость», Соболеву и Раевскому—Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ,—произвело отрадное впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ китабскаго штурма. Одинъ бѣдняга Соковнинъ не испыталъ прїятнаго удовлетворенія давнишней мечты своей, закрывъ на вѣки глаза за нѣсколько дней до полученія моего поздравленія.

1870 годъ, начавшійся для меня въ Москвѣ, на Прѣснѣ, въ тревожныхъ сборахъ и ожиданіяхъ тяжелаго путешествія въ Среднюю Азію, по волѣ судьбы истекалъ теперь здѣсь же, на Прѣснѣ, при самыхъ мирныхъ и спокойныхъ условіяхъ семейной жизни.

Новый 1871 годъ подкрался такъ тихо и незамѣтно, что не вѣрилось даже и прибавившейся цифрѣ нашего жизненнаго лѣтосчисленія. Наученный опытомъ тяжелой разлуки съ дорогимъ моему сердцу семействомъ, я теперь всячески старался, въ счетъ будущихъ временъ, насладиться счастьемъ быть среди него, тѣмъ болѣе, что нельзя было вновь увлекаться мечтой о новой сюда командировкѣ изъ степей туркестанскихъ.

Въ Петербургѣ меня продержали не два, три дня, какъ я рассчитывалъ, а цѣлыхъ двѣнадцать, и, наконецъ, вручили мнѣ депеши къ К. П. Кауфману, которыя, по заявленію графа Гейдена и Д. А. Милютина, я долженъ былъ доставить не позже 1-го апрѣля. Итакъ, въ началѣ марта я могъ уже пуститься съ Богомъ въ путь-дороженьку.

Три мѣсяца, почти безвыѣздно проведенные мною въ Москвѣ

(исключая послѣдней поѣздки въ Петербургъ), при маломъ разнообразіи моего здѣсь образа жизни пролетѣли, однако, незамѣтно. 4-го марта я выѣхалъ изъ Москвы по прежнему тракту на Нижній, Самару и проч. Въ трое почти сутокъ путешествія отъ Нижняго до Симбирска я весь распухъ. Глаза, какъ жалкія щели, ничего не видѣли, а лицо горѣло страшно. Ничего похожего на такую дорогу я никогда не видалъ: зимой снѣга были огромные и ими занесены высокіе дома и строенія, а послѣднія пурги преобразили массы снѣга въ гигантскія глыбы, по которымъ и влекли безъ разбора и всякаго милосердія мои бранныя кости. Къ тому же, вѣроятно, на желѣзной дорогѣ я простудилъ себѣ лѣвое плечо и вскрикивалъ при каждомъ ухабѣ. Отъ Симбирска боли такъ усилились, что меня уже почти безъ чувствъ ямщики съ Вавилой вынимали изъ саней. Послѣдній къ Самарѣ перегонъ ночью, гдѣ три раза переправляли насъ черезъ Волгу съ провожатыми, вооруженными шестами, топорами и баграми, при сильномъ вѣтрѣ и порядочномъ морозѣ, довершилъ переиспытанныя истязанія. Меня на рукахъ втащили въ гостинницу, положили на кровать, и я не зналъ, какъ дожидаться утра и прихода доктора. Нѣсколько дней я пролежалъ въ Самарѣ и былъ на волосокъ отъ сильнѣйшаго воспаления легкихъ. Вотъ тебѣ и курьеръ! Но, хвала Господня, кровохарканье прекратилось, жаръ уменьшился, и я могъ продолжать свой путь. Милѣйшій докторъ, Рашмиковичъ, не хотѣлъ вѣрить въ такой крѣпкій организмъ. «Неужели вы полагаете, что у васъ была простая простуда? Припомните и сознайтесь, что недавно васъ потрясъ нравственный ударъ». «Ихъ было очень много, докторъ, но все они болѣе или менѣе ожидаемые при этихъ толчкахъ и ухабахъ»,—смѣясь отвѣчалъ я. Какъ бы то ни было, а видоизмѣненіе къ лучшему произошло такъ быстро, что я рѣшилъ ѣхать. Наканунѣ еще мой пріятель Романовъ настаивалъ на отправленіи депеши военному министру съ вопросомъ, кому прикажетъ онъ передать мои бумаги для дальнѣйшаго съ ними слѣдованія въ Туркестанъ. Какъ водится, русскій человекъ и тутъ оказался не безъ родни. Кого же я здѣсь встрѣтилъ? Левшина, cousin'a Софьи, бывшаго чиновника особыхъ порученій при Кауфманѣ въ Вильнѣ. Онъ былъ теперь женатъ на Шаухфусъ, сестрѣ нашего туркестанскаго героя, и состоялъ вице-губернаторомъ города Самары.

По свѣдѣніямъ прибывшей почты, зимній путь лежалъ до самой Казалы, надо было пользоваться; но уже за Иргизомъ (уральское укрѣпленіе) снѣгъ сталъ таять, образуя зазоры и наводняя все рѣченки степи. Невинныхъ шалостей киргизъ-хивинцевъ въ степи еще не было, но ихъ ожидали въ большихъ размѣрахъ, какъ только сойдетъ снѣгъ. Уѣздный начальникъ иргизскаго района рассказывалъ мнѣ о настроеніи этихъ сыновъ степей, а также о томъ, что хивинскій ханъ вполне убѣжденъ въ своей безнаказанности. Со

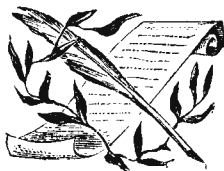
времени несчастнаго похода въ Хиву графа Перовскаго протекло уже болѣе 40 лѣтъ, а между тѣмъ до сихъ поръ много крови русской пролито хивинскими хищниками, держащими постоянно весь Казалинскій трактъ въ тревожномъ положеніи. Мы застряли на той именно станціи, гдѣ въ прошломъ году осенью хищники вырѣзали людей, разбили караванъ и угнали лошадей, едва не захвативъ Озерова. Теперь же, пока въ поляхъ снѣгъ и вода и нѣтъ подножнаго корма,—они не опасны. Хуже всего, что запасы стали истощаться, а между тѣмъ станціи попадались все бѣднѣе и пустыннѣе. Что представляла тогда, на примѣръ, станція Катай-Куль? Среди необъятной степи разбита была дырявая джаломейка, гдѣ помѣщались грязные киргизы, а рядомъ что-то въ родѣ землянки, безъ оконъ, пола и настоящихъ дверей—для гг. проѣзжающихъ. Въ ней, конечно, было сыро, темно и гадко; бездна мышей, сороконожекъ и всякихъ гадовъ. Должность станціонныхъ смотрителей возложена здѣсь на грамотныхъ урядниковъ оренбургскаго казачьяго войска, приставленныхъ къ каждой станціи съ двумя рядовыми казаками для наблюденія за порядкомъ и точнымъ исполненіемъ киргизами законныхъ требованій злополучныхъ проѣзжающихъ. Но за жалованьемъ и провіантомъ они отправлялись въ ближайшіе города; такъ случилось и на сей разъ. Казаки, не имѣя къ предстоящему празднику Пасхи куска хлѣба, ринулись въ укрѣпленіе Ирчиское, предоставивъ насъ произволу дикарей ямщиковъ-киргизовъ, столько же понимающихъ законы и требованія наши, какъ мы ихъ нарѣчіе и мимику. Довольно сказать, что живутъ они въ сосѣдствѣ съ кусками кроваваго мяса, развѣшаннаго для копченія, и все лошадинаго; вонь и смрадъ, конечно, сильнѣйшіе.

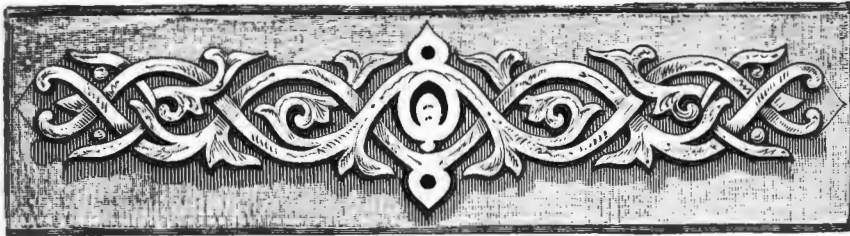
Подробности же встрѣчи мною торжественной минуты Свѣтлаго воскресенья довольно любопытны. Среди безконечной степи, на берегу бурливаго ручья Аксая, расположился весь таборъ нашъ въ составѣ 10 человекъ (четверыхъ насъ, почтальона съ казакомъ, двухъ киргизовъ-ямщиковъ и двухъ лаучей, т. е. верблюдовожатыхъ), 7 влячъ и 6 верблюдовъ съ таранасомъ, почтой и вьюками. Еще засвѣтло изъ двухъ тюковъ я соорудилъ столъ, покрылъ его чистой скатертью и, да проститъ меня Богъ, выставилъ на него единственный штофъ съ водкой и всѣ имѣющіеся консервы. Затѣмъ, мы усѣлись всѣ у костра и ожидали въ тишинѣ и молчаніи наступленія полуночи. Ровно въ 12 часовъ произвели мы пальбу изъ всѣхъ наличныхъ ружей, послѣ чего я поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ и перекрестосовался съ православными. У насъ не было пасхи, кулича и красныхъ яицъ, не было даже кусочка хлѣба, но за то можно смѣло поручиться, что никто въ Киргизской степи, на берегу Аксая, никогда не вкушалъ патефугра съ трюфелемъ, дупеля съ шампильонами и зеленаго горошка...

Ночью въ Аксаѣ вода спала, и на утренней зарѣ мы переправили сначала верблюдовъ, а потомъ перетасили на канатѣ и тарантасъ, чуть-чуть не залитый водой. На станціи же Джаловлы, о ужасъ, новый ручей, бушующій и стремящійся, чуть ли не страшнѣе самой Волги. Опять остановка, ночлегъ въ изорванной кибиткѣ и проч., но хуже всего—недостатокъ хлѣба. Полнаго голода еще не было, до границы туркестанской оставалось еще 48 верстъ, а между тѣмъ весь запасъ хлѣба, рыбы, соли, сахара истощился совершенно. По случаю распутицы не было проѣзда; смѣшно сказать, отъ Нижняго до станціи Джаловлы (кромѣ двухъ почтъ) я не встрѣтилъ ни одной души изъ Ташкента и ничего не зналъ о новостяхъ туркестанскихъ; къ тому же за неимѣніемъ лошадей я все время, по курьерской подорожной, тащился на верблюдахъ. Подъ самымъ Казалинскомъ необычайный разливъ арыковъ, затопившій на нѣсколько верстъ мѣстность, сдѣлалъ перевозку экипажей невозможной, и пришлось продолжать путешествіе верхомъ по морю, яко по суху. Но зато встрѣтилъ Дмитровскаго и Соболева. Съ жадностью голоднаго волка набросился я на предложенный первымъ ужинъ, такъ какъ у меня въ теченіе восьми сутокъ не было во рту хлѣба, и пятый день я уже не пилъ чая. Хорошаго было мало слышно изъ Ташкента. Соболевъ покидалъ край совершенно, Дмитровскій также только о томъ и мечталъ.

В. А. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XXII.

Ташкентъ. — Раздоры сосѣдей. — Статьи «Московскихъ Вѣдомостей» о необходимости похода въ Хиву. — Экспедиція въ Кульджу. — Слѣдствіе о нападеніи на Аракъ-су. — Назначеніе мое слѣдователемъ о беспорядкахъ въ 7-й уральской сотнѣ. — Чинавъ. — Охота на фазановъ, рассказы Бизилюка о тиграхъ. — Окончаніе слѣдствія. — Приготовленія къ пріѣзду кокандскаго наслѣднаго принца и его пріемъ. — Извѣстія о смерти Софьи Борисовны и Александра Ѳеодоровича Полторацкихъ. — Болѣзнь и кончина Н. А. Милютина. — Толки о Кашгарѣ. — Военно-судная коммиссія въ Ходжентѣ. — Приговоръ и его послѣдствія. — Отъѣздъ Кауфмана въ Петербургъ; проводы его. — Катастрофа въ семействѣ Михайлова. — Слухи о Хивѣ. — Кончина П. Д. Киселева.

СЕМУ НА СВѢТѢ бываетъ конецъ, наступилъ онъ и моему путешествію. 18-го апрѣля, послѣ 45-ти дневныхъ испытаній и мукъ, вѣхалъ я, наконецъ, въ Ташкентъ. Подъѣзжая къ цѣли моего странствованія, я испытывалъ разнородныя и сильныя ощущенія, такъ какъ по пути изъ Казалинска, а въ особенности въ фортѣ Перовскомъ, мнѣ за достовѣрное сообщали о выступленіи Кауфмана съ отрядомъ къ Бухарѣ, и мнѣ слѣдовательно предстояло догнать его на походѣ. На дѣлѣ же выяснилось, что движеніе отряда приостановлено, хотя дѣйствительно всѣ приготовле-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 778.

нія даже въ большихъ размѣрахъ, уже были сдѣланы, и день выступленія былъ назначенъ. Но изъ Петербурга приостановили желаемый всею братіей нашей походъ, впрочемъ, не надолго.

Кауфманъ же съ семействомъ выѣхалъ въ Самаркандъ, куда я въ тотъ же вечеръ направился и, къ счастью, нагналъ его въ городѣ Чиназѣ (65 верстъ отъ Ташкента). Встрѣча и пріемъ были самые любезные, но содержаніе привезенныхъ бумагъ заключало veto и не могло быть особенно пріятно. Политическія дѣла у сосѣдей такъ запутались, тамъ были такія смуты и даже междоусобныя рѣзни, что К. П., безъ сомнѣнія, могъ быть поставленъ въ крайнюю необходимость дѣйствовать рѣшительно. Ясно, что за 4.000 верстъ трудно направлять и управлять въ Средней Азіи, гдѣ вся политика зависѣла отъ минутныхъ и случайныхъ внезапностей. Я проводилъ все семейство Кауфмана по ту сторону Сыръ-Дарьи и, тамъ распростившись съ нимъ недѣли на двѣ, вернулся въ Ташкентъ. Здѣсь я поселился въ домѣ Струве, уѣхавшаго посломъ къ эмиру Бухарскому, у котораго возникли большіе безпорядки, и серьезно занялся лѣченіемъ больной ноги моей. По вечерамъ заходили друзья-пріятели: Озеровъ, Урусовъ, Щербинскій, Голицынъ, Польшманъ, Татариновъ, Адеркасъ, Яфимовичъ, Дитмаръ и, наконецъ, Троцкій, шахризьябскій генералъ, съ которымъ всячески старались меня разсорить, но безуспѣшно. Послѣ курьеровъ, Дитмара и Щербинскаго, недавно вернувшихся, прискакалъ изъ Петербурга на двадцатый день нашъ здѣшній офицеръ, Транзей. Онъ на лету сообщилъ очень пріятныя вѣсти о разрѣшеніи похода въ Хиву и самъ пустился далѣе въ Самаркандъ къ Кауфману. Но вернулся и Константинъ Петровичъ, а про Хиву стало извѣстно, что хотя походъ и разрѣшенъ изъ Петербурга, но лишь къ веснѣ будущаго 1872 года. У сосѣдей же нашихъ, бухарцевъ и коканцевъ, господствовали раздоры и внутренніе безпорядки, но мы вмѣшательства своего имъ не предлагали. О поѣздкѣ Кауфмана въ Петербургъ не было и намека. Между тѣмъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» снова распинались насчетъ средне-азіатскаго вопроса вообще и Хивы въ особенности. Все, что касалось приготовленій нашихъ къ походу въ гости къ хану, была сушая правда, равно какъ и доводы газеты о дерзости Хивы, превосходящей всякія границы, но оказывающейся на дѣлѣ недостаточно сильною истощить наше долготерпѣніе. Горше всего то, что когда Катковъ расточался въ воинственныхъ приготовленіяхъ и поражалъ Хиву пылкимъ воображеніемъ, мы сидѣли въ полномъ бездѣйствіи, на мели. Впрочемъ, въ Семирѣченской области, на китайской границѣ, начались военныя дѣйствія по направленію къ Кульджѣ. Всѣ наши съ завистью смотрѣли въ ту сторону, но еще никому не удалось быть туда назначеннымъ. Итакъ «Московскія Вѣдомости» въ общихъ чертахъ выражали дѣйствительное положеніе наше въ Средней Азіи, но, кромѣ того, вда-

вались въ частности и различныя предположенія. На чемъ, напримеръ, газета основывала слухъ о назначеніи Кауфмана товарищемъ военнаго министра и о замѣщеніи его, по слухамъ, генераломъ Мещериновымъ?

Что касается лично меня, то общественное положеніе мое было здѣсь прекрасное, а на служебное я пока не жаловался особенно, такъ какъ всѣ благомыслящіе люди проводили убѣжденіе, что въ мирное время въ Туркестанѣ самое дѣльное — ничего не дѣлать. Но шутки въ сторону: желать-то было сейчасъ нечего. Въ Каты-Курганъ назначили другого, а въ Самаркандѣ остался прежній начальникъ уѣзда, Сѣровъ. Итакъ, приходилось выжидать.

Въ городѣ же ходили животрепещущіе слухи: изъ Семирѣчья получены донесенія отъ Колпаковского, имѣвшаго въ отрядѣ своемъ блистательное дѣло, вслѣдствіе котораго султанъ (какой? никто еще не зналъ) сдалъ генералу нашему Кульджу и самого себя на великодушіе Бѣлаго царя. Цѣль экспедиціи достигнута, но, увы, безъ нашего участія! Опять распущены были слухи о назначеніи Кауфмана въ Одессу, о неудовольствіи между нимъ и Рейтерномъ (министромъ финансовъ) по поводу преждевременной затраты на покупку провіанта для неосуществившагося похода въ Хиву и т. д. и т. д. Толкамъ не было конца. Уже назначали всѣхъ въ его свиту, но положительнаго все еще никто не зналъ. Отъ насъ въ Петербургъ поскакали курьеры. Одинъ повезъ передовое, а другой подробное донесеніе о взятіи Кульджи. Слухи о назначеніи Константина Петровича затихли и потянулись опять нескончаемые дни. Но, Боже, какая стояла жара! Какая неодолимая тоска! У меня сдѣбался сплинь. Не похожъ климатъ Туркестана на туманный Великобританіи, а у русскаго здѣсь зачастую появляется англійскій недугъ... Часы тянутся страшно долго, вечера не дожدهшься, солнце все высоко и палитъ немилосердно. Съ заходомъ солнца оживаешь. Сидишь на балконѣ передъ густымъ фруктовымъ садомъ, гдѣ въ концѣ течетъ Басу. За нимъ сартскій огорокъ, откуда долетаютъ пронзительные призывные крики моззина на молитву всѣхъ правовѣрныхъ, а въ то же время почти рядомъ раздаются звуки безбожной сартской музыки, въ которой все заглушаетъ барабанъ; она сзываетъ жителей-любителей на развратнѣйшую тамашу съ бачами. Въ воздухѣ слышны крики аистовъ, разныхъ птицъ и массы въ арыкахъ лягушекъ, а возлѣ самага лица цѣлый рой злѣйшихъ мухъ и всевозможныхъ насѣкомыхъ, не дающихъ покоя.

Но какъ дивно хороша здѣсь ночь. Послѣ томительной денной жары въ сумерки на землю ложится мгла. Пыль, стоявшая съ утра въ воздухѣ, тихо опускается, какъ бы на отдыхъ. Луна съ мириадами звѣздъ ярче и несравненно свѣтлѣе здѣсь, чѣмъ въ нашей неприглядной полосѣ Россіи. Ни одинъ листокъ не шелохнется, въ воздухѣ глубокая тишина, оживленная однѣми птицами и насѣко-

мыми, которыя, натерпѣвшись страшнаго зноя, спѣшать надышаться прохладой. Какъ солнце, такъ и луна кажутся здѣсь ближе къ человѣку, звѣзды крупнѣе и несравненно блестящѣе. Одна Большая Медвѣдица тусклѣе другихъ, а на нее-то по ночамъ и гляжу я: она указываетъ направленіе, по которому летятъ мои думы. Полярная звѣзда недвижимо стоитъ на небосклонѣ, и любуясь ею, невольно вздохнешь, задавая себѣ тысячу вопросовъ все на одну и ту же тему... Отчего же въ эту торжественную минуту сознанія всемогущества Великаго Создателя еще болѣе чувствуешь свое ничтожество? Отчего презираешь себя болѣе, чѣмъ вчера, и будешь презирать завтра? Почему отчетливѣе и рельефнѣе выдаются всѣ заблужденія, и въ глубинѣ самого себя будто слышишь ревъ и стонъ угрызений совѣсти и раскаянія? А надолго ли? Не дѣйствіе ли это мимолетнаго очарованія на впечатлительную натуру, способную снова поддаться соблазну и заблужденіямъ?

Жизнь шла своимъ чередомъ. 5-го іюня отпраздновалъ я день Чолокскаго сраженія и 15-тилѣтіе моей свадьбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ же случаемъ воспользовался пожелать всякихъ благъ, прямо отъ меня отъѣзжающему въ Семирѣчье, Щербинскому. Независимо отъ его умственныхъ способностей, нельзя не признать за нимъ и душевныхъ качествъ. У него есть сердце, чувства и милѣйшій нравъ, что дало поводъ прозвать его *l'homme le plus aimable de l'Asie*. Кромѣ него, обѣдали у меня Озеровъ, Урусовъ, Дитмаръ, Троцкій, Татаринцовъ, Осиповъ, Фанъ-деръ-Флитъ и Чайковскій, маіоръ, очень умный и пріятный. На окраинахъ сходимся скорѣе, и отношенія становятся простыми и задушевными.

Вскорѣ затѣмъ былъ вечеръ у Кауфмана. Вернулся и Струве изъ Бухары, очень довольный приѣмомъ эмира и всего народа. Собщилъ мнѣ, между прочимъ, что ханъ Коканскій желаетъ пріобрѣсти карету, и онъ указалъ ему на меня, какъ единственнаго обладателя таковой. Я очень былъ этому радъ, и надо признаться не очень-то пожалѣлъ казну повелителя Кокана, такъ какъ продалъ ее, т. е. карету, чрезъ хакима довѣреннаго его Мирзы, за 1.070 рублей. Была еще интересная для меня новость, а именно: назначеніе Экельна, моего товарища по корпусу и частью по Кавказу. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ въ февралѣ, на обѣдѣ въ честь барона А. Х. Врангеля, въ Петербургѣ. Экельнъ—честный и умный господинъ. Кауфманъ на переводъ его сюда изъявилъ свое согласіе, что, кажется, не всѣмъ здѣшнимъ по вкусу, такъ какъ свѣтлая голова Экельна могла быть помѣхой... Не даромъ еще пажомъ онъ считался умницей и никогда ногой не сморкался.

Съ почтой получилъ я грустное извѣстіе: Боренька скончался. Царство ему небесное! Иванъ Петровичъ Борисовъ былъ изъ рѣдкихъ людей по теплотѣ душевной и образцовой честности. Вотъ еще однимъ искреннимъ пріятелемъ и сотоварищемъ въ бояхъ

меньше. Грустно и тяжело! На ряду съ этимъ печальнымъ сообщеніемъ—телеграмма изъ Вѣрнаго:

«Поздравляю съ ангеломъ. Пью здоровье. Пришлите льду. 18-го вѣздъ султана—почетный караулъ. Лимоны всѣ. Привѣтъ друзьямъ. Пишите. Щербинскій». Подпись была излишняя, такъ какъ авторомъ и такъ можно было признать одного Колю Щербинскаго.

К. П. Кауфманъ также уѣхалъ въ Семирѣченскую область, а оттуда въ Кульджу и предполагалъ вернуться лишь черезъ шесть недѣль. Передъ своимъ отъѣздомъ Константинъ Петровичъ далъ мнѣ довольно хлопотливое порученіе провѣрить наличныхъ людей въ артиллеріи ташкентской. Занятіе далеко не развлекательное, и не того хотѣлось мнѣ.

Полковникъ Колзаковъ, который съ бухарскимъ посольствомъ привозилъ въ 1869 году старшаго сына эмира въ Петербургъ, тоже уѣхалъ теперь въ Бухару съ выраженіемъ чувствъ прискорбнаго соболѣзнованія генераль-губернатора по случаю горестной кончины этого самаго наслѣдника Бухарскаго царства. Вкусивъ преждевременно всѣхъ благъ земныхъ, принцъ захилѣлъ и, не смотря на помощь отправленнаго къ нему изъ Самарканда доктора, переселился къ высокостепеннымъ праотцамъ своимъ, не испытавъ наслажденія возложить на главу свою самой значительной короны въ Средней Азіи. Онъ былъ любимый сынъ эмира, и тотъ, говорятъ, въ отчаяніи.

А тутъ еще общество находилось въ напряженномъ нетерпѣніи: Кауфмана нѣтъ, онъ въ Кульджѣ, а изъ Петербурга прискакалъ курьеръ съ важными бумагами, за нимъ другой изъ Орска, крайняго у насъ тогда пункта телеграфнаго сообщенія, съ депешей шифрованной отъ военнаго министра, ключъ отъ которой хранился у Кауфмана.

Оба курьера немедленно отправлены вслѣдъ, но намъ пока ничего не было извѣстно. Кромѣ загадочныхъ извѣстій этихъ, съ 1-го на 2-е августа, случилась слѣдующая катастрофа: въ означенную ночь партія неизвѣстныхъ хищниковъ, въ числѣ болѣе ста чловѣкъ, сдѣлала открытое нападеніе на станцію Аракъ-су, въ 25-ти верстахъ отъ Ташкента, по Ходжентской дорогѣ, разгромила селеніе и самую станцію, сожгла всѣ строенія и, перебивъ казаковъ, убила проѣзжающаго этимъ трактомъ офицера, конечно, при этомъ угнавъ всѣхъ почтовыхъ и казачьихъ лошадей. И гдѣ же это? Недалеко отъ Ташкента, среди мѣстности, густо населенной и кипящей проѣзжимъ людомъ, въ самомъ центрѣ округа и очень не близко отъ границъ сосѣднихъ владѣній. Вотъ плоды нашего миролюбія. Теперь мы лишены были права трунить надъ распоряженіями Крыжановскаго въ его неизмѣримыхъ степяхъ оренбургскихъ, надъ грабежами и насиліями. Послѣднее происшествіе въ Аракъ-су почище разгромленія киргизами въ степяхъ нѣсколь-

кихъ каравановъ. Въ Ташкентѣ всѣ переполошились, но въ сущности опасности жителямъ не грозило никакой, такъ какъ хищники, накуралесивъ въ Аракъ-су, сейчасъ же дали тягу; за ними бросились въ погоню и поймали 22 человекъ, слѣдовательно, открыты будутъ и другіе. Но нравственное вліяніе подобной продѣлки въ центрѣ народонаселенія не могло не имѣть вредныхъ послѣдствій, хотя и назначено было строжайшее слѣдствіе.

По странному совпаденію случайностей, въ ту самую ночь, когда господа джигиты эти «шалили» въ Аракъ-су, въ 15-ти верстахъ за рѣкой Черчикомъ, я былъ недалеко отъ нихъ (такъ же по ту сторону рѣки), гдѣ ночевалъ въ степи съ Вавилой, Кузьмой, солдатикомъ, и Аннономъ. Мы выѣхали на охоту и спокойно провели двѣ ночи подъ открытымъ небомъ, даже видѣли верстахъ въ восьми отъ насъ пожаръ и зарево, никакъ не подозрѣвая, что такъ близко совершалось кровопролитіе.

Полевые мѣста были хорошія, фазанные выводки крупныя; Аннонъ велъ себя отлично, и вообще охота была удачная, но жара невыносимая. Изъ 19-ти убитыхъ фазановъ мы домой могли привезти только восемь, а остальныхъ, какъ совершенно негодныхъ, бросили.

Въ Ташкентѣ всѣ начальники частей были въ суетѣ и тревогѣ, въ ожиданіи пріѣзда свиты его величества генерала Брандта, командированнаго по высочайшему повелѣнію инспектировать войска туркестанскія. Шифръ государя на эполетахъ имѣлъ здѣсь, на окраинѣ Россіи, магическое значеніе, а потому появленіе его ожидалось многими съ трепетомъ и волненіемъ. И не удивительно. А ну, какъ провюхааетъ онъ то-то, и то-то?!.. Въ Семирѣчьи со взятіемъ, вѣрнѣе сказать, съ занятіемъ Кульджи воинственные порывы не угомонились. Тамъ предполагался, по инструкціи изъ Петербурга, длинный и трудный походъ черезъ горныя и снѣжныя перевалы, за 850 верстъ далѣе Кульджи. Ходили, впрочемъ, слухи, что на нынѣшній годъ диверсія эта отложена, и будто бы по этому поводу остановлены наступательныя дѣйствія семипалатинскаго губернатора, Владиміра Александровича Полторацкаго, уже выступившаго было съ своими боевыми силами, и даже за 500 верстъ отъ своей резиденціи, для совмѣстнаго дѣйствія съ войсками Туркестана и Восточной Сибири. Если свѣдѣнія эти были справедливы, то и кузену моему пріятно вѣрно было получить приглашеніе: *Kommen Sie nach Hause.*

Строжайшее слѣдствіе о предательскомъ нападеніи на станцію Аракъ-су, произведенное на мѣстѣ преступленія, выяснило, что вся шайка состояла изъ нашихъ киргизовъ здѣшняго уѣзда (Курашинскаго), а предводителемъ ея—бывшій волостной старшина, смѣненный съ должности. Накуралесивъ досыта, разбойники бросились «до яса»; нѣкоторыхъ поймали, а прочимъ удалось разсѣяться

и, конечно, въ числѣ ихъ и атаману, бѣжавшему въ Коканъ. Но тамъ царилъ Худояръ-ханъ, котораго такъ рельефно выставилъ Катковъ въ качествѣ страшнаго деспота и изверга для своего народа, не зная, что этотъ кровопійца и тиранъ относительно русскаго правительства оказался совершенной овцой и при томъ овцой паршивой. Ровно годъ назадъ, по взятіи Шахризабса, когда Джура-бей и Баба-бей бѣжали въ Коканскія владѣнія, онъ, Худояръ-ханъ, не задумался, вопреки свято чтимаго на всемъ Востокѣ гостепрѣимства, связать ихъ и представить на благоусмотрѣніе нашего генераль-губернатора. Вотъ подвигъ прославленнаго газетами рыцаря безъ страха и упрека.

Петербургская почта многимъ принесла радостныя извѣстія: Струве, напримѣръ, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въстѣ съ тѣмъ, вышли награды и за искутское дѣло, т. е. ученую экспедицію, въ іюлѣ прошлаго года совершенную въ горахъ Абрамовымъ. Ему за нее дали орденъ Анны 1-й степени, а въ числѣ другихъ и мой старый сотоварищъ по Кавказу, баронъ Ренне, наконецъ-то добился густыхъ эполетъ. Ожидались производства и ордена, по общему представленію, за Шахризабса. Второй годъ участвовавшіе въ этой экспедиціи, въ томъ числѣ и раненые, ожидали обѣщанныхъ вознагражденій.

Въ началѣ сентября курьеромъ по высочайшему повелѣнію прибылъ генеральнаго штаба полковникъ Шепелевъ. Онъ много рассказывалъ интереснаго и, между прочимъ, о полномъ торжествѣ Константина Петровича по поводу возникшаго недоразумѣнія съ министромъ финансовъ. Его величество вполнѣ оправдалъ всѣ дѣйствія туркестанскаго генераль-губернатора.

Съ прїѣздомъ Кауфмана въ Ташкентъ опять все вступило въ старую колею: начались выходы, парады и проч. Опять со стороны Абрамова начались усиленныя приглашенія меня къ переселенію въ Самаркандъ для командованія однимъ изъ батальоновъ, расположенныхъ въ его Заравшанскомъ округѣ, но я все еще не поддавался, такъ какъ не было вѣдь гарантіи, чтобы намѣченный для меня батальонъ принялъ непремѣнное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Къ тому же, ознакомившись теперь съ нравами, обычаями и принципами нашего милаго края, я проникся убѣжденіемъ, что нигдѣ, какъ здѣсь, такъ не вѣрна аксіома: *que les absents ont toujours tort!* И стоитъ только скрыться съ глазъ всесильнаго начальства, какъ моментально добрые друзья-пріятели, по выраженію Миши Лонгинова, «свинью подвоятъ». Примѣръ у меня уже былъ на лицо послѣ восьми-мѣсячнаго моего отсюда отсутствія. Не безъ труда пришлось мнѣ разрушать зданіе козней и интригъ, обязательно и довольно искусно возведенное противъ меня дѣятельными доброжелателями. Правда, что въ минуту распадѣнія этого фантастиче-

скаго зданія направленные въ меня каменья большею частью полетѣли въ самихъ строителей и много изъ нихъ больненько контузили, прямо въ лобъ, на память, но вѣдь не всегда можно было рассчитывать на подобный исходъ.

Вскорѣ затѣмъ я получилъ непріятное порученіе произвести строжайшее слѣдствіе о бунтѣ въ 7-й уральской казачьей сотнѣ. По этому случаю представлялся командующему войсками округа, объявившему мнѣ приказаніе отправляться въ крѣпость Дзювакъ, за 200 верстъ отъ Ташкента, по дорогѣ къ Самарканду. Тамъ расположена была 7-я сотня уральцевъ, оказавшихъ неповиновеніе и явное возмущеніе противъ своего сотеннаго командира. Происшествіе это случилось 7-го мая, но по ошибкѣ командовавшаго въ то время кавалеріей, не донесшаго о немъ своевременно по начальству, изслѣдовано было домашнимъ путемъ, обнаружившимъ, къ сожалѣнію, преступленіе казаковъ несравненно въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ ожидалъ полковникъ Яфимовичъ. Дѣло разгорѣлось и въ глазахъ высшихъ властей приняло видъ и форму бунта, для пресѣченія котораго подлежало нѣсколько человѣкъ разстрѣлу. Само собою разумѣется, дознаніе истины и степени виновности требовали тщательнаго разслѣдованія этого несчастнаго происшествія, исходъ котораго грозилъ лишеніемъ человѣческихъ жизней. Мало знакомый съ формализмомъ предстоящаго слѣдствія, я рапортомъ просилъ себѣ въ помощь дѣлопроизводителя. Бѣдствовать же на этомъ бивуакѣ Голодной степи, по мнѣнію «специалистовъ каверзныхъ дѣлъ», мнѣ предстояло не менѣе мѣсяца.

И вотъ я оставилъ Ташкентъ и бросилъ якорь въ Чиназѣ, на берегу Сыръ-Дарьи и Черчика. Въ ожиданіи аудитора, а главное самой 7-й уральской сотни, которая, къ моему прискорбію, недавно выступила отсюда въ Голодную степь для конвоированія транспортовъ, этаповъ, почтъ, курьеровъ и проч., я съ Вавилой посвятилъ свободное пока время охотѣ на фазановъ, о которыхъ мнѣ въ Ташкентѣ гораздо болѣе прокричали, чѣмъ оказалось на дѣлѣ. Но прежде чѣмъ приступить къ этой экскурсіи, мнѣ необходимо было пріискать охотника изъ мѣстныхъ жителей, знакомаго съ окрестностями Чиназа. Въ этомъ любезно помогъ мнѣ батарейный командиръ и комендантъ крѣпости, Бураковъ. Только успѣлъ я расположиться на отведенной мнѣ квартирѣ, въ поселеніи крѣпости, немного разобратъся и проглотить два стакана чая, какъ Вавила ввелъ ко мнѣ одного изъ охотниковъ. Безрочно-отпускной изъ 1-го стрѣлковаго батальона, средняго роста, коренастый, пожилыхъ лѣтъ солдатъ этотъ носилъ на своей фізіономіи отпечатокъ всего пройденнаго и переиспытаннаго имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, подъ знойными лучами палящаго туркестанскаго солнца, а глубокой прамъ на лѣвой щекѣ свидѣтельствовалъ о его боевой службѣ, не при обозѣ, а въ числѣ охотниковъ на штурмъ Ура-Тюбе. По ста-

рой привычекъ, вытянувшись въ струнку, старый служивый отработоваль, что требуемый товарищъ его въ отлучкѣ, а онъ, Оома Бизилюкъ, по приказу отъ начальства, честь имѣетъ явиться. Разспросивъ его о ближайшей мѣстности для полеванія на фазановъ и наслушавшись отъ него съ три короба разсказовъ о всякой здѣсь дичи, мы условились на будущее (причемъ Оома не замедилъ, конечно, выпросить на свое ружье матеріалу, т. е. пороху и дроби); я приказаль, въ видѣ задатка, попотчевать его водкой и отпустить, когда Вавила, поспѣшно вернувшись въ мою комнату, предложилъ мнѣ поразспросить солдата о тиграхъ, про которыхъ мой кавказскій герой, Памфиличь, много наслушался страховъ еще въ Ташкентѣ. Я вернулъ Оому и приступилъ къ нему съ вопросомъ: «А что, любезнѣйшій, правда ли, что около Чиназа много шляется джувльбарсовъ (по мѣстному нарѣчію — тигры)?» — «Бывають, ваше высокоблагородіе», — лаконически и какъ будто неохотно отвѣчалъ солдатъ, видимо желая скорѣй улизнуть въ дверь. — «А тебѣ, голубчикъ, Господь не приводилъ встрѣчаться съ ними?» — поспѣшилъ я остановить его. — «Бываль грѣхъ, да что поминать о томъ, ваше высокоблагородіе», — сквозь зубы процѣдилъ Оома, въ поль-оборота направляясь къ выходу. — «Нѣтъ, нѣтъ, постой, разскажи, какъ было дѣло?» — присталь я. Старый стрѣлокъ, насильственно задержанный, и то послѣ ободрительныхъ двухъ рюмокъ водки и неоднократныхъ повтореній фразы: «почто поминать о томъ», наконецъ, рѣшился и приступилъ къ повѣствованію о случившемся съ нимъ грѣхѣ торжественнымъ, но далеко не твердымъ голосомъ:

«Кажись, то дѣло было въ позапрошломъ году, по осени. Недѣлю цѣлую стояла непогодъ, а въ тотъ самый день разведрило, я и сунулся попытать счастье на фазановъ къ устью Черчика въ Дарью. Но, видно, вышель я не въ добрый часъ... Въ тѣ поры была у меня съ собою (она и сейчасъ еще жива, да слѣпая) сученка Жучка, изъ себя не казистая, знамо не породная, но не приведи Богъ, какая шустрая и ко всякой птицѣ охочая. Что фазанъ, аль куропатку, добыть изъ колючки, аль утицу достать изъ воды и камыша — ей бывало ни почемъ. Чего ужъ! Самъ карубазарскій станціонный смотритель, небось, знаете его, настоящій охотникъ до страсти, и тотъ два раза досылаль ко мнѣ: продай ему, молъ, Жучку, и вотъ не солгу, ваше высокоблагородіе, ей-Богу, пять рублевъ за нее сулилъ, но шалишь, эфтимъ въ соблазнъ не введешь! Вѣстимо, другого такого пса для нашей potreбы поздѣшнему и за большія деньги не добудешь. Вотъ, ваше высокоблагородіе, мы съ Жучкой и толконулись правѣ большого джузакскаго трахта, прямо въ степь, гдѣ до той поры по колючкѣ да бурьянамъ, чисто-на-чисто, какъ въ садкѣ, держалось эфтого самага фазанья видимо-невидимо. А въ тотъ самый выходъ, какъ на грѣхъ, отъ дождей, что-ль, но по всему тому мѣста мы и пера не нашли. Ахъ, окаян-

ные, куда-жь загналъ васъ лѣшій? Анъ, какъ тутъ есть, гляжу: пырхъ да пырхъ, да далече впереди, на выстрѣль не подпустивши, вспорхнуло не мало ихъ, да всѣ и потянули къ Дарьѣ, въ самые што ни на есть камыши. Я зашагалъ впередъ, а Жучка-шельма сторяча уваяжись за ними и ну пужать стадо за стадомъ. И всѣ-то они, проклятые, прости Господи, въ тѣ пору не падали опять, какъ бы имъ слѣдовало, въ степи, а просто, какъ одурѣлые, норовили прямо въ камыши, какъ есть въ самую чашу, што на берегу рѣки. Правда, около опушки эфтой анаемы трущобы, хоча и сшибъ я пару самокъ, но остатняя вся птица тутъ на глазахъ у меня близехонько переимѣстилась въ камышъ, что и таперя стоитъ стѣной на томъ же мѣстѣ. Дѣлать нечего, побрелъ туда за добычей, и сперва-то пришлось мнѣ и тутъ поалить не мало разъ. Птицы тьма, но уловить ее, чтобъ ей пусто было, на прицѣль по самой той чашѣ вовсе не сподручно, и я, изрядно поразсыпавъ мартеріалу по вѣтру, задумалъ опять ворочать на гладь,—анъ, вдругъ моя Жучка, поджамши хвостъ, прысь ко мнѣ въ ноги. Я было толкнулъ ее, а она, родимая, вся съѣжилась, визжитъ, анъ дрожить даже! Что за притча такая?—про себя подумалъ, а самъ по торной чрезъ камышъ тропинкѣ шагнулъ впередъ и разъ, и два, а какъ оглянулся, вижу, сученка моя, припавъ къ землѣ, трясется, какъ въ лихорадкѣ. Мнѣ бы тогда вернуться къ ней, да подбродорову и удрать отъ грѣха, да вотъ подишь, видно, лѣшій попуталъ, аль глупое любопытствіе какое проняло,—я и двинься еще шаговъ съ десятокъ впередъ, да какъ ступнулъ за уголь той самой тропы, ажъ и замеръ!.. На самомъ томъ, супротивъ меня трахтѣ, вытянувшись большущей головой ко мнѣ, лежитъ страшенная тигра... Доложу, не больше было межъ нами дистанціи, какъ, примѣрно сказать, отъ вашего высокоблагородія до печи, то-есть шаговъ восемь, много што десять. Лежитъ она, окаянная, какъ бы въ дремотѣ, но отъ шороха мово, али чего иного, открыла свои буркалы, а сама не шевелится, только хвостикомъ подрывиваетъ и лѣниво оглядываетъ меня грѣшнаго съ ногъ до головы».

Послѣднія слова, подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ страшныхъ воспоминаній, Ома проговорилъ съ видимымъ смущеніемъ. Нетвердый голосъ его обрывался, и онъ, всею съѣжившеюся въ ту минуту фигурой своей, въ лицахъ представилъ мнѣ не Жерара, истребителя львовъ въ Африкѣ, но скорѣе злополучную Жучку, чутьемъ спасающую отъ лютаго звѣря свою собственную шкуру, въ камышахъ чиназскихъ. Мнѣ отъ души стало жаль бѣднягу, столько разъ въ теченіе боевой жизни своей смотрѣвшаго въ глаза смерти, а тутъ, при одномъ лишь воспоминаніи о пережитыхъ имъ ощущеніяхъ встрѣчи съ чудовищемъ степей, дрожавшаго, какъ осиновый листъ. Чокнувшись съ нимъ стаканомъ водки, я всячески старался ободрить его, и бравый отставной вояка, залпомъ опрокинувъ крѣпи-

тельное, крякнулъ, сплюнулъ и, какъ бы очнувшись отъ обуявшей его паники, опять собрался съ силами и продолжалъ:

«И вотъ, ваше высокоблагородіе, мотрю и я ей, тигрѣ, прямо въ глаза, а въ моихъ-то въ ту пору ужъ совѣмъ помутилось. Ни живъ, ни мертвъ, не шевелясь стою я, въ мысляхъ творю молитву, а что подѣлать—не вѣдаю. Въ рукахъ ружьишко съ 9-мъ номеромъ на птюшку, а тутъ на полъ-выстрѣла изъ пистоля караулить тебя звѣрина, которому одной лапой быка сломать ничего не стоитъ... Ажно кровь моя застыла въ жилахъ... Очей я не свожу съ ехидны и все жду, вотъ-вотъ прыгнетъ она и растерзаетъ тебя, горемыку, на части. Охъ, Господи, анъ и теперь жутко вспомнить! Долго ли, коротко ли въ затишьи дивовались мы, гляючи другъ на друга, заподлинно сказать теперь не могу. Тигра не двигается и съ меня не спускаетъ своихъ желтыхъ, неладныхъ глазъ, да и я въ упоръ гляжу ей въ оба, стоя передъ нею на вытяжку, омертвѣвши, точно идоль. Но, вотъ, видно сжалились надо мною многогрѣшнымъ Сама Пресвятая Мати Божія и всѣ святые угодники,—тигра зажмурилась, словно заснула и даже хвостомъ по землѣ постукивать перестала, а я тѣмъ временемъ очухался, и стало мнѣ въ догадъ, что, молъ, спасеніе свое найти могу теперь, только тихохонько отступивши. И зачалъ я тогдысь, все помнится творя молитву Миколѣ Чудотворцу, осторожно, со всякой опаской, чуть замѣтно, подвигать одну ногу за другой, такъ примѣрно на полвершечка заразъ, а глазъ своихъ всеже ни на мигъ не свожу съ звѣря. Замѣтилъ ли онъ мои шаги, аль нѣтъ, Единому Богу извѣстно, но лежитъ, какъ очумѣлый, и никакого знаку не подаетъ, а только поверхъ глазъ, закрытыхъ однѣми рѣсницами, моргаетъ; знать, подлая душа, все-таки изъ вида меня не упускаетъ. Сказъ весь теперь, ваше высокоблагородіе, держать коротко, ну, а тогдысь времени утекло, кажись, не мало, пока-пока, да все жъ спиной по прежнему трахту, поманенько помогъ Царь Небесный выбратъся до заворота тропинки въ камышѣ, ну, а оттоль, благословясь, сталъ ступать посмѣлѣй, да еще шаговъ нѣсколько за уголь, перекрестился, обернулся и даль стречка во всѣ ноги. Бѣгу, бѣгу, не оглядываюсь, въ мысляхъ-то неуступно все мерещится, что она, окаянная, вотъ-вотъ за мною выскочить... но нѣтъ, Богъ спасъ».

— Ну, а что же стало тогда съ Жучкой?—спросилъ я.

— А ей што? Съ нее, какъ съ гуся вода! Знать, во-время улизнала изъ трущобы, да прямо на гладь. Какъ, запыхавшись, выбѣгъ я туда-жъ, анъ, вижу Жучка тянетъ за самопомъ.

И вполсѣдствіи, какъ и на этотъ разъ, принимая дѣятельное участіе въ охотѣ, на привалахъ, Ома обогатилъ мои свѣдѣнія новыми повѣствованіями объ этомъ подломѣ, какъ онъ называетъ, звѣрѣ.

Не сумѣю буквально его словами, краснорѣчиво передать всѣ эти эпизоды, а потому занову ихъ вкратцѣ только себѣ на память

какъ любопытныя данныя о необычайной кровожадности, дерзости и изумительной силѣ этого царя звѣрей въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ.

Въ прошломъ (1870) году, весною, двое изъ сотоварищей Оомы по промыслу, но болѣе по рыболовству, раннимъ утромъ вышли изъ Чиназа внизъ по Дарьѣ, и каждый, занявъ на берегу ея, по обѣ стороны вдающагося подъ острымъ угломъ колѣна, укромныя мѣста, забросили въ рѣку свои удилица. Съ утра рыба клевала жадно, но съ приближеніемъ полудня поплавки стали все рѣже и рѣже окунались въ глубь, и, наконецъ, настало полное затишье. Видно, рыбное царство отгуляло часы свои и уже предалось временному отдыху, своимъ примѣромъ заразивъ и враговъ ихъ — рыболововъ.

Оба они, размаявшись подъ горячими лучами солнышка, перебрались въ тѣнь, подъ ближайшіе вязы и, не опуская, однако, изъ рукъ своего оружія, тоже вздремнули сладко. Одинъ изъ нихъ вскорѣ, однако, проснулся, протеръ глаза и увидалъ невдалекѣ отъ себя, но всеже на противоположной сторонѣ изгиба рѣки, недвижимо сидящаго товарища, а вмѣстѣ съ тѣмъ, о ужасъ! въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ неслышно подползающаго по травѣ и прямо къ нему громаднаго тигра. Предупреждать крикомъ объ угрожающей товарищу опасности было совершенно бесполезно, такъ какъ оба они были безъ всякаго оружія, и гибель въ томъ случаѣ была бы неизбѣжною для обоихъ, а потому первый изъ нихъ, пока еще внѣ опасности, притаившись въ высокой травѣ, съ непомѣрнымъ страхомъ сталъ ожидать горькой участи своего собрата. Тѣмъ временемъ тигръ осторожно подползъ сзади къ очевидно еще крѣпко спящему рыболову и, внезапно вскочивъ на упругія свои ноги, однимъ прыжкомъ очутился передъ своею жертвою. Въ этотъ мигъ безмолвный зритель предстоящей драмы, въ ужасѣ сообразивъ злополучную судьбу товарища, инстинктивно закрылъ глаза и еще крѣпче прильнулъ къ землѣ, но черезъ нѣсколько мгновений, влекомый любопытствомъ, украдкой взглянулъ въ ту сторону и не повѣрилъ глазамъ своимъ: громадный по размѣру тигръ, обойдя кругомъ, вѣроятно, въ ту минуту ужъ проснуващагося рыболова, степенно и медленно обнюхивалъ его всего въ упоръ, не исключая и лица, а затѣмъ мѣрными шагами спустился подъ кручу къ самой рѣкѣ и безслѣдно скрылся въ густыхъ камышахъ ея... Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго безмолвія. Непостижимо спасшійся рыбакъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ въ прежней позѣ, съ той же удочкой въ рукѣ, недвижимо сидѣть на берегу. Тогда товарищъ-зритель, благоразумно выждавъ нѣкоторое время, рѣшается, наконецъ, закричать ему, но отвѣта нѣтъ. Онъ встаетъ, спѣшитъ къ нему и что же застаётъ тамъ? Пріятеля, мгновенно умершаго отъ одного страха! Тигръ внезапнымъ поя-

вленіемъ и дыханіемъ своимъ прямо въ лицо только-что пробудившагося человѣка, но отнюдь нигдѣ не касаясь его тѣла, убилъ его наповаль одною только паникой.

Послѣ многихъ еще въ этомъ же родѣ страшныхъ исторій о тигрѣ я съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ объ одномъ происшествіи, ясно доказывающемъ необычайную, даже маловѣроятную силу этого страшнаго звѣря.

Недалеко отъ Кармакчи (форта № 2), кажется, за двѣ, три станціи по караванному пути къ форту Перовскому, по очень топкому болоту, на разстояніи до 150 сажень, пролегаетъ узкая гать, когда-то сооруженная нашими туземными инженерами изъ самаго тщедушнаго хвороста. По этой-то гати года два назадъ, подъ вечеръ, тянулся длинный караванъ съ хлопкомъ изъ Бухары къ Орску. Уже большая половина верблюдовъ, струной вытянутыхъ одинъ за другимъ, благополучно переправилась на ту сторону болота, когда одинъ изъ нихъ, неосторожно оступившись, шархнулся въ сторону и съ розмаха, всею тяжестью собственной персоны и огромнаго на себѣ вьюка, вверзился въ глубокую тину по самое брюхо. Лауча (верблюдовожатый), възсѣдающій на передовомъ верблюдѣ своей партіи, при видѣ случившагося бѣдствія, живо соскочилъ, бросился спасать загрузшее животное, отрѣзалъ канатъ, привязанный черезъ ноздрю къ вышеидущему верблюду, и сталъ взывать о помощи. Сбѣжались сосѣдніе лаучи, освободили отъ грузныхъ тюковъ спину увязшаго въ трясинѣ верблюда, но, самого его не въ силахъ будучи вытащить изъ болота, порѣшили между собой сначала переправить черезъ гать остальную часть каравана, а затѣмъ уже всѣмъ огуломъ собраться на выручку страждущаго. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Учинивъ безъ дальнѣйшихъ приключеній окончательную переправу черезъ этотъ Чортовъ мостъ, лаучи развьючили верблюдовъ своихъ и пустили ихъ въ степь на пастбу, а сами, въ числѣ до 40 человѣкъ съ караванъ-башемъ во главѣ и съ запасомъ канатовъ въ рукахъ, собрались около злополучнаго утопленника. Участъ его была очень незавидная; не смотря на снятый съ него вьюкъ (до 25 пудовъ вѣсомъ), онъ собственнымъ вѣсомъ такъ глубоко увязъ, что предательская трясина засосала его свыше половины туловища. Дружно взялись за работу прибѣжавшіе лаучи, но всѣ усилія ихъ были тщетны. Пробывши напрасно здѣсь до наступленія ночи, лаучи оставили это дѣло до утра и, собравшись около своихъ вьюковъ, на крайнѣ болота, предались крѣпчайшему сну. Съ утренней зарей всѣ были на ногахъ и поспѣшили къ мѣсту вчерашней катастрофы; но каково было ихъ удивленіе, когда, прибѣжавъ туда, они вмѣсто него нашли одну лишь обширную яму, уже значительно затянутую тиною, и отъ нея глубоко врѣзавшуюся въ болотѣ поволоку къ сторонѣ степи. Лаучи, осторожно прослѣдивъ

дальнѣйшее направленіе этой широкой тропы, были поражены неожиданною разгадкой исчезнувшаго верблюда, такъ какъ оказалось, что шаговъ за пятьдесятъ отъ гати всѣ признаки поволоки сразу прекращались, и на вязкой почвѣ болота появились глубоко отпечатанныя лапы и когти здоровеннаго тигра. Очевидно, что мощный хищникъ, привлеченный ночью жалкимъ ревомъ верблюда къ гати, во время крѣпкаго сна его владѣльцевъ, поспѣшилъ прежде ихъ явиться на помощь погибающаго и одинъ-одинѣхонекъ, безъ колевъ и веревокъ, вытащилъ изъ трясины громоздкое животное, а затѣмъ, взваливъ его себѣ на спину, благополучно убрался до ясу. Послѣднее предположеніе подтвердилось вполне, такъ какъ лаучи, сильно огорченные потерей, прослѣдили за воромъ и нашли довольно далеко остатки погибшей жертвы.

Какова же сила этого милаго дружка?

Надо сказать, что уже во время моего личнаго пребыванія въ Туркестанѣ случилось здѣсь и именно въ Чиназѣ два необыкновенныхъ появленія тигра въ самомъ городѣ. Какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ (1871) году среди бѣлаго дня, и что замѣчательнѣе всего, оба раза въ страстной четвергъ заскакивали на самую площадь крѣпости огромные тигры, загнанные потомъ народомъ на пустые, кругомъ каменными стѣнами огражденные дворы, гдѣ и были убиты штуцерными пулями сбѣжавшихся по тревогѣ солдатъ. Но и здѣсь побѣда досталась не безъ жертвъ. Прошлогодній тигръ, защищая свою жизнь, изуродовалъ 7 чловѣкъ, а нынѣшній—11, изъ числа которыхъ большая половина умерла въ здѣшнемъ госпиталѣ. Чучело изъ великолѣпной шкуры послѣдняго тигра, громаднаго объема и отличной выдѣлки, уже красовалось на нижней террасѣ генераль-губернаторской дачи и не знаю, какъ на другихъ, но на меня, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, она, т. е. тигра, произвела,—грѣха таить нечего,—далеко не изъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній...

Но я отвлекся отъ самаго слѣдствія. Слава Аллаху! Кауфманъ принялъ мое донесеніе въ резонъ и повелѣлъ 7-й уральской сотнѣ стяннуться изъ Голодной степи въ Чиназъ, а оттуда отправить ей на смѣну оренбургскую. Къ сожалѣнію, требуемая сотня собралась въ Чиназѣ не къ 6-му, а только къ 10-му ноября, а потому при всей энергіи и неутомимыхъ съ утра до вечера занятіяхъ я только къ 21-му почти окончилъ слѣдствіе. Не упуская малѣйшаго обстоятельства всего плачевнаго происшествія, котораго, однако, бунтомъ назвать было бы утрировкой, я порѣшилъ все дѣло относительно еще довольно быстро, такъ какъ пришлось снять показанія и собственноручно занести ихъ въ слѣдственный журналъ съ 126 участвовавшихъ въ беспорядкѣ 8-го мая. Послѣ арестованія 22 казакъ слѣдствіе мнѣ выяснило факты, ведущіе, увы, къ смертной казни, а слово это ужасное! Но Богъ милостивъ, и я надѣялся, авось мнѣ удастся смягчить приговоръ суда.

По прїѣздѣ въ Ташкентъ и представленіи мною въ штабъ слѣдственнаго дѣла, вскорѣ назначена была въ Чиназъ военно-судная комиссія въ полномъ ея составѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ предписаніе въ возможно скорѣйшемъ времени представить его превосходительству экстрактъ изъ всего дѣла.

По слухамъ изъ Чиназа, оставшіеся на свободѣ также, какъ и арестованные казаки, подлежащіе суду, отправили съ нарочнымъ въ Самаркандъ оригинальную челобитную на имя Р* принять на себя обязанность ихъ защитника, на что будто бы и былъ полученъ ими отвѣтъ о полномъ согласіи явиться на защиту угнетенной меньшей братіи.

Станный былъ человекъ Н. Н. Р*. Далекое не глупый отъ природы и очень образованный, онъ былъ честныхъ, но слишкомъ порывистыхъ правилъ, зачастую увлекавшихъ его къ совершенію самыхъ несообразныхъ выходокъ. Изъ лейбъ-гусарскаго полка онъ вышелъ, какъ самъ мнѣ говорилъ, по непріятностямъ, вслѣдствіе *pas-se-droit* при назначеніи командира вакантнаго эскадрона, а въ то же время показывалъ пашку, въ золото оправленную, на прекрасномъ клинкѣ которой вырѣзаны имена поднесшихъ ему это оружіе на память, начиная съ командира полка до младшаго корнета включительно. Какъ согласить это? И здѣсь, въ Туркестанѣ, Н. Н. началъ свою дѣятельность съ крайне поспѣшной энергіей. Получая изъ дому на ежегодное свое содержаніе значительныя деньги (по словамъ однихъ 40, а другихъ—до 80 тысячъ рублей), онъ сталъ сорить ими безъ расчета, покупать земли, заводить плантаціи хлопка и винограда, выписывать изъ-за границы сѣмена и лозы и тутъ же заводилъ процессы и тяжбы изъ-за какихъ-то грошевыхъ недочетовъ съ рабочими. Въ служебномъ отношеніи онъ также въ самое короткое время поставилъ себя какъ-то странно. Нигдѣ онъ не уживается, отовсюду бѣжитъ, ссорится, бранится, обвиняетъ и въ полномъ раздраженіи откоचेvываетъ въ пустой надеждѣ, конечно, найти обѣтованный уголокъ. И вотъ онъ нигдѣ не могъ обжиться и пустить корней, которые, къ сожалѣнію, при меньшей съ его стороны строптивости, могли бы, конечно, дать очень хорошіе плоды какъ для пользы службы, такъ и для мѣстной культуры. Всѣ хлопоты и затраты его шли прахомъ и, вмѣсто «спасибо», возбуждали неудовольствія и нареканія. Словомъ, Р*, по взглядамъ и принципамъ будучи рыцаремъ безъ страха и упрека, сумѣлъ у многихъ прослыть совсѣмъ другимъ человекомъ.

Съ Кауфманомъ у Р. отношенія были самыя прекрасныя, но выходы его впослѣдствіи оттолкнули отъ него Константина Петровича. Вотъ одна изъ нихъ.

Для какого-то личнаго объясненія Р* въ пріемный день командующаго войсками прїѣхалъ къ нему нѣсколько позднѣ назна-

ченнаго часа и хотя на подъѣздѣ встрѣтилъ выходящій изъ дворца людъ, но все-таки вошелъ въ приемную залу. Она была совершенно пуста, 12 часовъ пробило, и въ ней не оказалось ни души. Р* черезъ ординарца вызвалъ дежурнаго адъютанта. Явившійся въ залу Адеркасъ объяснилъ, что назначенный съ 11 до 12 часовъ приемъ кончился, и теперь командующій войсками его уже не приметъ. «Но мнѣ очень нужно видѣть Константина Петровича»,—возразилъ Р*. «Онъ сѣлъ завтракать и потому принять васъ не можетъ»,—повторилъ Адеркасъ. «А, онъ завтракаетъ, такъ и я хочу завтракать!» и съ этими словами проситель круто направился къ передней, а адъютантъ поспѣшилъ въ столовую къ своему прибору. Но Р» не уѣхалъ, а послалъ ординарца на своемъ извозчикѣ привезти изъ гостиницы Розенфельда порцію бифштекса и черезъ 10 минутъ за столомъ приемной генераль-губернаторской залы расположился кушать привезенный ему завтракъ. Но ему не удалось сохранить за собою поле сраженія, такъ какъ Кауфманъ, за совершенную имъ дерзость, до окончанія Р* трапезы выпроводилъ его изъ дому, а въ тотъ же вечеръ и изъ города.

Въ описываемое мною время, запутавшись въ непроизводительныхъ предпріятіяхъ, Р*, въ ожиданіи назначенія или какой либо опредѣленной цѣли, и принялъ такъ поспѣшно приглашеніе уральцевъ за нихъ на судѣ ратовать. Между тѣмъ, я представилъ командующему войсками выписку изъ этого слѣдственнаго дѣла, при чемъ выставилъ смягчающія вину обстоятельства, и онъ милостиво обѣщалъ мнѣ, какъ бы ни рѣшилъ судъ въ Чиназѣ, имѣть мое ходатайство въ виду и во всякомъ случаѣ смягчить приговоръ подсудимыхъ.

Въ началѣ только марта 1872 года я назначенъ былъ председателемъ военно-ссудной комиссіи для окончанія этого дѣла и поторопился покончить все къ страстной недѣлѣ. Въ великую пятницу, на выносъ плащаницы, при колокольномъ звонѣ и стеченіи народа, шелъ и я вымаливать невольные грѣхи мои, за которые тотъ же Р* опять будетъ порицать меня. Я ли виноватъ въ строгости законовъ, по статьямъ которыхъ 10 человекъ подлежали разстрѣлянію, 6 къ ссылкѣ въ каторжныя работы, а 8 въ арестантскія роты? Видитъ Богъ, какъ нравственно тяжела отвѣтственность быть орудіемъ въ подобномъ распоряженіи судьбою людей!

Въ прошломъ заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ ташкентская зима 1872 года. Съ незапамятныхъ временъ никто не помнитъ въ этомъ краѣ такой зимы. Въмѣсто прежнихъ, и то не ежегодныхъ, 10—15 дней морозныхъ со снѣгомъ, въ тотъ годъ стояла настоящая русская зима съ крещенскими морозами, нѣсколько недѣль сряду. Снѣгъ лежалъ глубокой, морозъ былъ до 15° и ни одной

оттепели. Въ домахъ, конечно, было страшно холодно, не смотря на усиленную топку, но зато на улицахъ весь beau-monde, щеголихи барыни и золотая молодежь, съ утра до поздней ночи катались безъ усталости и всякаго сожалѣнія на лошадяхъ.

Къ концу же января стали ожидать въ Ташкентъ сына коканскаго хана и наслѣдника престола. Ему послали на встрѣчу конвой, почетный караулъ и нѣсколько личностей. Въ городѣ приготовили для него домъ, со всѣми условіями восточныхъ требованій и роскоши, увѣренные, что ничего не забыли, какъ вдругъ пріѣхавшій курьеръ объявилъ, что въ свитѣ его высокостепенства не болѣе, не менѣе, какъ 90 человѣкъ, которыхъ, конечно, необходимо было во все время пребыванія принца кормить, поить, а главное помѣстить. 90 человѣкъ—не шутка, и будь время года—лѣто, то, конечно, горе небольшое, на бѣду же снѣгъ былъ по колѣна и морозы презрительные. Кое-какъ все уладили, и во дворцѣ произошелъ торжественный пріемъ наслѣдника хана Коканскаго. Въѣздъ его былъ самый оригинальный, съ восточными причудами и полу-европейскимъ церемоніаломъ. Свита его состояла не изъ 90, а изъ 210 человѣкъ, все сановныхъ и чиновныхъ. Особеннаго вниманія заслуживала его гвардія, вся залитая въ золото и въ дорогіе каменья, но вооруженная нашими же тульскими ружьями, бракованными еще въ тридцатыхъ годахъ. Впереди наслѣдника хана везли нарядный значекъ его, сѣкиру и прочіе символы самодержавія, а возлѣ него ѣхали первые чины двора Худояръ-хана. Сынъ его, молодой человѣкъ, тогда 21 года, очень красивый собой, съ едва пробивающейся черною бородкой, былъ осанистъ и ловокъ. При въѣздѣ въ городъ, онъ изъ экипажа пересѣлъ на коня и прослѣдовалъ невозмутимо-торжественно по главнымъ улицамъ Ташкента. Толпы любопытныхъ, въ большинствѣ бывшихъ коканскихъ подданныхъ, тѣснились на пути его, но при приближеніи этой священной особы униженно падали ницъ и не шевелясь лежали распростертыми на землѣ, пока его высокостепенство не миновало ихъ, послѣ чего сплошною массою провожали въ почтительномъ разстояніи до временнаго дворца его.

Въ утреннемъ пріемѣ у генераль-губернатора ханъ Заде вышелъ смѣло и съ большимъ достоинствомъ отвѣчалъ на привѣтствія генераль-губернатора, нисколько не озадаченный всѣмъ блескомъ, его окружавшимъ. Одѣтъ онъ былъ со всею роскошью Азіи и съ примѣсью Европы. Сверхъ богатаго парчевого халата, изъподъ котораго виднѣлось тончайшее голландское бѣлье, на немъ была великолѣпная бобровая шуба, крытая малиновымъ ліонскимъ бархатомъ и подпоясанная кованымъ золотымъ поясомъ, осыпаннымъ, какъ и все дорогое на немъ оружіе, множествомъ дорогихъ каменьевъ. Почетные придворные и тѣлохранители съ оруженосцами сопровождали его въ самую залу. На всѣхъ вообще онъ про-

извель хорошее впечатлѣніе, а особенно интересно, что посѣщеніе это служило какъ бы прелюдіей военнаго движенія нашего въ Кашгаръ, куда войскамъ нельзя было пройти иначе, какъ чрезъ владѣнія коканскія.

Праздникъ у насъ, по случаю пребыванія хана Заде, смѣнялся за праздникомъ. Я съ нимъ лично познакомился черезъ Струве и два раза въ самомъ интимномъ кружкѣ у него обѣдалъ, совершенно европейски, и не только не ѣлъ руками, а серебряными, даже вызолоченными приборами, и не баранину съ чеснокомъ, а французскую кухню. Онъ въ обращеніи былъ очень простъ, любезенъ и гостепріименъ. У него устраивалась даже партія въ ералашъ, безъ участія, впрочемъ, хозяина, но онъ тутъ же садился около меня (какъ лучшаго игрока, по рекомендаціи Струве), чтобы научиться премудрости разыгрывать мизеры, въ которыхъ, конечно, онъ ничего не понималъ.

Въ видѣ разнообразныхъ удовольствій для него дѣлали смотры и парады, его возили на артилерійскія практическія ученія и на саперныя подземныя работы. Словомъ старались развлечь его всѣми подъ рукой средствами. На одномъ вечерѣ ханъ Заде представлялъ жалко-нелѣпую фізіономію, когда хозяева вздумали попотчевать почетнаго гостя чтеніемъ поэмы «Демонъ». Увлекательно оно было для коканца, не понимающаго порусски... За то, когда начались танцы и рой молодыхъ женщинъ закружился около него, глаза его выдали дурныя мысли, и онъ до ужина обратился въ бѣгство. Вообще ему здѣсь не дали соскучиться, и онъ не прочь былъ еще погостить въ Ташкентѣ, но папаша его, извѣстный не слишкомъ мягкимъ нравомъ, вызвалъ сынка обратно, а послушаться Худоярханана и въ голову никому не приходило.

Изъ Москвы получила вѣсть о кончинѣ Софьи Борисовны и Александра Ѳедоровича Полторацкихъ, но что всего тяжелѣе—о смерти Николая Александровича Милютина. Кончина этого достойнаго человѣка и государственнаго дѣятеля невозвратимой потерей легла не только на насъ всѣхъ его близкихъ, но и на всю Россію. Грустно было до слезъ услышать объ утратѣ этого теплаго сердцемъ, умнаго и высоко-честнаго человѣка. Миръ праху его и вѣчная память незабвенному Николаю. Обиднѣ всего было сознавать, какъ мало понимали и цѣнили его современники, самыя же обстоятельства его болѣзни и смерти невольнo заставляли cadaго призадуматься...

Софья Борисовна же пора было на покой, царствіе ей небесное! Что же касается Александра Ѳедоровича, то что заставило его бросить дѣтей и родину, переселиться въ чужіе края и умереть тамъ одному, въ По? Нѣтъ! Александръ Ѳедоровичъ, какъ истый сынъ

и наслѣдникъ Ѳедора Марковича, до самыхъ послѣднихъ дней удовлетворялъ только страстямъ своимъ и эгоистическимъ расчетамъ.

Нѣкоторое развлеченіе доставили возгорѣвшіеся у насъ толки о походѣ, почти официально рѣшенномъ, но не въ Хиву, а въ Кашгаръ. Эта экспедиція, конечно, должна была быть большимъ утѣшеніемъ въ нашемъ апатичномъ положеніи, но въ военномъ отношеніи представлялась только военною прогулкой, продолжительной и утомительной, но не боевой и вовсе не связанной съ опасностями. Изъ всѣхъ сосѣдей нашихъ кашгарцы пользовались болѣе другихъ славою мирныхъ жителей, и слабая воинственность ихъ никогда и никого не утрашала. Того и гляди, ждали мы, что при первомъ появленіи штыковъ русскихъ они сразу спасуютъ, закричатъ «пардонъ», и никакихъ враждебныхъ столкновеній съ ними не произойдетъ. Еще не было извѣстно, пойдетъ ли самъ Кауфманъ, и каковъ будетъ составъ отряда, но всѣ ожили, стали надѣяться и строить планы.

По общимъ догадкамъ, выступленіе должно было быть не ранее марта, то-есть при появленіи первыхъ признаковъ подножнаго корма, и продолжаться около трехъ мѣсяцевъ. Но все неожиданно разразилось тишиной и миромъ: генераль-губернаторъ получилъ отъ Якубъ-бека, владѣтеля кашгарскаго, посланіе, въ которомъ тотъ сознавалъ свои преступныя ошибки и просилъ пощады, слѣдствіемъ чего и было приостановленіе всякихъ приготовленій къ походу и... и... опять настала перспектива тоски и полнаго бездѣйствія.

Мнѣ, впрочемъ, пришлось записаться въ форменные юристы. Не успѣлъ я кончить дѣло уральской сотни, какъ получилъ предписаніе ѣхать въ Ходжентъ судить и чинить расправу съ взволнованными тамъ жителями, которые взбунтовались и перебили двухъ аксакаловъ (полицейскихъ).

Ходжентъ своимъ живописнымъ положеніемъ на берегу Сыръ-Дарьи, своими великолѣпными садами и близъ лежащими горами произвелъ на меня при вѣздѣ очень пріятное впечатлѣніе. Но вскорѣ оно разсѣялось отъ удручающей, расслабляющей и гнетущей духоты. Городъ сдавленъ кругомъ высокими скалами, прорѣзанными на юго-западъ однимъ только ущельемъ, изъ котораго дуетъ вѣтеръ, похожій на паръ, поданный въ банѣ; онъ не прохладяетъ, а обжигаетъ человѣка. Помѣщеніе мое въ домѣ Гюуса¹⁾ было вполнѣ роскошное, соединяющее всѣ условія удобства, а самъ хозяинъ милѣйшій человѣкъ, мой пріятель, который принялъ меня по всѣмъ правиламъ минувшаго московскаго гостепримства.

¹⁾ Подполковникъ Гюусъ, бывшій казначей конно-гренадерскаго полка, разжалованный въ рядовые, но получившій потомъ въ Туркестанѣ три солдатскихъ креста и возвратъ всѣхъ прежнихъ чиновъ.

Главные виновники преступленій 14 апрѣля были вскорѣ допрошены; обвиненія и улики были несомнѣнныя и очевидныя, но подсудимые, по неимѣнію отдѣльных помѣщеній, содержались вмѣстѣ съ прочими арестантами, русскими и туземными, научились у первыхъ системѣ заперательства и, ни въ чемъ не сознаваясь, всѣ до единого упорно повторяли на своемъ языкѣ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», твердо при этомъ убѣжденные, что подобнымъ путемъ они будутъ оправданы. Отвѣты эти дѣйствительно когда-то существовали при царѣ Горохѣ, да и то не въ подобныхъ случаяхъ, и потому, понятно, они своимъ упорствомъ ухудшали и безъ того тяжелое ихъ положеніе и усложняли веденіе судопроизводства, такъ какъ приходилось для каждаго отдѣльно опрашивать всѣхъ обвинителей и свидѣтелей, давать имъ съ обвиненными очныя ставки и проч. И все-то возмущеніе и убійство этой нелѣпой толпы произошло вслѣдствіе неразвитости и непониманія полудикаго народа, хотѣвшаго бороться открытою силой съ благодѣтельными для ихъ же пользы мѣрами правительства¹⁾. Къ великому удовольствію моему, мнѣ удалось изъ 29 обвиненныхъ оправдать, а потому и освободить изъ тюремнаго заключенія девятыхъ, но для остальныхъ всеже долженъ былъ состояться неумолимый приговоръ. Вотъ тутъ-то всегда и наступаетъ для судьи тяжелая минута, когда природой онъ одаренъ къ тому же нервами и впечатлительностью. Полевой судъ не мягокъ, такъ какъ не пользуется правомъ присуждать къ наказанію меньшему, какъ 20-ти лѣтней каторгѣ. Само собою разумѣется, что въ подобныя минуты дѣлаешься невольнымъ зрителемъ самыхъ раздирающихъ душу сценъ. Окруженные женами, дѣтьми, родными, несчастные въ оковахъ, подъ большимъ конвоемъ, разражаются отчаянными воплями, потрясающими организмъ самыхъ черствыхъ свидѣтелей. Какъ бы ни была порою тяжела жизнь человѣческая, но въ законахъ міра сего постановлено каждому дорожить ею, и что бы ни толковали о фатализмѣ и пренебреженіи къ существованію мусульманина, но и онъ далеко не равнодушно переноситъ роковое сообщеніе объ ожидающей его насильственной смерти.

Ходжентъ оставилъ во мнѣ тяжелое воспоминаніе. При всей разнородности военной службы, конечно, должность инквизитора самая безотрадная. Она до того раздражала нервы, что я двѣ недѣли моего пребыванія ни одной почти ночи не могъ заснуть спокойно; съ вечера и часто до самаго утра меня давилъ кошмаръ, и передъ глазами даже во время тревожнаго сна непрерывно являлись истощенныя, жалкія фигуры осужденныхъ. Послѣ приговора меня осаждали просьбами и мольбами. Сначала бросились въ ноги двѣ женщины, лицъ которыхъ я не видѣлъ, такъ какъ

¹⁾ Прививкой оспы.

обѣ онѣ были прикрыты непроницаемыми черными сѣтками, въ видѣ задрѣ, замѣняющихъ вуали. Одна изъ нихъ была мать, а другая жена двухъ арестованныхъ, обвиняемыхъ по первому ряду. Просьбы ихъ, конечно, остались неудовлетворенными. Вслѣдъ за прекраснымъ поломъ прежде по одиночкѣ, а потомъ и цѣлою толпой, правовѣрные мусульмане произвели на меня атаку, съ подобными предыдущей, просьбами. Загорѣлыя, бронзовыя ихъ лица, подъ снѣжной бѣлизны чалмами, статный ростъ и полная достоинства осанка напоминали собою портреты арабскихъ изображеній на картинкахъ восточнаго стиля. Рѣчь плавна, спокойна, но не вразумительна. Между ними были красавцы, въ особенности глаза чуднаго выраженія и блеска. Но и имъ я ничего не могъ сказать утѣшительнаго и потому очень былъ радъ, когда совершенно экспромтомъ устроился праздникъ *ins Grüne* большою компаніей за городомъ, на 12-й верстѣ въ Кишлакѣ, замѣчательно красивой мѣстности и съ природнымъ, очень большимъ каскадомъ. Нервы мои немного успокоились. Тамъ устроенъ былъ ужинъ съ мѣстнымъ дастарханомъ и иностранными винами. Повалявшись на коврахъ до полуночи, поѣздъ вернулся въ Ходжентъ: я говорю—поѣздъ, потому что дѣйствительно передвиженіе уѣзднаго начальника въ Туркестанскомъ краѣ вообще влечетъ за собой цѣлую вереницу конвойныхъ казаковъ и туземныхъ джигитовъ. Въ темную ночь они скачутъ впереди, съ боковъ и сзади, съ огромными факелами въ рукахъ и по пути придаютъ этимъ освѣщеніемъ особенную фантастичность поѣзду. Къ 10 іюля я былъ уже въ Ташкентѣ. Кауфманъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, пригласилъ завтракать и сообщилъ, между прочимъ, что въ концѣ будущаго мѣсяца уѣзжаетъ съ семьей въ Петербургъ. Въ политическомъ мірѣ все было относительно тихо. Изъ Кашгара получены были извѣстія отъ посланнаго туда барона Каульбарса, что Якубъ-ханъ на всѣ предложенныя ему условія вполнѣ согласился. Странные между тѣмъ ходили слухи: будто предстоящая слава взятія Хивы, вмѣсто туркестанцевъ, предоставляется кавказцамъ, будто бы уже было рѣшено и подписано о назначеніи начальникомъ этой экспедиціи генераль-лейтенанта Геймана, который съ Кавказа (опять таки по слухамъ) трогается на Хиву нынѣшнею же (1872 г.) осенью. Въ силу этихъ данныхъ зародились у меня разные планы: ѣхать въ Петербургъ и устроить тамъ черезъ военнаго министра отправленіе мое въ экспедиціонный отрядъ Геймана. Онъ лично былъ мой старый знакомый и сослуживецъ. Въ 1848 году на Кавказѣ при постройкѣ крѣпости Урусъ-Мартана, когда я былъ подпоручикомъ, а онъ поручикомъ и адъютантомъ у «какъ-какъ» Козловскаго, какъ бригаднаго командира, мы всю экспедицію жили дружно въ одной палаткѣ и не разъ бывали вмѣстѣ въ огнѣ.

Между тѣмъ у насъ въ Туркестанѣ было сильное броженіе въ

умахъ спокойныхъ; къ этому присоединилось еще появленіе саранчи, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и холеры. Всевозможныя мѣры для ея укрощенія были приняты, и только успокоившись насчетъ ея благопріятнаго исхода, рѣшили Кауфманъ свою поѣздку въ Петербургъ. Проводы ему были блестящіе. На меня всѣмъ обществомъ возложили заботы по устройству фестиваля. Въ деньгахъ недостатка не оказалось, и подписка по 25 рублей съ человѣка быстро возросла до 5.000 рублей. Я предложилъ за городомъ, въ избранномъ мною саду, построить павильонъ, что и было единогласно принято. Средства мнѣ даны были большія, рабочаго люда тѣма; въ войскахъ гарнизона нашлись плотники, портные, маляры и обойщики. Маты (мѣстной холстины) изведено на стѣны и потолоки болѣе 6 тысячъ аршинъ.

Помощниками моими были Щербинскій и князь Викторъ Голицынъ. Балъ удался вполнѣ. Выросшее изъ земли изящное зданіе бросалось въ глаза удачными размѣрами и отдѣлкой. 18 колоннъ, снизу до верха обитыя вьющимися лозами съ густою листвою, были украшены крупными кистями винограда всѣхъ цвѣтовъ; я заказалъ его до 40 пудовъ и незамѣтно подвязалъ между листьями. Капители соединялись между собою гирляндами, сплошь сдѣланными изъ виноградной лозы съ висящими же кистями винограда. На каждой колоннѣ спиралью, въ маленькихъ, незамѣтныхъ подсвѣчникахъ горѣли свѣчи; свѣтъ ихъ, сквозившій черезъ свѣжую зелень, былъ очень эффектенъ. Стѣны всѣ и потолокъ были задрапированы; внизу же, на полу гостиной, уборной, всего крыльца и галереи, а также по широкой аллеѣ отъ воротъ до самаго павильона, были разостланы персидскіе ковры всѣхъ колеровъ. Снаружи павильонъ весь былъ иллюминированъ, а впереди красовались бесѣдки, башенки, щиты съ вензелями, всѣ горѣвшіе тысячею огнями, самыхъ яркихъ и причудливыхъ цвѣтовъ. Отъ самыхъ воротъ сада и до павильона, по обѣ стороны широкой аллеи, разбиты были народныя, шелками вышитыя, сартовскія палатки, открытыя полами настезъ и составлявшія каждая въ отдѣльности особую гостинную съ карточными посрединѣ столами. Танцевали съ увлеченіемъ и къ свѣту только всѣ развѣхались. Черезъ нѣсколько дней съ великой торжественностью проводили мы все семейство Кауфмановъ до русской избы на 54-ой верстѣ отъ города и вернулись въ опустѣвшій Ташкентъ. Съ Кауфманомъ и вслѣдъ за нимъ уѣхало много народа; потомъ, какъ водится, поскакали курьеры, и скоро въ Петербургѣ очутилось изрядное количество насъ, туркестанцевъ. Въ Ташкентѣ же мы, оставшіеся, проводили время за карточными столами и во взаимныхъ посѣщеніяхъ другъ друга. Одно изъ такихъ препровожденій времени было нарушено потрясающей катастрофой, которой я былъ ближайшимъ свидѣтелемъ.

Нѣкто Михайловъ, Егоръ Александровичъ, по прозванію Кудрявый (такъ какъ у него почти не было волосъ на головѣ), жилъ на дачѣ Гамзена, рядомъ съ дачей генераль-губернатора и не разъ приглашалъ меня къ себѣ обѣдать. Однажды, имѣя въ виду собрать къ себѣ вечеромъ партію на пульку, я въ два часа по полудни отправился позвать его къ себѣ, а кстати у него и отобѣдать. Застаю Кудряваго дома, здороваго, въ прекрасномъ настроеніи духа и очень радушнаго. Принявъ съ удовольствіемъ мое приглашеніе на вечеръ, онъ проситъ меня у него обѣдать, а между тѣмъ сейчасъ же устраиваетъ утренничекъ. Около нашего стола тутъ же находятся два его сына и два гостя, молодыхъ офицера. Съли обѣдать. Я разговаривалъ и шутилъ съ его сыномъ артиллеристомъ, спрашивалъ объ общихъ знакомыхъ нашихъ въ гвардейской конной артиллеріи. Молодой Михайловъ съ оживленіемъ отвѣчалъ мнѣ и ничѣмъ не выдавалъ какого либо душевнаго разстройства. Встали изъ-за стола и, не теряя минуты, приступили къ продолженію нашей пульки, но не успѣли еще разобрать картъ послѣ первой сдачи, какъ раздался въ сосѣдней комнатѣ оглушительный выстрѣлъ. Бросились туда и что же увидѣли? Распростертаго на постелѣ своей, умирающаго, съ разбитымъ черепомъ, застрѣливагося изъ пистолета молодого Михайлова. Я тотчасъ же послалъ за докторами, за ними же поскакалъ и старшій сынъ Михайлова, Павелъ, но несчастный не дождался ихъ и на моихъ глазахъ минутъ черезъ пять послѣ выстрѣла испустилъ духъ. Никто не зналъ причины, и объяснительной записки не нашли, почему молодой, здоровый, не глупый юноша въ цвѣтѣ лѣтъ совершилъ, очертя голову, это преступленіе. Отецъ былъ въ отчаяніи, и какъ сейчасъ вижу его, безсознательно ползающаго на колѣняхъ передъ иконою, въ столовой...

Спустя нѣсколько дней, я получилъ изъ Омска короткое письмо отъ Струве, а также свѣдѣнія изъ Семирѣчья, вызвавшія оживленные разговоры о непостижимыхъ законахъ Провидѣнія. Рѣчь идетъ о преступникахъ, осужденныхъ судомъ, подъ моимъ предсѣдательствомъ, за разбой на станціи Карасу. Главные виновники были приговорены къ смертной казни, разстрѣлянію; но въ день отбѣзда моего на второе судопроизводство въ Ходжентъ мнѣ удалось смягчить конфирмацію Кауфмана, упросивъ его даровать жизнь пятерымъ изъ нихъ. Въ день исполненія приговора, когда на всѣхъ десять человѣкъ по прочтеніи сентенціи суда надѣты были саваны, и они, привязанные къ столбамъ, ожидали роковой команды «пли!», прискакалъ ординарецъ командующаго войскаго, Бергъ, съ повелѣніемъ о помилованіи тѣхъ пяти преступниковъ, о которыхъ я просилъ Кауфмана. Нѣсколько дней спустя, помилованные эти, въ числѣ прочихъ приговоренныхъ къ ссылкѣ на каторжныя работы

и поселеніе въ Сибирь, отправились изъ ташкентскаго тюремнаго замка по направленію города Вѣрнаго, за конвоемъ конныхъ казаковъ. И вотъ этотъ этапъ, послѣ медленнаго движенія, по 20 и 25 верстъ въ день, останавливаясь на ночлеги, за неимѣніемъ по пути тюремныхъ заключеній, подъ открытымъ небомъ, среди степи, отошелъ около 600 верстъ отъ Ташкента благополучно и въ порядкѣ, но тамъ произошло съ нимъ слѣдующее.

Не далеко отъ города Вѣрнаго, на одномъ изъ ночлеговъ въ степи, арестантамъ удалось, конечно, при содѣйствіи провожавшихъ ихъ родственниковъ, напоить конвойныхъ казаковъ и затѣмъ, пользуясь темнотою ночи, разбить съ себя оковы и врасыпную бѣжать изъ-подъ караула. Полушьяные казаки вскочили по тревогѣ, суетливо бросились къ конямъ и по разнымъ направленіямъ помчались въ догоню бѣглецовъ. Раздались крики и пальба. По случаю совершенной темноты преслѣдованіе дезертировъ произведено было безтолково, на удачу, словомъ, зря. Казаки палили во всѣ стороны, плохо различая предметы, нѣкоторыхъ хватали живьемъ, другихъ изъ сопротивлявшихся кляли на мѣстѣ, скакали, шумѣли и покончили тѣмъ, что за исключеніемъ трехъ, сквозь землю провалившихся, остальныхъ доставили на пунктъ ночлега; убитыхъ оказалось пять человекъ, и именно тѣхъ самыхъ, которыхъ помиловалъ Кауфманъ. Какъ объяснить это сверхъестественное совпаденіе и не воскликнуть: «отъ судьбы не уйдешь»?

Послѣднія новости изъ Петербурга распространились у насъ въ другой редакціи. Уже не прочили за вѣрное въ Туркестанъ Мирскаго, Мещерина, Воронцова, Черткова и всѣхъ другихъ, а ожидали скорого возвращенія Кауфмана, и вмѣстѣ съ тѣмъ носились свѣдѣнія объ экспедиціи нашей, но не въ Бухару, а въ Хиву; шли даже дальше, будто бы самъ государь императоръ поздравилъ Кауфмана съ предстоящимъ походомъ.

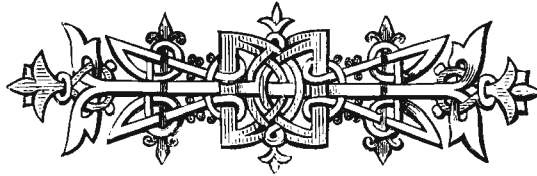
Я лично получилъ также письмо отъ Софьи: скончался дядя графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ. Царство ему небесное и вѣчная память! Ему не суждено было на землѣ испытывать много горя, но все же тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ печалей, и ему вѣрно будетъ лучше. Разставаясь съ жизнью, онъ въ послѣднія минуты не терзался участію остающихся; по истинѣ, кромѣ себя, онъ не любилъ никого. Взявъ на землѣ все, что доступно было баловню судьбы, онъ, истощивъ всѣ жизненныя наслажденія, скончался на 80-мъ году, оставивъ о себѣ воспоминаніе, какъ о государственномъ дѣятелѣ, замѣчательно умномъ и даровитомъ, выдающемся администраторѣ, блестящемъ царедворцѣ, но не какъ о человекѣ мягкаго сердца...

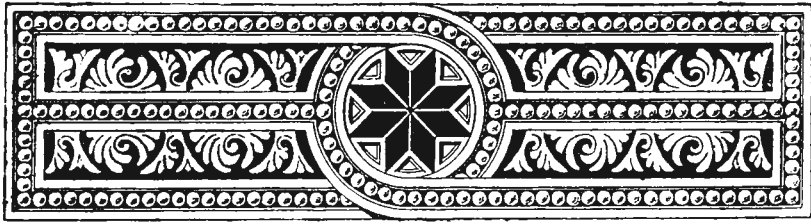
Въ томъ же письмѣ Софья сообщала также, что, будучи въ Петербургѣ недавно, она была съ визитомъ у Юліи Маврикіевны

Кауфманъ какъ разъ въ то время, какъ вернулся Константинъ Петровичъ съ военнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ государя и объявилъ, что состоялось высочайшее повелѣніе идти на Хиву. «Я хочу, чтобъ ты, Константинъ Петровичъ, взялъ мѣ Хиву»,— выразился государь. Итакъ, походъ рѣшенъ былъ безповоротно.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XXIII.

Приготовленія къ хивинскому походу.—Пріѣздъ Кауфмана.—Выступленіе главной квартиры. — Переходъ голодной степи, страшная непогода, всяческія невзгоды и вліаніе пустыни на нервы. — Самоубійство полковника Романова. — Адамъ-Кылганъ и Алты-Кудукъ. — Страшныя картины у колодцевъ 3-го мая.—Движеніе изъ Алты-Кудука. — Нападеніе хивинцевъ на отрядъ Бардовскаго.—Аму-Дарья. — Учъ-Учакъ, встрѣча съ неприятелемъ. — Дѣло 11-го мая.—Дѣло Головачева у Акъ-Камыша. — Прибытіе нашей новой флотилии.—Переправа.—Квятицкій и Зубовъ.—Наступленіе на Хазарапсъ.—Несчастная кончина Веймарна.—Движеніе на Хиву, встрѣча съ отрядомъ Веревкина. — Занятіе города.

ВОТЯ ПОКА и не было еще получено официальнаго сообщенія о походѣ, но, тѣмъ не менѣе, всѣ мы дѣятельно стали готовиться. Предстоящее движеніе должно было совершиться по глубокимъ и безводнымъ пескамъ, гдѣ экипажи и даже двухколесныя арбы пройти не могутъ; поэтому необходимость вынуждала идти на вьюкахъ, а для этого рода службы лучше всего могъ служить верблюдъ. Купивъ пару крупныхъ и сильныхъ верблюдовъ, я лично былъ спокоенъ, имѣя къ тому же еще въ запасѣ и трехъ лошадей. Кромѣ того, мнѣ доставлена была также джаломейка, другими словами, небольшого размѣра юрта, или, по-мѣстному, кибитка. Эта джаломейка

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 85.

скоро собирается и со всѣми къ ней войлоками не превышаетъ вѣсомъ болѣе 12 пудовъ. Въ ней просторно помѣщается желѣзная кровать, складной столъ и три складныхъ же табурета. Выгодныя ей стороны передъ палаткой въ томъ, что солнце далеко не пропекаетъ такъ войлока, какъ холстъ, а въ случаѣ дождя, вода не протекаетъ вовсе. Въ этомъ походѣ на Хиву намъ угрожала жестокая борьба съ стихіями, т. е. съ необычнымъ зноемъ, трудными по пескамъ переходами и томительною въ безводной степи жаждою. Много затрудненій предвидѣлось еще и потому, что дорога степью до предѣловъ Хивинскаго ханства плохо, а частью и вовсе не была нами изслѣдована, и предстояло двигаться наобумъ, куда глаза глядятъ! *Mais tout chemin mène à Rome*, а по-русски мы надѣялись, что «авось» и доберемся до цѣли.

Сомнѣнія, тревожившія насъ вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, что экспедиція будто бы отложена до осени по причинѣ опасенія государя зимой, въ холодное время, передвигать оренбургскія войска степью, къ счастью, были разсѣяны. Головачевъ торжественно объявилъ мнѣ о полученіи высочайшаго повелѣнія двинуть оренбургскій отрядъ 20 января на саняхъ. У насъ же запахло весной, на улицахъ была грязь, но въ степи просыхало, и хотя можно было еще ожидать снѣга и дождей, но холодовъ уже не предвидѣлось.

Вскорѣ пріѣхалъ курьеръ Колокольниковъ (адъютантъ Кауфмана) и привезъ официальное объявленіе своего генерала о походѣ въ Хиву. По словамъ его, Кауфманъ долженъ былъ вернуться къ намъ недѣли три спустя. Занятіе Хивы обѣщало много выгодъ. Эта экспедиція, обсужденная и разрѣшенная свыше, такъ была сложна условіями и пріемами, что, конечно, должна была стать выше Шахризябса, Кульджи, Карчи и даже взятія Самарканда. Вслѣдствіе предшествующихъ, неоднократныхъ неудачъ нашихъ при попыткахъ завладѣть Хивою настоящій походъ представлялъ интересъ не только для Россіи, но и для всей Европы. Легенды о прошлыхъ несостоятельныхъ походахъ на Хиву, начиная со вторженія кн. Черкаскаго-Бековича, во времена Петра Великаго, до свѣжихъ сказаній о пагубныхъ попыткахъ графа Перовскаго въ царствованіе Николая I разорить это гнѣздо хищниковъ, установили какое-то фантастическое понятіе о неприступности Хивинскаго ханства, которое, по зрѣлому обсужденію, все-таки было не что иное, какъ неорганизованное, дикое, но вовсе не страшное племя средней Азіи, къ которому только доступъ былъ очень затруднителенъ и сложенъ. Въ походѣ должны были принять участіе войска кавказскія, оренбургскія и туркестанскія. Туда должна была идти пѣхота, кавалерія, разнокалиберная артиллерія, полевая, горная, осадная, и наконецъ немаловажная роль предназначена была флотилии морской и рѣчной. Въ Казалѣ, при устьѣ Сыръ-Дарьи заготовлялись суда, пароходы, баржи, для плаванія Араль-

скимъ моремъ къ Кунграду съ десантными войсками. Независимо отъ всего этого, верблюды должны были повезти на спинахъ своихъ чугунные понтоны для сборки изъ нихъ паромовъ, на которыхъ могли бы войска переправиться черезъ Аму-Дарью, долженствующую положить предѣлъ нашимъ завоеваніямъ въ Средней Азіи. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые положительно утверждали, что, завладѣвъ Хивою, мы займемъ ее временно и, назначивъ хана по своему усмотрѣнію, отступимъ изъ ханства, не оставивъ въ немъ гарнизона. Слухъ этотъ основанъ былъ будто бы на желаніи государя не увеличивать завоеваніемъ Хивы территоріи Россіи; а потому цѣлью похода было только наказать хивинцевъ, разгромить страну ихъ, начиная съ самаго гнѣзда—столицы ханства.

Къ намъ дошли свѣдѣнія, что туркмены, подвластный народъ хивинскаго хана, въ большихъ скопищахъ уже рыскали по степи, на пути нашемъ, и будто бы засыпали колодцы, на которые мы рассчитывали; но, по общему мнѣнію туземцевъ, дѣла съ непріателемъ намъ предстояли только полевыя, а въ стѣнахъ самой Хивы они драться не рѣшатся. Головачевъ обѣщаль по возможности частое сообщеніе отряда съ Ташкентомъ, а потому мы надѣялись, что не придется долго томиться неизвѣстностью о судьбѣ близкихъ сердцу, но далеко остающихся за нами. Семейнымъ же туркестанцамъ предстояло озаботиться о благосостояніи семьи, обезпечить и оградить ея существованіе и предупредить всякія случайности, что въ полудикой странѣ этой представляло массу затрудненій.

20-го февраля (1879 г.) отправился я съ Колзаковымъ и многими другими къ избушкѣ на встрѣчу Кауфману; тамъ ожидали его уже купцы гор. Ташкента съ завтракомъ, послѣ котораго и совершился торжественный въездъ его въ нашу столицу. Струве ожидали на слѣдующій день, онъ ѣхаль черезъ Сибирь вмѣстѣ съ молодымъ графомъ Бергомъ, стремившимся къ намъ также пожинать лавры. Вскорѣ послѣдовало росписаніе всѣмъ участникамъ похода, при чемъ я назначенъ быть при войскахъ, что пока, конечно, не опредѣляло еще моего положенія. На другой день по пріѣздѣ Кауфмана скончался въ страшныхъ мученіяхъ отъ злѣйшей чахотки нѣкто Герштенцвейгъ. Этотъ Герштенцвейгъ, сынъ лишившаго себя жизни въ Варшавѣ генераль-адъютанта, прибылъ сюда въ конногвардейскомъ мундирѣ, какъ въ ссылку, въ наказаніе за проказы молодости и увлеченія въ Петербургѣ. Юноша не глупый, милый и развитой, обреченный тянуть здѣсь лямку слишкомъ три года, сталъ съ горя пить и быстро схватилъ скоротечную чахотку. Чувствуя приближеніе окончательнаго разчета съ землею, онъ накануне смерти выразилъ настоятельное желаніе видѣться съ Константиномъ Петровичемъ, который въ ту же минуту поспѣшилъ къ умирающему и долго съ нимъ бесѣдовалъ.

На 3-е марта назначено было выступленіе. Всѣ лучшіе пріятели

мои, въ числѣ ихъ и Щербинскій (увѣрявшій, что хочетъ прикинуться верблюдомъ, лишь бы попасть въ Хиву), шли вмѣстѣ въ походъ. Главная квартира послѣ восьмидневнаго странствованія добрела до окрестностей Джюзака, гдѣ на рѣкѣ Клы вмѣстѣ съ подошедшими отрядами и расположилась лагеремъ. Такимъ образомъ, для перваго дебюта, мы уже сдѣлали слишкомъ 200 верстъ. Переходъ этотъ, по численности верстъ, составлялъ приблизительно одну осьмую часть всего протяженія предстоящаго пути до города Хивы. Но срокъ приготовления нашего отряда къ походу былъ очень не великъ, и это всего больше отразилось на наймѣ и сборѣ верблюдовъ. Число ихъ потребовалось не малое, до 10.000, а приобрѣтеніе у мѣстныхъ жителей соотвѣтствующихъ назначенію, то-есть сильныхъ и здоровыхъ экземпляровъ, конечно, было немислимо произвести въ десять дней. Назначенная на этотъ предметъ комиссія, не имѣя времени внимательно и тщательно разбирать возрастъ пригнанныхъ со всѣхъ концовъ округа верблюдовъ, второпяхъ принимала и молодыхъ, слабыхъ и по изнуренію даже никуда не годныхъ. Съ первыхъ же шаговъ оказались пагубныя слѣдствія: на переходѣ до Клы бросили по пути до 400 палыхъ верблюдовъ.

И въ другихъ отношеніяхъ это относительно ничтожное странство далось намъ не безъ трудностей. Однѣ сутки довелось провести намъ подъ непрерывнымъ дождемъ, а два дня подъ такими палящими лучами солнца, что они сразу сожгли мнѣ фізіономію. На трехъ ночлегахъ вода была горько-соленая, а на одномъ ея не было вовсе. Я устроился удобнѣе, чѣмъ большинство моихъ товарищей: моя джаломейка не печетъ, и въ ней не было такъ душно, какъ въ палаткахъ. Верблюды и лошади, припасенные заранее, были сильны и выносливы, но нога моя распухла и мучила порядкомъ. Окружающіе меня въ главной квартирѣ люди всѣ болѣе или менѣе были мнѣ симпатичны: налѣво отъ меня разбиты были палатки полковника Колокольцова (когда-то преображенца, женатаго на княгинѣ Вяземской), Щербинскаго и сапера Пукалова, а направо адъютантовъ Кауфмана: Флита, Колокольцова 2-го и Адеркаса, далѣе флигель-адъютанта графа Берга, барона Крюднера, Струве и князя Голицына. Во время нашего движенія я вставалъ до разсвѣта, пилъ чай при огнѣ и немедля на конѣ пускался впередъ, пока на ставкѣ моей начиналось длинное, трудное и скучное выюченіе вѣчно ревущихъ верблюдовъ. Они послушны, сносиливы и терпѣливы. По приказанію хозяина-вожака (лаучи) они ложатся на землю и не двигаются, пока не уложатъ между ихъ горбовъ всю кладь, а затѣмъ встаютъ и, привязанные другъ за другомъ, вытягиваются вереницей и мѣрнымъ ходомъ шагаютъ свободно по пескамъ. Шагъ ихъ небольшой, а потому выючный на верблюдахъ обозъ значительно отставалъ отъ всадниковъ. Дойдя до назначеннаго для ночлега пункта, приходилось долго,

часа два, три и болѣе, подѣ открытымъ небомъ ожидать верблюдовъ, но какъ только они появлялись, черезъ четверть часа уже были разбиты палатки и юрты, устроены коновязи, пылали костры, шумѣли самовары, словомъ весь лагерь приходилъ въ усиленную дѣятельность для быстрѣйшаго удовлетворенія голода, жажды и отдохновенія. Пройденная нами степь, названная «Голодною», не представляла глазу ничего отраднаго; все, что было видно кругомъ, на всѣ стороны, это безконечная равнина, а съ нею неминуемые миражи, смутно представляющіе всѣ движущіеся предметы нашего каравана въ превратномъ видѣ. Топливо и кормъ надо было везти съ собою на вьюкахъ, такъ какъ никакой растительности въ степи не существуетъ, и, кромѣ множества никуда не годныхъ черепахъ, никого не встрѣтишь. Впрочемъ, со втораго уже дня существованія бивуака на рѣкѣ Клы, въ шести верстахъ отъ Джюзака, уже весь туземный базаръ ихъ города перемѣстился къ намъ въ лагерь, гдѣ съ самаго разсвѣта раздавались кругомъ нашихъ палатокъ пронзительные возгласы сартовъ, торговавшихъ лепешками, яйцами, масломъ, молокомъ и всякой дрянью... Надо сказать, что за три дня до выступленія изъ Ташкента главной квартиры Бергъ, бывшій безсмѣннымъ ординарцемъ при Кауфманѣ, объѣхалъ всѣхъ насъ съ порученіемъ отъ высшаго начальства, объявить всѣмъ состоящимъ въ свитѣ его превосходительства, что онъ приглашаетъ насъ во все время предстоящаго похода продовольствоваться обѣдомъ и завтракомъ у него, главнаго начальника отряда, а потому и предлагалъ брать съ собою какъ можно меньше вещей, дабы ими не увеличивать объема слѣдующаго за отрядомъ обоза. Большинство нашей братіи очень обрадовалось этому предложенному гостепримству Кауфмана, не только обезпечивавшему потребности ихъ желудковъ, но и избавлявшему отъ неминуемыхъ хлопотъ, затрудненій и препятствій при устройствѣ продовольствія собственными средствами.

Въ лагерь на Клы вмѣстѣ съ Константиномъ Петровичемъ подѣхали къ намъ въ составъ главной квартиры еще три новыхъ личности: Блокъ съ сотоварищемъ Лукашевымъ и Сабуровъ. Первый привезъ мнѣ письмо отъ Софьи и поклоны отъ графа Гейдена съ приглашеніемъ обоихъ оказать подателю всякое съ моей стороны содѣйствіе въ походной жизни. Я встрѣтилъ Блока, какъ стараго однокашника по пажескому корпусу и какъ настоящаго сослуживца по оружію и должности. Блокъ очень добрый малый, наружностью настоящій кирасиръ, здоровый и сильный. Особенно замѣчательна была его нѣжная дружба къ товарищу по полку, Лукашеву. Сабуровъ былъ также красивый, ловкій, очень неглупый штабъ-офицеръ, окончившій курсъ въ юридической академіи. Всѣ они состояли по армейской кавалеріи и назначены были въ распоряженіе главнаго начальника хивинскаго отряда.

На бивуакѣ въ Клахъ послѣ двухъ теплыхъ, даже, можно сказать, жаркихъ дней вдругъ наступила стужа; цѣлыя сутки лиль дождь, ночью заревѣла буря, и къ утру выпалъ глубокой снѣгъ. Слѣдующій день, 12-го марта, было не легче. Вѣтеръ холодный и очень сильный рвалъ палатки и къ ночи снова нагналъ мятель и вьюгу. 13-го марта съ утра долженъ былъ выступить 1-й эшалонъ полковника Колокольцова, къ которому я приказомъ наканунѣ былъ назначенъ помощникомъ. Всю эту ночь бушевала страшная непогода, отразившаяся на ногѣ моей; отъ вечерней до утренней зари промучившись сверхъестественною болью, при усиленной опухоли, я съ великимъ трудомъ всталъ съ постели и увидавъ, что творится въ атмосферѣ, убаюкивалъ себя надеждой, что, авось, выступленіе будетъ отмѣнено. Намокшія отъ дождя и снѣга палатки и веревки къ нимъ, захваченныя утреннимъ морозомъ свыше 12°, обледенѣли и закорузли совершенно. Снять и развязать ихъ, казалось, невозможно, тѣмъ болѣе застывшими солдатскими руками, совершенно закоренѣвшими на мятели и порывистомъ при сильномъ морозѣ снѣгѣ. Разсуждать младшимъ да къ тому же въ военное время не полагается, а потому, дрожа отъ холода, солдатики послѣ неимоверныхъ усилій и борьбы съ разгулявшимися стихіями, сняли палатки, навьючили верблюдовъ и по колѣна въ снѣгу поплелись вереницей по бушующей степи. Мокрый снѣгъ билъ въ глаза, а пронзительный вихрь прохватывалъ насквозь, когда мы вытянулись изъ лагеря и шагъ за шагомъ, съ черепашею быстротою, стали ползти по необъятной равнинѣ, представляющей въ это время хаосъ и запустѣніе. Стало смеркаться, когда послѣ мучительной пытки, длившейся болѣе десяти часовъ сряду, передовая кучка людей достигла ночлега съ очень скуднымъ запасомъ дровъ. Съ великимъ трудомъ разведя огонь, люди не помышляли о варкѣ себѣ горячей пищи, а употребивъ всѣ дрова на костры, лишь бы отогрѣть у нихъ свои заледенѣвшіе члены, стали глотать одни сухари.

Чуть живой отъ стужи, а особенно отъ нестерпимой боли въ ногѣ, я не слѣзъ, а свалился съ сѣдла на снѣгъ, и не помню хорошо, скоро ли затѣмъ уложилъ меня Кузьма въ джаломейку, взваливъ поверхъ меня цѣлую грудю тяжелыхъ кошмъ, одѣялъ и попонъ. Ночью пришелъ я въ себя и, почувствовавъ усилившіяся страданія въ ногѣ, а вмѣстѣ и нестерпимое давленіе, сталъ звать о помощи, но напрасно. Чудовищно-мучительная ночь эта, наконецъ, прошла, но съ наступленіемъ дня открылась грустная картина при видѣ страдальческихъ лицъ солдатъ. Ознобленныхъ въ 1-мъ эшалонѣ нашемъ оказалось до 18-ти человекъ, изъ которыхъ два солдата и пять лаучей отдали Богу душу, одинъ здѣсь на ночлегѣ, а прочіе въ степи...

Слѣдующій переходъ удалось совершить при нѣскольکو лучшихъ

условіяхъ, по крайней мѣрѣ безъ потери человѣческихъ жизней, а къ третьему ночлегу погода измѣнилась къ лучшему, и хотя свѣгъ, превратившійся въ жидкую слякоть, и затруднялъ движеніе, но не мѣшалъ варить горячую пищу и по ночамъ засыпать богатырскимъ сномъ русскому воинству.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ ночей съ проливными дождями, промочившими всѣ пожитки бѣдныхъ солдатъ, наконецъ, стихло, потеплѣло и уже стало сильно припекать на солнцѣ. Нога меня измучила, отекъ былъ такъ силенъ, что при крѣпкомъ бинтованіи утромъ и вечеромъ я все еще не могъ надѣть сапога и ходилъ въ валенкѣ.

Начальникъ 1-го эшалона, престарѣлый полковникъ Колокольцовъ, когда-то блестящій гвардейскій офицеръ, занималъ не послѣднее мѣсто въ средѣ золотой молодежи въ Петербургѣ, гдѣ по связямъ и состоянію игралъ роль. Впослѣдствіи по разстроеннымъ дѣламъ оставилъ службу, а затѣмъ вступилъ опять, но на дальнюю окраину, а именно въ Семирѣчье, гдѣ долго командовалъ батальономъ, по сдачѣ котораго на законномъ основаніи и состоялъ при Кауфманѣ во время похода. Ему, какъ старшему полковнику въ отрядѣ, поручена была 1-я колонна, которую онъ и велъ съ оригинальными приѣмами и подражаніями великому Суворову. Всѣ же, коротко его знавшіе, отзывались о немъ, какъ объ очень добромъ и отлично-честномъ человѣкѣ.

Вскорѣ я получилъ самостоятельное командованіе надъ колонной и долженъ былъ на 11 дней отдѣлиться отъ главной квартиры и прочихъ эшелоновъ авангардомъ на 220 верстъ по сыпучимъ пескамъ, имѣя ночлеги съ мерзѣйшею водою. Въ Темиръ-Кабукъ была общая дневка, на границѣ нашихъ владѣній. Это селеніе было послѣднее пристанище въ обитаемой мѣстности, и отсюда уже начиналась Кизиль-Кумъ, степь безлюдная, песчаная и пустынная, съ очень скуднымъ запасомъ воды, исключительно добываемой изъ колодцевъ, вырытыхъ по пути каравановъ къ Аму-Дарьѣ. Главной помѣхой въ движеніяхъ нашихъ было громадное число верблюдовъ, на которыхъ везлись всѣ тяжести: провіантъ, артиллерійскіе снаряды и паркъ, инженерные и интендантскіе транспорты и, наконецъ, пожитки частей войскъ и собственно наши. Верблюды эти были изнурены до крайности, а потому везли вьюки очень плохо. Значительное ихъ количество уже пало и многіе рѣшительно отказывались отъ дальнѣйшаго движенія. Впрочемъ, была у насъ надежда имѣть въ верблюдахъ подкрѣпленіе сначала отъ бухарскаго эмира, при пресѣченіи его владѣній, а потомъ въ Тамдахъ, гдѣ должны были быть верблюды киргизскіе. Про непріятеля циркулировали смутныя свѣдѣнія, что онъ готовился будто бы насъ встрѣтить, и что нѣсколько значительныхъ шаекъ уже рыскали по степи и портили намъ колодцы. Въ силу этихъ извѣстій и при-

казано было мнѣ произвести движеніе авангарднаго моего эшелона со всѣми военными предосторожностями во избѣжаніе повторенія злополучнаго происшествія съ начальникомъ кавказскаго отряда, полковникомъ Маркозовымъ, у котораго, по слухамъ, отбилъ непріятель всѣхъ верблюдовъ. Въ Тамдѣ всѣ отряды должны были соединиться.

Итакъ съ 21 числа я двигался съ отдѣльнымъ отрядомъ моимъ по сыпучимъ пескамъ медленно, но благополучно, и на седьмомъ переходѣ дождался опять соединенія съ прочими эшелонами. Чрезмѣрная потеря верблюдовъ дѣлалась все чувствительнѣе, и вотъ, придумывая, какъ бы помочь горю, мы стали здѣсь, среди песчаной степи, гдѣ постоянно свирѣпствуютъ страшные вѣтры, поднимающіе цѣлыя тучи песка и въ то же время срывающіе юрты и палатки. За то вездѣ, въ глазахъ, ушахъ, носу, на столѣ и на кровати былъ густой слой пыли, пыли и пыли!

Въ теченіе послѣдней недѣли, вставая на ноги часа за два до разсвѣта, мы цѣлый день, качаясь на сѣдлѣ или пѣшеходомъ по щиколку увязая въ песокъ, ползли по степи, одолевая переходы отъ 20 до 30 верстъ. Передъ вечеромъ съ трудомъ достигали колодезъ, которые всѣ были на перечеѣ въ неизмѣримой Кизиль-Кумской степи, и тутъ-то, около этихъ единственныхъ признаковъ дѣянія рукъ человѣческихъ, изнуренные голодомъ и жаждой, мы засыпали до слѣдующаго утра, когда опять раздавались сигналы подъема и движенія впередъ, и снова мѣрнымъ аллюромъ шагали по степи, наводящей уныніе. Не смотря на это, только прояснялась погода, люди были снова бодры духомъ и сильны надеждами; не умолкали удалыя пѣсни и на ночлегахъ, во время сборки или скучнаго развѣючиванія верблюдовъ, раздавался смѣхъ и веселый говоръ. Молодцы солдаты русскіе! Чего, чего нельзя сотворить съ подобными героями! Горсть сухарей, плохихъ и черствыхъ, глотокъ воды, соленой и зловонной, а если въ добавокъ еще ласковое, одобрительное слово начальства, умѣющаго на самомъ себѣ дать примѣръ самоотверженія,—и солдатъ счастливъ и всѣмъ доволенъ. А подчасъ сидѣли мы и впроголодь, такъ какъ подвозъ провіанта былъ далеко не легокъ; къ тому же продовольственный транспортъ высланъ былъ по какому-то недоразумѣнію не непосредственно за нами, а недѣлю спустя. Въ ожиданіи его и соединились мы снова въ одинъ отрядъ. Больныхъ у насъ пока было мало, суровая погода смѣнилась теплыми, ясными днями, которые скоро должны были перейти въ грозныя жары. Приближался праздникъ Свѣтлаго Воскресенія. Недостатокъ во всѣхъ жизненныхъ припасахъ былъ очень чувствителенъ, но намъ обѣщали къ торжественнымъ праздникамъ подвезти отъ сосѣдей бухарцевъ муки и даже яицъ, чтобъ похристосоваться по формѣ.

О Казалинскомъ отрядѣ получены удовлетворительныя свѣдѣ-

нія; 25 марта, на пути его слѣдованія степью, заложено было укрѣпленіе Благовѣщенское и черезъ нѣсколько дней ожидали его соединенія съ нами.

Въ Арестанъ-бель-Кудукъ совершенно неожиданно оказался недостатокъ воды, и 1-й эшелонъ двинули опять на новый пунктъ къ колодцу Момандзанъ. Во всѣхъ колодцахъ вода изсякла до того, что ужь не было возможности удовлетворить разомъ всѣхъ людей, верблюдовъ и лошадей, и потому передвиженіе наше было крайне необходимо. Новой контрибуціей съ сосѣднихъ и намъ подвластныхъ племенъ кочующихъ киргизъ каракалпаковъ отряды хотя и были снабжены свѣжими верблюдами, но такъ какъ это была весна, то животныя съ трудомъ переносили навьюченный на нихъ грузъ и кончали тѣмъ же падежомъ, какъ и предыдущіе. Оставалось всего шесть переходовъ до м. Халааты (уже въ предѣлахъ хивинскихъ) откуда до Аму-Дарьи было около 60 верстъ.

Хивинскій ханъ выслалъ русскихъ плѣнныхъ въ городъ Казалинскъ, а при нихъ и посольство для переговоровъ. Оставшійся въ Казалѣ за старшаго, нашъ воинскій начальникъ плѣнныхъ принялъ, но, не имѣя полномочія вступать въ переговоры, отправилъ посольство въ догоню Кауфману; тотъ же, по полученіи о томъ донесенія, послалъ къ нему на встрѣчу категорическое приказаніе обратиться восвосяи, такъ какъ для всякихъ переговоровъ съ ханомъ теперь уже поздно и рѣшать вопросы о мирныхъ съ нимъ условіяхъ возможно только по взятіи Хивы.

Со дня на день ждали мы также прибытія интендантскаго транспорта съ провіантомъ, но еще раньше облетѣла весь лагерь вѣсть, что какая-то предприимчивая личность изъ туземныхъ торговцевъ везетъ къ намъ въ отрядъ муку и яйца изъ предѣловъ Бухары. Все бросилось на встрѣчу оборотливаго героя, оказавшагося вовсе не туземцемъ, а москвичемъ, *rig-sang*, Громовымъ, главнымъ приказчикомъ Хлудова.

Во вновь сооруженномъ балаганѣ, за скудной трапезой, встрѣтило общество офицеровъ нашего эшелона день Воскресенія Христова. Послѣ взаимныхъ поздравленій и задушевнаго христосованія между собою провели мы эту ночь побратски, въ восторженномъ настроеніи духа. Ракета, высоко взлетѣвшая къ облакамъ, среди темной ночи возвѣстила отряду о великомъ событіи, и въ ту же минуту на всѣхъ фасахъ лагеря раздалось стройное пѣніе «Христосъ Воскресе», повторенное съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ во всѣхъ юртахъ, палаткахъ, шатрахъ и балаганахъ, гдѣ только гнѣздилась живая душа нашего православнаго воинства. Первый день праздника, послѣ безсонной ночи, мы всѣ провели въ горизонтальномъ положеніи, а на второй день, въ видѣ развлечения, я даже ѣздилъ за нѣсколько верстъ въ сторону на охоту, съ капитаномъ Рѣзвымъ. Наконецъ, послѣ длиннаго плаванія по морю пе-

сковъ, достигли мы Халааты. Пора было перевести духъ, болѣе семи недѣль не слѣзали мы съ лошадей, кромѣ дневокъ, представляющихъ сами по себѣ ничтожное отдохновеніе утомленному тѣлу. Каждому изъ насъ опротивѣло смотрѣть на осѣдланную лошадь, безъ которой, однако, путешествіе это было бы совершенно невысказаннымъ. Самое бойкое перо врядъ ли сумѣетъ описать всѣ переиспытанныя истязанія отъ зноя, вѣтра и особенно отъ сильнаго буруна, который нѣсколько дней свирѣпствовалъ въ степи, подымая тучи песку, затмевая собой солнце, страшно воспаляя глаза... Свѣта Божьяго не было видно, только высунешься изъ юрты на воздухъ, густая мгла охватываетъ съ ногъ до головы и легкимъ щелбнемъ, какъ градомъ, хлещетъ по лицу, сильно, больно, до крови.

До Аму-Дарьи отсюда еще предстояла безводная степь, безъ всякихъ признаковъ какихъ бы то ни было источниковъ влаги. Пространство этой пустыни въ точности еще никто не зналъ. Нога русская здѣсь еще никогда не ступала, а проводники наши, то-есть киргизы-кочевники, давали самыя разнорѣчивыя показанія. Наступила тяжелая минута развязки сложнѣйшихъ соображеній, какъ преодолѣть предстоящія затрудненія къ достиженію спасительной Аму-Дарьи и затѣмъ какъ побѣдить не одну природу, но и врага, будто бы (опять таки по слухамъ) въ громадныхъ силахъ ожидающаго насъ на слѣдующихъ переходахъ, не желая допустить до рѣчки своей. Онъ прибѣгъ уже къ самой дѣйствительной и болѣе другихъ вредной мѣрѣ—порчѣ и уничтоженію на пути нашемъ всѣхъ колодезь, чѣмъ и заставилъ насъ идти на турсукахъ, другими словами, съ запасомъ воды съ собою, что, конечно, при несостоятельныхъ перевозочныхъ средствахъ и совершенной неизвѣстности пространства, представляло опасныя усложненія. Кауфманъ сталъ очень озабоченъ и молчаливъ, и не мудрено, отвѣтственность была не шуточная. Одно можно было только сказать, что при полномъ недостаткѣ самаго необходимаго, продовольствія включительно, удивительно, какъ мало было больныхъ и смертныхъ случаевъ, а наступилъ уже пятидесятый день нашего скитанія и безпрерывной борьбы съ расходившимся стихіями. Какъ-то назначили меня председателемъ комиссіи для провѣрки доброкачественности сухарей въ интендантскомъ складѣ, что вызвано было скоропостижной смертью одного солдатика, при вскрытіи котораго въ желудкѣ найденъ сахарообразный камень, вовсе не поддавшійся дѣйствию пищеваренія. Утромъ, вмѣстѣ съ членами комиссіи, приходимъ къ мѣсту склада. На удачу выбранные мною мѣшки высыпаются на землю, и глазамъ нашимъ представляются сухари черствые, заплѣсневѣвшіе и частью зеленые. Пристальнѣе присматриваемся и видимъ, о ужасъ! они двигаются и ползутъ отъ насъ въ разныя стороны. Загадочная подвижность эта, впрочемъ, скоро объяснилась: черви, спокойно поселившіеся въ сухаряхъ, почуявъ свѣжій воз-

духъ, пустились въ ходъ, увлекая за собой и временныя помѣщенія свои, очень любопытныя для наблюденій, но отнюдь не для удовлетворенія отощавшихъ солдатскихъ желудковъ.—«Какъ нашли вы сухари?»—спросилъ меня Кауфманъ.—«Удивительными, ваше высокопревосходительство, — отвѣтилъ я: — если только сумѣтъ дать имъ надлежащее направленіе, они безъ всякой посторонней помощи и перевозочныхъ средствъ сами дойдутъ до Хивы». После подробнаго объясненія Кауфманъ тотчасъ же велѣлъ предать ихъ истребленію, возложивъ ущербъ казны на счетъ виновныхъ интендантскаго вѣдомства.

Тогда же приступлено было и къ устройству печей, въ которыхъ пекли хлѣбъ и свѣжіе сухари для дальнѣйшаго движенія. 23 апрѣля заложена была нами новая крѣпость, Георгіевская, какъ стратегическій пунктъ опоры для дѣйствующихъ впереди войскъ и для склада вновь ожидаемаго провіанта.

25-го, какъ изъ земли выросъ передъ нами Попаригонупуло, бывший въ отрядѣ на курьерскихъ отъ Самары до Казалинска, а оттуда прыжками отъ одного эшелона къ другому. Послушать вновь прибывшаго собралась въ мою юрту большая компанія, вскорѣ засѣвшая за карты. Въ полночь усилившійся вѣтеръ перешелъ въ бурю и ежеминутно грозилъ снести бѣдную войлочную страдалицу. Вдругъ среди этого хаоса раздались выстрѣлы, и вслѣдъ за ними сигналы на рожкахъ тревоги. Струве, Голицынъ, Урусовъ и прочіе, а съ ними и я, стремглавъ ринулись изъ ярко освѣщенной юрты во тьму кромѣшную и среди общаго смятенія, барабаннаго боя, крика людей, бѣгущихъ и скачущихъ, толкотни и шума, едва нашли мы ближайшій, всего шаговъ за 50, фашъ лагеря, гдѣ съ неимоверною быстротой уже выстроились съ оружіемъ въ рукахъ солдаты, застигнутые звонкимъ призывомъ во время крѣпчайшаго ихъ сна. На дѣлѣ, впрочемъ, оказался чортъ не такъ страшенъ. Моментально выстроившіяся войска тѣтено прождали непріятельскаго натиска, усиленно стараясь среди ночной темноты разсмотрѣть сквозь пыль и песчаную мятель грознаго супостата. Сигнальные рожки не переставали трубить тревогу. Только въ три часа утра разяснилось смутившее весь лагерь обстоятельство: нѣсколько десятковъ туркменъ, отъѣхавшихъ далеко впередъ отъ своихъ авангардныхъ постовъ, встрѣтили казачьи пикеты, и случайно наѣхавъ на развѣздѣ, дали залпъ, а затѣмъ тягу, чѣмъ и взбудоражили весь лагерь.

Непріятель въ 50-ти верстахъ отсюда держалъ сильныя пикеты, главныя же силы его придерживались Аму-Дарьи и ждали нашего приближенія. Намъ предстояла еще, какъ я уже сказалъ, страшная пустыня, страшная не встрѣчей съ полудикими ордами, а своимъ безводіемъ и неопредѣленностью протяженія. Любопытно было взглянуть и полюбоваться наружнымъ нашимъ видомъ. Безжа-

лостное солнце сорвало съ cadaго не одну, а нѣсколько шкуръ. Носъ мой перемѣнилъ уже третью кожу, волоса, напудренные густою пылью и пескомъ, измѣнили свой цвѣтъ, глаза, воспаленные и опухшіе, плохо видѣли и слезились. Ко всему этому нестерпимая жара, доходящая въ послѣдніе дни до 47 град. и спадающая на ночь до 34-хъ.

Какъ грустный примѣръ губительнаго вліянія на нервы человѣческіе всей этой томительной обстановки, можетъ служить слѣдующая катастрофа съ инженернымъ полковникомъ Романовымъ, слѣдовавшимъ въ Казалинскомъ отрядѣ за нами. Въ Солтанъ-Биби онъ пулей изъ револьвера раскроилъ себѣ черепъ, оставивъ собственноручную записку, объяснявшую, «что пережить овладѣвшей имъ тоски въ степи онъ болѣе не можетъ, а потому прощается съ семьей и кладетъ конецъ этой пытки»... По слухамъ, полковникъ Романовъ стоялъ въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ по службѣ, не былъ несчастенъ въ семейномъ быту и оставилъ послѣ себя много цѣнныхъ вещей и до четырехъ тысячъ наличными деньгами.

Постройка форта св. Георгія продолжалась недолго, и весь отрядъ двинулся къ Адамъ-Кылгану, куда еще 26 числа отправилась передовая колонна подъ начальствомъ генералъ-маіора Бардовскаго. Впереди этой колонны спокойно ѣхали подполковники Ивановъ и Тихменевъ, каждый съ двумя казаками и нѣсколькими киргизами проводниками. Въ 9-мъ часу вечера, *entre chien et loup*, еще до восхода луны, группа означенныхъ людей, незамѣтно отдѣлившаяся отъ головы колонны версты на двѣ, была внезапно окружена конными хивинцами, въ числѣ до 150 человекъ. Офицеры приказали казакамъ спѣшиться и пѣшкомъ вмѣстѣ съ ними составили тѣсную кучку, при чемъ изъ-за лошадей своихъ стали отстрѣливаться изъ ружей и револьверовъ въ надеждѣ на скорую себѣ помощь изъ идущей по ихъ слѣдамъ колонны. Толпы непріятельскихъ всадниковъ неоднократно бросались въ шашки на нашу горсть храбрецовъ, стойко отражавшихъ нападеніе. Врагамъ, однако, удалось холоднымъ оружіемъ нанести смертельные удары двумъ киргизамъ-проводникамъ, а остальныхъ всѣхъ безъ исключенія переранить ружейными пулями, пока подоспѣвшій взводъ пѣхоты не спасъ ихъ отъ окончательной гибели.

Въ этой неожиданной стычкѣ непріятеля съ ничтожной горстью нашихъ джигитовъ наглядно выказалась уже несостоятельность перваго. Хивинцы уронили традиціонную свою непобѣдимость, а также доказали, что огнестрѣльное оружіе ихъ ничего не стоитъ. Ивановъ впрочемъ былъ раненъ въ ногу и въ руку, а Тихменевъ въ голову и руку.

30-го и мы подтянулись къ нимъ и едва разбили бивуакъ и повалились на отдыхъ, крайне необходимый для всего утомленнаго тяжелымъ переходомъ отряда, какъ на разсвѣтѣ опять были раз-

бужены рѣзкимъ сигналомъ тревоги. Непрiятель, въ числѣ до 300 человекъ, сдѣлалъ нападеніе на лагерь, точнѣе сказать, на ночную цѣпь, но, встрѣченный мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ, недолго держался и вскорѣ скрылся, оставивъ незначительный уронъ. Стоянка наша, на Адамъ-Кылганъ (въ переводѣ: смерть человекъ), страшными красками описанномъ извѣстнымъ на востокъ путешественникомъ Вамбери, замѣчательна была по подвижнымъ, изъ сыпучаго песка, барханамъ, при каждомъ степномъ буранѣ измѣняющимъ свои очертанія. Вся кругомъ мѣстность, безъ всякаго признака растительности, даже и колючки, представляла волнистую низменность, покрытую сплошь буграми, въ формѣ бородавокъ, рыхлыхъ, вязкихъ и неимовѣрно подвижныхъ. Нога вязла глубоко, не находя нигдѣ прочной точки опоры. Но зато вода добывалась здѣсь легче, и колодцы рылись не глубоко, что и исполнила заранѣе прибывшая сюда колонна генераль-маіора Бардовскаго. Отсюда до Аму кто считалъ 50, кто 100 верстъ. Въ одномъ только показаніи сходились, что до самой рѣки на пути не будетъ никакихъ колодцевъ, а потому необходимо было пустить въ ходъ, запасенные еще съ Ташкента, турсуки. Къ сожалѣнію, дорогой они сплюснулись, разохлись, потрескались и, когда налили въ нихъ воду, то многіе оказались негодными.

За послѣднее наше движеніе къ Алты-Кудуку много видѣли мы горя, еще болѣе бѣдствій грозило намъ, но великъ Богъ русскій, все мы остались живы, хотя до Аму все еще не дошли.

Въ ночь съ перваго на второе мая мы тронулись съ позиціи Адамъ-Кылганъ и потащились по глубокому, сыпучему песку, съ твердымъ намѣреніемъ во что бы ни стало одолѣть все препятствія и достигнуть благодатнаго Аму, но человекъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Взшедшее въ тотъ день солнце какъ-то раненко и особенно жестоко стало жечь насъ. Люди, лошади и верблюды сразу страшно утомились и съ великимъ трудомъ передвигали ноги, обливаясь потомъ. Авангардъ, не стѣсняясь обозомъ, значительно растянувшимся сзади, напрягалъ все силы къ движенію впередъ и послѣ безостановочныхъ усилій въ теченіе 10 часовъ сряду проползъ 20 верстъ. Сдѣланъ былъ привалъ въ ожиданіи аріергарда, далеко отставшаго за нами. Группами повалились мы на раскаленную почву и, кое-какъ устроивъ холодки, т. е. развѣсивъ, что было подъ рукою, съ солнечной стороны, тоскливо ожидали, пока подтянутся наши выюки. Былъ третій часъ по полудни, жажда мучила съ утра, во рту пересохло, но ни чая, ни воды на лицо не было! Въ тупомъ одурѣніи, обезсилѣвъ физически, мы молча лежали часъ, два, четыре, а аріергарда еще не было видно. Изрѣдка подходящіе изъ обоза люди передавали намъ сначала неутѣшительныя, а затѣмъ и самыя тревожныя свѣдѣнія объ отчаянномъ положеніи выючнаго обоза, подъ которымъ верблюды

падали сотнями, при чемъ вещи, казенныя и частныя, безмилосердно сожигались на мѣстѣ. Крайняя мѣра эта была объявлена въ приказѣ по отряду еще наканунѣ, но всякій лелѣялъ себя надеждой, что, авось, онъ избѣгнетъ злой участи. Старикъ Колокольцовъ, нетерпѣливо ожидавшій прихода своихъ трехъ верблюдовъ, общалъ намъ, ближайшимъ сосѣдямъ, напоить насъ чаемъ, при чемъ похвалился исправностью своихъ турсуковъ, своевременно смазанныхъ, а потому вполне надежныхъ. Съ завистью слушая его рѣчи, мы предвкушали обѣщанное имъ наслажденіе смочить глотку горячимъ и въ походѣ несравнимымъ ни съ чѣмъ чаемъ, когда наконецъ предсталъ предъ нимъ Жокрисъ его, но не съ тремя, а только съ двумя верблюдами. «Ну, Филать, давай живо чаю!» скомандовалъ ободрившійся полковникъ. «А вода-то, ваше высокоблагородіе?»—загадочно спросилъ слуга. «Давай нашу, дуракъ, шевелись, ну, живо!»—отрѣзалъ баринъ. «У насъ ее нема, ваше высокоблагородіе, вся повытекла въ степу!»... «Какъ, что, почему, злодѣй, варваръ?»—посыпались на Филата грозные допросы... Объясненіе было коротко: одинъ изъ трехъ верблюдовъ Колокольцова зашатался, упалъ и издохъ, а расторопный Филать, обмѣнивъ съ него вьюкъ съ вещами на другаго верблюда, турсуки съ водою, какъ менѣе цѣнныя, по его понятію, бросилъ, предварительно раскроивъ ихъ ножемъ, чтобы цѣлыми врагу не достались. Трагикомическій эпизодъ этотъ, однако, заставилъ насъ соблюдать возможную экономію съ драгоценной влагой, тѣмъ болѣе, что она и такъ безостановочно сочилась изъ плохихъ турсуковъ.

Съ какимъ, о Боже, наслажденіемъ прильнули мы въ тотъ вечеръ къ мутному чаю и, отведавъ имъ душу, въ припадкѣ великодушія, предложили стаканъ этой горячей бурды злополучному Колокольцову. Между тѣмъ, давно миновалъ день, предназначенный для подъема и дальнѣйшаго движенія авангарда, а сигнала къ выступленію все не было. Около ставки начальника отряда мы замѣтили разныхъ киргизъ, изъ числа сопровождавшихъ отрядъ, а, подойдя ближе, услышали скорбныя свѣдѣнія объ аріергардѣ, откуда Головачевъ запиской увѣдомилъ Кауфмана, что верблюды совершенно выбились изъ силъ, что значительная часть вьюковъ и казенныхъ тяжестей имъ уничтожена, а что съ остальными онъ хотя и подвигается, но на столько медленно, что ранѣе ночи не надѣется достигнуть нашей авангардной позиціи. Собственно о водѣ, везомой въ отрядныхъ турсукахъ, мы узнали, что она истекаетъ повсемѣстно, а потому остается ее слишкомъ мало не только на двое сутокъ, но даже на наступающую ночь. Положеніе становилось критическимъ.

До Аму оставалось еще слишкомъ 45—50 верстъ, которыя измученнымъ войскамъ и животнымъ безъ воды перейти было невысказанно, невозможно. Но и оставаться на мѣстѣ отряду оказывалось крайне опаснымъ, надо было предпринять что либо рѣшительное, но

что? Одна надежда виждилась на розыскахъ киргизъ, отправленныхъ во всѣ стороны съ порученіемъ найти воды, безъ которой угрожала намъ общая гибель. Мучительно долго тянулось время. Смеркалось, взопла луна и освѣтила серебристыми лучами жалкую картину разстроеннаго русскаго бивуака, среди унылой, Богомъ забытой степи. Но, вѣтъ, Богъ не оставилъ насъ! Вдали, съ сѣвера, показались въ тѣни силуэты быстро двигающихся къ намъ всадниковъ, послышался топотъ коней ихъ, и черезъ нѣсколько минутъ, утомленные отъ усиленной скачки, два киргиза, соскочивъ съ лошадей, скороговоркой и размахивая руками, бойко стали сообщать что-то очень важное. Подбѣжалъ переводчикъ и объяснилъ Кауфману, что эти молодцы нашли, за одинъ тапъ отсюда, пять отличныхъ колодцевъ, глубокихъ, но не маловодныхъ. Пока командированный съ этими добрыми вѣстниками баронъ Аминовъ дѣлалъ осмотръ указанныхъ колодцевъ, подошелъ, наконецъ, съ аріергардомъ Головачевъ. Жалкій видъ имѣли эти несчастные люди, безъ малаго цѣлыя сутки бившіеся изъ всѣхъ силъ съ обозомъ, подъ палящими лучами солнца, безъ воды, безъ пищи, почти и безъ отдыха. Всякое движеніе впередъ или въ сторону было для нихъ въ ту ночь невозможнымъ; требовался непремѣнно привалъ въ нѣсколько часовъ для восстановленія упавшихъ силъ этихъ героевъ-мучениковъ, а потому, когда присланный джигитъ съ запиской отъ Аминова рѣшилъ вопросъ о доступности колодцевъ, Кауфманъ двинулся туда съ главною квартирой и одною конвойною сотней, приказавъ Головачеву слѣдовать за нимъ съ отрядомъ только послѣ надлежащаго отдохновенія, т. е. раннимъ утромъ. Мы тронулись налегкѣ и часа черезъ полтора ѣзды, подъ прямымъ угломъ отъ нашего пути къ Аму-Дарьѣ, на сѣверъ, по холмистой, изъ сплошныхъ бархановъ, мѣстности достигли наконецъ обѣтованныхъ колодцевъ, носящихъ, какъ оказалось, названіе Алты-Кудукъ. Ту ночь всѣ, кромѣ Кауфмана, которому казаки привезли палатку на сѣдлахъ, провели подъ открытымъ небомъ, почти не смыкая глазъ, въ ожиданіи прибытія обоза. Солнце было уже высоко, когда услышали мы шумъ приближающагося отряда, медленно ползущаго по глубокимъ пескамъ волнистой мѣстности. Скоро, устроившись въ своей юртѣ, я вздохнулъ свободно и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ, но не надолго. Случайно начальникъ инженеровъ, полковникъ Шлейферъ, избралъ мѣстомъ своего горячаго разговора съ капитаномъ Рѣзвымъ стѣны моей юрты и оторвалъ меня отъ сладкихъ сновидѣній къ грустной дѣйствительности. Да, пробужденіе мое было тяжелое, такъ какъ я тутъ невольно услышалъ отчетливое и обстоятельное объясненіе положенія отряда: изъ пяти колодцевъ на Алты-Кудукѣ оказались годными только три, да и въ нихъ воды было такъ мало, что далеко не могло хватить для удовлетворенія всего стянувашагося числа людей и животныхъ всѣхъ эшелоновъ вмѣстѣ. При этомъ капи-

танъ Рѣзвый докладывалъ Шлейферу, что всѣ усилія, предпринятія имъ къ расчисткѣ двухъ засоренныхъ колодцевъ, оказались тщетными и очень опасными, такъ какъ въ одномъ изъ нихъ, на глубинѣ болѣе 20 аршинъ, двое саперъ задохлись отъ спертаго воздуха и на веревкахъ вытащены были бездыханные ихъ трупы. Шлейферъ волновался, спорилъ, и толки между ними еще не скоро прекратились; сонъ мой пропалъ безвозвратно, а въ головѣ зародились тревожныя мысли о дальнѣйшей нашей участи. Въ это время поспѣшно вошелъ ко мнѣ Струве и, усѣвшись на моей кровати, озабоченнымъ и взволнованнымъ тономъ сталъ посвящать меня въ отчаянное положеніе отряда. «Голубчикъ, Владиміръ Алексѣевичъ, ступай къ Кауфману, открой ему глаза на настоящее положеніе наше, ты не повѣришь, какое дѣйствіе на окружающихъ производятъ пропаганды нѣкоторыхъ. Они, какъ лава, расплываются по всему отряду, губительно заражая малодушныхъ и всюду наводя страхъ, уныніе, а главное полное сомнѣніе въ нашемъ спасеніи». На возраженія мои о неумѣстности соваться мнѣ не въ свое дѣло, безъ приглашенія Кауфмана, Струве настойчиво уговаривалъ меня идти непременно и сейчасъ же; но адъютантъ начальника отряда, молодой Колокольниковъ, прервалъ разговоръ нашъ поспѣшнымъ вызовомъ меня къ Константину Петровичу. Я вскочилъ съ постели, живо одѣлся (умываться была роскошь недоступная) и черезъ пять минутъ подходилъ къ палаткѣ Кауфмана.

Константина Петровича засталъ я въ настѣжъ открытой сартовской палаткѣ, задумчиво сидѣвшаго на своемъ *chaise longue*. Глаза его устремлены были въ одну точку, а мысли витали видимо далеко... Я подошелъ къ нему, въ двухъ шагахъ остановился, но онъ меня не замѣтилъ. Страшно измѣнился онъ за послѣдніе дни. Лицо осунулось и сморщилось, морщины на лбу обозначились рѣзкими чертами, а ввалившіеся глаза не горѣли обычнымъ огнемъ, а какъ будто померкли. Узнавъ меня, онъ привѣтливо протянулъ руку и впервые въ три послѣдніе года потоварищески обратился ко мнѣ: «Садись, Владиміръ Алексѣевичъ, и потолкуемъ. Я позвалъ тебя, такъ какъ глубоко цѣню твою боевую опытность и рассчитываю услышать твой взглядъ на настоящее положеніе. Къ четыремъ часамъ я назначилъ собраться военному совѣту».

Съ полною откровенностью рѣшилъ я по этому поводу высказаться передъ старымъ, уважаемымъ товарищемъ и ручался всѣмъ, что есть святого на землѣ, что отъ старшаго генерала до послѣдняго солдата, всѣ поголовно и безропотно исполнять святой долгъ присяги, преодолѣвъ всѣ бѣдствія въ десять разъ сильнѣйшія.

Ровно въ четыре часа собрались приглашенные на военный совѣтъ: наличный генералитетъ, всѣ баталіонные и батарейные командиры, начальники отдѣльныхъ частей и въ числѣ ихъ я. Столпились и кое-какъ размѣстились, кто сидя, кто стоя, а кто и лежа

на коврѣ въ открытой настезѣ палаткѣ главнаго начальника отряда. Кауфманъ, усѣвшись посреди этой живописной группы, открылъ совѣтъ краткою рѣчью, которою выяснилъ настоящее, очень тяжелое положеніе отряда, при неизбѣжномъ условіи двигаться впередъ.

«Главною задачей въ настоящую минуту является у насъ, господа, — добавилъ онъ, — пріисканіе возможныхъ средствъ къ сокращенію потребнаго количества верблюдовъ для подъема необходимыхъ тяжестей; другими словами, я прошу вашего указанія на тѣ предметы нашего сложнаго обоза, безъ которыхъ мы могли бы обойтись въ предстоящемъ наступательномъ движеніи».

Водворилось глубокое молчаніе, никто не рѣшался высказать своего мнѣнія первымъ, какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ, съ самодовольною улыбкой, вѣроятно, менѣе скромной, чѣмъ была она на лицѣ Колумба при открытіи имъ Америки, обратясь къ Кауфману, смѣло отчеканилъ предложеніе бросить и уничтожить запасный товаръ солдатскій. Ободренный этой мыслью, вскочилъ другой его товарищъ и поспѣшилъ высказать свое мнѣніе о пользѣ истребленія, помимо сапогъ, и вторыхъ солдатскихъ рубахъ... На губахъ Кауфмана мелькнула саркастическая улыбка, но онъ сдержался, а же не выдержалъ и поспѣшно спросилъ у обоихъ ревностныхъ отцовъ-командировъ, на сколько подобная утрата можетъ въ общемъ сократить верблюдовъ.

— Да не менѣе, какъ по семи верблюдовъ на каждыя двѣ роты, — былъ отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о сокращеніи сотенъ, если возможно, тысячи верблюдовъ, стѣдуетъ ли бросать солдатское достояніе лишь изъ экономіи 40, что ли, верблюдовъ? По моему разумѣнію, ваше высокопревосходительство, — обращаясь къ Кауфману, горячо заговорилъ я, — слѣдуетъ сжечь и истребить все изъ офицерскаго имуществва, но отнюдь не допускать и постыдной мысли объ уничтоженіи добра солдатскаго, какъ вѣрнѣйшаго средства къ полной деморализаціи войскъ.

Кауфманъ и всѣ его окружавшіе сочувственно отнеслись къ моему возраженію.

— Въ виду дознанной несостоятельности въ военныхъ доблестяхъ непріятели, съ которымъ предстоитъ намъ драться, — вставилъ П., — я предлагаю бросить здѣсь, конечно, не достояніе солдата, а всѣ запасы артиллерійскихъ снарядовъ, чѣмъ и сократится обозъ, по крайней мѣрѣ, на 600 верблюдовъ.

— Да, кстати уже, вмѣстѣ со снарядами бросить здѣсь и орудія, такъ какъ вторыя безъ первыхъ лишняя обуза! — иронически замѣтилъ одинъ изъ батарейныхъ командировъ.

Въ это время Кауфманъ вполголоса заговорилъ съ Головачевымъ.

— Итакъ,—наконецъ громко сказалъ онъ:—вы обѣщаете, Николай Никитичъ, до вечера удовлетворить всѣхъ людей и лошадей, назначенныхъ мною къ дальнѣйшему слѣдованію къ Аму-Дарьѣ. Могу ли я положиться на ваши расчеты?

— Смѣло берусь исполнить приказанія вашего высокопревосходительства,—спокойно, похлопывая себя по животу, отвѣтилъ Головачевъ.—Сейчасъ же я сдѣлаю надлежащія распоряженія, и всѣ люди, лошади будутъ удовлетворены, а турсуки—снабжены водою.

— Въ такомъ случаѣ,—вставая объявилъ Клауфманъ,—извольте всѣ готовиться къ выступленію. Въ 11 часовъ подъемъ, въ половинѣ 12-го—сборъ, а ровно въ полночь—движеніе.

Но опять человѣкъ предполагаетъ, а Богъ...

Сколько бы ни было суждено мнѣ въ книгѣ судебъ маяться еще на бѣломъ свѣтѣ, но впечатлѣнія, испытанныя мною въ наступившіе затѣмъ часы знаменательнаго 3-го мая 1873 года, никогда до мельчайшихъ подробностей не забудутся мною. Они врѣзались не въ одну память, но и въ сердце мое, и пройдутъ многіе годы, а воображенію отчетливо будутъ представляться душу раздирающія картины страданій многихъ несчастныхъ жертвъ, свидѣтелемъ которыхъ пришлось мнѣ быть въ тотъ вечеръ.

Скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Раздача малаго количества наличной воды между всѣми потребителями въ отрядѣ, назначенномъ въ передовой легкой эшелонъ, оказалась на дѣлѣ не только затруднительной, но и просто невозможной. Точное и довольно быстрое распредѣленіе колодцевъ между частями войскъ и штабами, согласно обѣщанію Головачева, было исполнено добросовѣстно, но въ недостатѣ воды не онъ былъ повиненъ...

Когда при наступленіи сумерекъ Козьма мой прибѣжалъ объявить мнѣ, что на назначенномъ для главной квартиры колодцѣ воды не даютъ ни ему, ни людямъ Щербинскаго, мы опрометью бросились отстаивать на мѣстѣ законныя права наши. Добѣжавъ до колодца, мы сразу не могли до него протолкаться. Густая толпа людей сплошною стѣной окружала его, отчаянно защищая къ нему доступъ кого бы ни было. Ни просьбы, ни угрозы, ни ласки—ничто не подвинуло насъ на шагъ къ этому источнику не благъ земныхъ, а мутной жидкости, рѣшающей въ тѣ минуты вопросъ жизни и смерти.

Убѣдившись въ напрасныхъ усиліяхъ, мы съ Щербинскимъ порѣшили на время покориться необходимости выждать, пока отхлынетъ толпа, и отъ нечего дѣлать направили шаги въ сторону, къ коновязи казачьей батареи, съ которой какъ разъ въ это время не вели, а буквально тащили на арканахъ изнуренныхъ артиллерійскихъ лошадей на водопой къ другому, болѣе отдаленному колодцу. Всѣ офицеры батареи сами криками и понуканіемъ стара-

лись содѣйствовать этой сложной операціи, но, не смотря на их хлопоты, очень многія несчастныя клячи, тутъ же падая, издыхали. «Какъ же, однако, повезете вы орудія?»—невольно сорвалось у Щербинскаго.—«Рѣшительно и самъ не знаю!»—отвѣчала старшій офицеръ батареи.—Лошади наши не только не напиваются вдоволь, но пятая сутки не видѣли гарнца ячменя при этой трудности передвиженія, и какимъ образомъ они дотащили сюда орудія, мы и сами не постигаемъ».

Въ эту минуту взлетѣла сигнальная ракета, и во всѣхъ концахъ лагеря раздался бой вечерней зари, прерываемый слабымъ, болѣзненнымъ и унылымъ напѣвомъ въ ротахъ «Отче Нашъ». Сообразивъ, что въ настоящую минуту общей переключки людей отъ нашего колодца, вѣроятно, отступила толпа, мы поспѣшили туда и дѣйствительно на этотъ разъ встрѣтили препятствіе на пути къ колодцу только въ лицѣ лежащихъ людей, на которыхъ, при наступившей темнотѣ, мы натыкались ежеминутно. Не задолго передъ тѣмъ раздававшіеся здѣсь крики, брань и споры внезапно смѣнились глухимъ стономъ и отчаянными жалобами обезсиленныхъ страдальцевъ, тщетно старавшихся ползкомъ дотащиться до благодатнаго колодца. Въ минуту нашего появленія, подъ защитой сильнаго караула, удовлетворяли себя водой штабные топографы, но вскорѣ я убѣдилъ уступить и намъ очередь добыванія спасительной влаги, и съ помощью предложенной мною пятирублевой депозитки расторопному солдатику намъ удалось налить наши турсуки и отправить ихъ восвояси. Но въ это время опять со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться жаждущіе. Не обращая вниманія на то, что у нихъ было подъ ногами, они, на подобіе дикихъ звѣрей, ринулись къ водѣ, немилосердно топча почти безчувственныхъ товарищей. Съ выкатившимися наружу воспаленными глазами, эти злополучные страдальцы, казалось, ничего не видѣли и не соображали. Неистово напирая другъ на друга, они ломились впередъ, все ближе и ближе къ колодцу, а достигавшіе его падали отъ изнеможенія, при физической невозможности достать на свою долю воды, такъ какъ она струилась на глубинѣ 24 аршинъ. Убѣдившись въ своей беспомощности, нѣкоторые съ пронзительнымъ крикомъ стали отбивать выталкиваемые изъ колодца турсуки, что послужило какъ бы сигналомъ къ общей, страшной свалкѣ...

Да нѣтъ! Живыми красками описать, что затѣмъ на нашихъ глазахъ произошло у этого колодца, сознаю, что не имѣю ни силъ, ни мужества. Не знаю, быть можетъ, я самъ отъ переиспытанныхъ въ послѣднее время истязаній слишкомъ раскисъ, расслабъ и раздражился, но на меня впечатлѣнія эти имѣли потрясающее дѣйствіе, и ночью, какъ и днемъ, во снѣ и наяву, я долго не переставалъ бредить и содрогаться отъ нихъ. Впрочемъ, сомнительно, чтобы нашелся человѣкъ здоровый, сильный, даже съ бычачьими нерва-

ми, который былъ бы въ силахъ къ этому равнодушно отнестись, будучи невольнымъ зрителемъ мучительной борьбы насильственной смерти съ угасающею жизнью людей; слышать ихъ стоны, вопли и адскія страданія... Передо мною рельефно и во всѣхъ омерзительныхъ подробностяхъ мелькали обезображенные лица, съ запекшимися губами и высунутыми, несообразно длинными, одеревенѣвшими, черными языками, въ предсмертной агоніи не перестающія еще явственно взывать: воды, воды, воды! Рядомъ съ этими, уже приговоренными жертвами, болѣе сильные, въ припадкѣ изступленія, бросались другъ на друга, царапались, грызлись и кусались, бессознательно надѣясь утолить свою жажду...

Всѣ старанія наши по мѣрѣ возможности водворить порядокъ и учредить очередь добыванія воды оказались здѣсь совершенно пока безуспѣшными. Въ возбужденномъ до сумасшествія настроеніи толпа людей этихъ не могла уже подчиниться ни дисциплинѣ, ни разсудку и, забывъ все на свѣтѣ, ради глотка воды, лѣзла на кулаки и зубы сосѣдей, на штыки отбивающагося у колодца караула.

Съ пробитія вечерней зари прошло около двухъ часовъ, времени до назначеннаго выступленія оставалось не много, а потому, потерявъ всякую надежду отвратить хоть частицу этого бѣдствія, ускоривъ добываніе этой по каплямъ струившейся на днѣ колодца влаги, мы съ сокрушеннымъ сердцемъ рѣшились сами оттуда выбраться и послѣ многихъ усилій, просьбъ и угрозъ протолкались черезъ эту живую изгородь у злополучнаго колодца и вздохнули наконецъ на свободѣ. Ночь была тихая, но очень темная. Ориентируясь огоньками въ палаткахъ, мы прямикомъ направились къ нашему bivуаку, но на полпути Щербинскій, проходя мимо палатки Фриде, зашелъ къ нему, а я одинъ пошелъ далѣе. Приближаясь къ своей джаломейкѣ, я услыхалъ, что кто-то зоветъ меня. Я прислушался и узналъ голосъ Т.

— Я давно ищу васъ, Владиміръ Алексѣевичъ, и пришелъ не по секретному дѣлу, а по общему, близко касающемуся всего отряда. Сегодня утромъ вы были у командующаго войсками, движеніе впередъ было рѣшено и на военномъ совѣтѣ, ну, а теперь вы тоже того же мнѣнія?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, въ настоящую минуту я совершенно противоположнаго. Обстоятельства измѣнились, и если позволите высказать мое мнѣніе, я считаю сейчасъ движеніе впередъ совершенно невозможнымъ.

— А знаете ли вы въ точности положеніе отряда?—продолжалъ Т.—Выслушайте, что я сообщу вамъ.

— Позвольте, генераль—перебилъ я,—полчаса назадъ Щербинскому и мнѣ пришлось видѣть то, отчего волосъ дыбомъ встанетъ.

И вслѣдъ за тѣмъ вкратцѣ я описалъ ему всѣ ужасы, которымъ былъ свидѣтелемъ.

— Мнѣ кажется, — заключилъ я, — что войскамъ отступать нельзя ни на шагъ, этого требуетъ поддержка нравственнаго духа не только нашего, но и вліянія на непріятеля. Начальникъ отряда, генераль Кауфманъ, мнѣ самъ говорилъ сегодня о своемъ намѣреніи только съ 8-ю ротами идти впередъ, а остальные оставить на время здѣсь въ прикрытіе излишнихъ съ нами тяжестей. Въ 20 приблизительно верстахъ находятся пройденные нами Адамъ-Крылганскіе колодцы, не глубокіе, но обильные водою; слѣдовало бы отмѣнить всякое теперь движеніе впередъ, а предназначенныя остаться здѣсь роты сейчасъ же отправить обратно въ Адамъ-Крылганъ, какъ прикрытіе всѣхъ наличныхъ въ отрядѣ животныхъ, всѣхъ лошадей нашихъ, всей кавалеріи и артиллеріи. Отрядъ же, въ составѣ 8-ми ротъ пѣхоты, со всѣми тяжестями и складами пусть остается здѣсь на мѣстѣ, а на верблюдахъ и лошадяхъ отправлены должны быть въ Адамъ-Крылганъ всѣ турсуки и вся пустая посуда для воды. Такимъ образомъ, *de facto*, отрядъ нашъ, не отступая ни на шагъ, отдохнетъ здѣсь и оправится, а части, назначенныя въ прикрытіе животныхъ, сами по себѣ требующихъ не сравненно большаго количества поила, чѣмъ люди, черезъ три, четыре дня, напоивъ всѣхъ вдоволь поголовно и наполнивъ свѣжею водою всю нашу посуду, вернутся къ намъ не только съ водою, но и съ провіантомъ, который долженъ подойти къ этому времени съ колонной Гринвальда. Сухарей у насъ теперь съ натяжкой на три дня. Впереди же навѣрняка рассчитывать на продовольственныя средства мѣстныхъ жителей, по меньшей мѣрѣ, рискованно; отъ артиллеріи же въ случаѣ боя потребовалась бы также еще и извѣстная подвижность, чтобы она дотащила орудія до непріятельской позиціи, немислимая въ сущности до полученія ячменя, который также явиться долженъ вмѣстѣ съ сухарями. Конечно, тѣла орудій, ящики, лафеты и проч. пусть останутся здѣсь на мѣстѣ, а туда отправятся одни коноводы. Здѣсь же, стянувъ оставшійся отрядъ на болѣе тѣсный бивуакъ, учредить на колодцахъ правильную раздачу воды, которой, при наблюденіи дежурныхъ, хотя бы нашей братіи, состоящихъ при главной квартирѣ, должно хватить на всѣхъ людей лагеря.

Т. съ искреннимъ увлеченіемъ обнялъ меня и отправился къ командиру отряда.

Когда вопросъ о немедленномъ отправленіи части отряда, подъ командой генерала Бардовскаго, былъ рѣшенъ окончательно, мы тотчасъ же снарядили всѣ наши перевозочныя средства для слѣдованія съ пустою посудиною на Адамъ-Крылганъ, и въ минуту выступленія этой колонны сейчасъ же занялись распредѣленіемъ колодцевъ и раздачей воды, чтò, благодаря Бога, удалось сдѣлать правильно и въ удовлетворительномъ размѣрѣ.

9-го мая, какъ ожидали, такъ и пришли обратно на Алты-Кудукъ колонна Бардовскаго, провіантъ и весь транспортъ Гринвальда, а также водяные наши запасы. Радостно привѣтствуя ихъ появленіе, мы стали собираться къ выступленію, назначенному въ тотъ же день, въ 5 часовъ по полудни. Почевали мы на 10-е число въ степи, никѣмъ не тревожимые, а съ разсвѣтомъ потянулись далѣе, пока полуденная жара не вынудила остановиться на привалѣ. Отдохнувъ часа два, мы опять запагали впередъ и, поднявшись на отлогій кряжъ, увидѣли на горизонтѣ три высокихъ и остроконечныхъ бархана. «Это Учъ-Учакъ!»—возвѣстилъ переводчикъ. Кауфманъ сейчасъ же разослалъ всѣхъ насъ по частямъ войскъ, поздравить ихъ съ достиженіемъ обѣтованнаго Учъ-Учака, стоявшаго преддверіемъ къ оазисамъ въ въ двухъ верстахъ отъ Аму-Дарьи. Дружное, по истинѣ восторженное солдатское «ура» со всѣхъ концовъ движущагося отряда потрясло воздухъ. На глазахъ многихъ я замѣтилъ слезы, обильно катившіяся по загорѣлымъ, дочерна обожженнымъ солнцемъ щекамъ такъ много перестрадавшихъ воиновъ-мучениковъ. Минута эта была высоко-торжественная и глубоко-трогательная, и было отчего.

Вскорѣ затѣмъ вдали показались непріятельскіе пикеты и густыя толпы всадниковъ. Перестроившись въ боевой порядокъ, мы продолжали наступленіе стройно, бодро и какъ-то особенно торжественно. Всѣ воскресли духомъ, прониклись вѣрой въ близость достиженія цѣли и въ окончаніе невѣроятныхъ, испытанныхъ мученій.

Быль шестой часъ по полудни, когда въ виду зорко слѣдящаго за нашимъ движеніемъ непріятели мы на ночлегъ заняли боевую позицію на возвышенности, съ которой открылся намъ видъ на темно-синюю, широкой лентой извивающуюся, Аму-Дарью. Враги стояли передъ нами въ одной верстѣ, самые отважные джигитовали ближе. Началась перестрѣлка, но слишкомъ неровная. Хивинцы, вооруженные винтовками стараго образца, изъ которыхъ пули летѣли на 120, много 150 шаговъ, не смѣли, конечно, соваться къ стрѣлкамъ, сильно и мѣтко сражавшимъ всадниковъ съ коней ихъ на 300 — 350 сажень. Возможна ли была борьба при такихъ условіяхъ? Въ нѣсколько минутъ неравнаго этого состязанія непріятель на глазахъ всего отряда потерялъ трехъ человекъ убитыми и до восьми ранеными и благоразумно сталъ держаться на благо-родной отъ насъ дистанціи.

Съ наступленіемъ темноты во вражьемъ станѣ запылали костры на очень большомъ протяженіи и перестрѣлка въ цѣпи завязалась снова. Всю ночь трескотня не прекращалась, но въ сущности все дѣло ограничилось ружейнымъ огнемъ передовыхъ отъ отряда пикетовъ и два раза въ секретахъ, нагнавшихъ наконецъ страхъ на джигитовъ, дерзнувшихъ подъ прикрытіемъ темноты, слишкомъ

близко подкрадываться къ дѣпи. Въ большинствѣ всѣ они дорого заплатились за свою отвагу, такъ какъ по утру ихъ тѣлъ подбрано было вокругъ лагеря болѣе двѣнадцати. Всю эту ночь напролетъ я не смыкалъ глазъ и, обойдя весь лагерь, для передачи словеснаго приказанія Кауфмана, чтобы войска, за исключеніемъ дежурныхъ частей на случай тревоги, не выходили въ ружье, а спокойно отдыхали, — имѣлъ не разъ случай, съ возвышенныхъ пунктовъ позиціи нашей, любоваться очень эффектнымъ зрѣлищемъ великолѣпной иллюминаціи. Количество и размѣры ярко пылающихъ костровъ все увеличивались, и огибая нашъ лагерь, костры почти охватывали его сплошнымъ кругомъ. Очевидно было, что непріятель прибывалъ и въ самомъ дѣлѣ намѣренъ былъ драться. Воображеніе мое рисовало живыя картины завтрашняго боя и, возбуждая нервы, лишало всякаго влеченія ко сну. Да не я одинъ, а многіе въ ту ночь не сомкнули глазъ, ожидая кровавой развязки, увы, не оправдавшей надеждъ нашихъ... За часъ до разсвѣта раздался сигналъ подъема, а съ первымъ мерцаніемъ утренней зари весь отрядъ зашевелился и воинственно сталъ наступать на врага, какъ казалось намъ, стойко выжидавашаго нашего приближенія. Издали полчища эти, по многочисленности своей, имѣли грозный видъ, внушающій если не страхъ, то уваженіе, но когда мы подошли ближе, разочарованіе воспослѣдовало полное.

Правда, хивинцы съ визгомъ и громкимъ крикомъ: уръ, уръ, уръ, большими массами бросались на насъ, но такъ нерѣшительно и робко, что огонь нашъ быстро обратилъ ихъ въ бѣгство. Въ безпорядкѣ отступали хивинцы вплоть до озера, близъ Учъ-Учака, не рѣшаясь нигдѣ дать намъ серьезнаго отпора, а здѣсь послѣ двухъ удачно разорвавшихся гранатъ нашихъ, среди столпившейся массы, они въ паникѣ разсѣялись окончательно. Кауфманъ отдалъ приказаніе подполковнику Главацкому вести кавалерію въ атаку, а мнѣ принять командованіе надъ пѣхотой, предназначенной къ штурму непріятельскихъ твердынь, на самомъ берегу рѣки. Начальникъ нашей кавалеріи, видя передъ собой за полъ-версты бѣгущаго непріятели, бросился за нимъ въ атаку. Достигнувъ берега, хивинцы сѣли въ приготовленные каюки и бросились наутекъ, на противоположный берегъ. Трофеями остался одинъ непріятельскій каюкъ, при быстротѣ отступленія непріятели сѣвшій на мель недалеко отъ берега. Графъ Бергъ очень удачно стрѣлялъ по немъ изъ штуцера, но нѣсколько человекъ хивинцевъ, составлявшихъ экипажъ этого судна, легли на дно его, всячески стараясь при томъ спихнуть его въ глубь. Подѣхавшій съ остальнымъ отрядомъ Кауфманъ разрѣшилъ охотникамъ уральскихъ казаковъ вплавъ подобраться къ каюку, и когда 10 молодцовъ, съ хорунжимъ Каменецимъ во главѣ, въ костюмахъ Адама, подплыли къ нему, семь хивинцевъ бросились въ воду, но при страшной быстротѣ и глубинѣ ея на

глазахъ нашихъ утонули. Казаки нашли на каюкѣ много разнаго имущества и до 30 головъ скота, очень цѣннаго при настоящей всеобщей голодухѣ.

Выпавшее же на мою долю лестное порученіе штурмовать непріятельскія твердыни потерпѣло фіаско, такъ какъ обнаружилось, что всѣ грозныя фортификаціонныя работы хивинцевъ заключались въ шалапахъ изъ прутьевъ, постыдно ими брошенныхъ.

Какъ бы то ни было, а рѣка шумѣла, ревѣла, и волны хлестали у самыхъ нашихъ палатокъ. И это не сонъ: теперь мы не можемъ умереть уже отъ жажды. Заколдованная, такъ долго не дававшаяся намъ рѣка наконецъ была въ рукахъ нашихъ, и мы твердою ногой стали на правомъ берегу этой широкой, быстрой и величественной Аму-Дарьи!

Нѣсколько приподнятое настроеніе появилось у насъ въ тотъ вечеръ 12 мая, когда при быстромъ переходѣ отъ бѣдственной обстановки въ Алты-Кудукъ мы увидѣли себя въ чудную, лунную ночь среди богатой растительности оазиса, на берегу бушующей рѣки. Раздобывъ лодку, нѣсколько человекъ молодежи, съ Колокольцовымъ-сыномъ, нашимъ походнымъ трубадуромъ, отправились на середину рѣки; мы же, расположившись на коврахъ у самой воды, внезапно поражены были давно не слышанными, почти забытыми звуками хоровой всегда дорогой русскому сердцу пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Мы обратились въ слухъ и вниманіе. Изъ туманной дали поднималось судно вверхъ по теченію и, рѣзко разсѣкая волны, несло мимо насъ по широкому простору рѣки, фантастически отразившей въ водахъ своихъ дивныя лучи красавицы луны. Пѣсня смолкла, но черезъ нѣсколько минутъ раздалась другая, на этотъ разъ исполненная на *cornet à piston* Колокольцовымъ: «Штендхенъ» Шуберта, мелодично и звучно, конечно, впервые со дня своего существованія огласила прелестный мотивъ свой въ этой дикой мѣстности, какъ будто жадно поглощающей незнакомые ей звуки, полные поэзіи и высокаго чувства мечтательности...

Послѣ долгихъ дней скорбной прозы, неотступно преслѣдовавшей насъ почти три мѣсяца сряду, «Штендхенъ» расшевелила ретивое и вызвала умиленіе и восторгъ. Знать, не на шутку натянула нервы намъ песчаная степь горемычная.

Выступленіе наше съ позиціи на другой день оттянулось до времени послѣ обѣда, по случаю отправленія нарочнаго въ Ташкентъ для донесенія на высочайшее имя о счастливомъ достиженіи туркестанскимъ отрядомъ Аму-Дарьи, равносильномъ занятію предмѣстья заколдованной Хивы. Опять зашагали мы, но при ивыхъ условіяхъ, не по сыпучему песку, а по культурной мѣстности, не по мертвящей, безъ всякихъ признаковъ живой твари, уныніе наводящей пустынь, а по обработаннымъ полямъ, фруктовымъ садамъ

и живописно-разбросаннымъ селеніямъ, хотя и покинутымъ пока жителями. Всѣ эти впечатлѣнія вызвали въ насъ отрадное расположеніе духа, поддержанное надеждами, что все должно измѣниться къ лучшему.

Подвигаясь все внизъ по рѣкѣ, мы пришли въ бывшее когда-то укрѣпленіе Акъ-Камышъ, рассчитывая въ тотъ же день занять городъ Шуруханъ, откуда предполагалась переправа на лѣвый берегъ, въ 60-ти верстахъ отъ Хивы. Но не такъ все осуществилось на дѣлѣ.

Только что разбили мы лагерь и всѣ повалились отъ зноя и сдѣланнаго нами 25-ти-верстнаго перехода отдохнуть въ палаткахъ, какъ насъ внезапно подняло приказаніе сопровождать начальника отряда на рекогносцировку. Нашъ бивуакъ на этотъ разъ былъ верстахъ въ восьми отъ Аму-Дарьи въ сторону, на большомъ арыкѣ, орошающемъ обработанную землю. Сюда-то прискакали съ берега доложить начальству о появленіи непріятеля по ту сторону рѣки, а такъ какъ русломъ ея ожидалось движеніе внизъ по теченію нашей маленькой, у непріятеля же взятой флотиліи (3 лодки и 1 баржа), то мы и пустились нарысаяхъ съ двумя сотнями казаковъ высмотрѣть настоящее мѣстоположеніе, а равно и силы непріятеля. Что же представилось издали глазамъ нашимъ? На томъ берегу Аму-Дарьи, не менѣе 600 сажень ширины, укрѣпленный лагерь и въ немъ масса шевелящагося люда, зорко слѣдящаго за нашимъ движеніемъ. Какъ только на одной съ нимъ высотѣ мы подѣхали къ самому берегу, хивинцы открыли по намъ огонь изъ шести орудій. Стрѣляли они отлично мѣтко. Ни одно ядро не легло иначе, какъ среди насъ, но къ необычайному благополучію изъ 46 выпущенныхъ снарядовъ два только убили казачьихъ лошадей, а одно ядро, очень близко шлепнувшись около доктора Морева, испугало его коня, сбросившаго сѣдока на землю. Не имѣя съ собой артиллеріи, а потому представляя собою лишь безобидную мишень для непріятеля, мы шагомъ отошли изъ сферы дѣйствія хивинскихъ орудій, что, конечно, было наивно истолковано ими за громкую надъ нами побѣду. Въ лагерь ихъ раздались торжествующіе возгласы и неистово пронзительные звуки побѣдной трубы. Мой ходжентскій маленький сѣрый, незнакомый со свистомъ снарядовъ, дѣлалъ неистовыя ланцады, почему я на нѣсколько минутъ лишнихъ проманежилъ его подъ выстрѣлами, а потомъ рысью нагналъ главную квартиру. Почтенному же нашему начальнику туркестанскаго отряда, Н. Н. Головачеву, Кауфманъ предоставилъ затѣмъ съ отдѣльною колонной артиллерійскій бой противъ укрѣпленной по ту сторону рѣки позиціи непріятельской. Съ 7-ми часовъ утра на слѣдующій день раздавалась на Аму-Дарьѣ сильная канонада и такъ близко отъ насъ, что Константинъ Петровичъ не выдержалъ и отдалъ приказаніе всей свитѣ сопровождать его на поле сраже-

ніа. Къ сожалѣнію, когда въ первомъ часу по полудни мы явились на мѣсто сраженія, Николай Никитичъ ужъ покончилъ съ хивинцами. Артиллерійскіе снаряды наши быстро выбили этихъ героевъ изъ ихъ мнимыхъ твердынь, и они, бросивъ крѣпость и орудія свои, пошли наутекъ. Жаль, что подъ рукой у насъ не было тогда перевозочныхъ средствъ для переправы, можно было бы свободно и безъ потерь завладѣть ихъ имуществомъ, оставленнымъ въ паникѣ на произволъ судьбы. Вновь созданная же флотилія наша подошла только вечеромъ, но слишкомъ поздно. Но каковы молодцы моряки наши, только три дня, какъ переименованные во флотъ изъ стрѣлковыхъ ротъ. Они явились не на 4-хъ, а на 16-ти судахъ, отбивъ у непріятели съ обоихъ береговъ 12 баркасовъ, которые теперь вмѣстѣ съ захваченными здѣсь составили флотилію въ 19 штукъ. Въ лагерь же явились и представители всѣхъ сословій изъ города Шурахана, а съ ними вмѣстѣ подвезли оттуда разные съѣстные припасы. Пора, а то просто смерть! Послѣдніе дни не только у войскъ, то-есть у солдатъ, но у насъ, у всѣхъ офицеровъ, не было ничего. Мясо, сухари, ячмень, чай, сахаръ—все кончилось. Кауфманъ ужъ двѣ недѣли никого не кормилъ и голодалъ самъ, какъ и всѣ мы.

Дня черезъ три мы отошли отъ Акъ-Камыша всего на пять верстъ. Не много же,—подумаешь каждый не знающій, что въ числѣ этихъ верстъ мы совершили великій подвигъ переправы на хивинскій берегъ. Напротивъ брошенныхъ хивинцами укрѣпленій, не смотря на ширину рѣки (до 600 сажень), стянулся весь отрядъ, такъ какъ всѣ мы логически полагали, что именно тутъ-то въ виду бывшаго непріятельскаго лагеря и должно было быть самое удобное мѣсто. И дѣйствительно во многихъ мѣстахъ рѣки оказались отмели, и при широкомъ на этомъ пунктѣ разливѣ и сама глубина Аму была не такъ велика, какъ ниже, при суженіи ея между крутыми берегами. Не смотря на эти выгодныя условія, по причинѣ быстроты и той же широты рѣки, переправа производилась очень медленно. Главная задача состояла въ переправѣ верблюдовъ, изъ которыхъ многіе погибли въ быстрыхъ волнахъ Аму.

21 мая въ числѣ другихъ присутствовалъ я по обязанностямъ службы при церемоніалѣ навѣшиванія знаковъ отличія военнаго ордена на успѣвшихъ у насъ отличиться. Кауфманъ собственноручно возлагалъ кресты на выстроенныхъ нижнихъ чиновъ, причемъ уже вторые навѣсилъ на двухъ выдающихся ихъ прошлымъ: первый Квитницкій, второй Зубовъ. Оба они разжалованы были въ рядовые передъ самымъ хивинскимъ походомъ и оба были назначены къ участию въ немъ. Объ исторіи Квитницкаго такъ много говорили и даже писали, что мнѣ заносить о немъ въ запискахъ ничего не приходится. О Зубовѣ же, бывшемъ лейтенантѣ, хроника гласила,

что онъ въ припадкѣ негодованія противъ старшаго офицера судна нанесъ ему личное оскорбленіе дѣйствіемъ, за что былъ преданъ суду и разжалованъ въ рядовые. Что касается до правъ на полученіе знаковъ отличія, то Зубовъ въ это короткое время успѣлъ блистательно оправдать и на дѣлѣ выказать не одно мужество, но и образцовую энергію и распорядительность при захватѣ съ боя непріятельскихъ баркасовъ, безусловно выручившихъ отрядъ, при сложной переправѣ войскъ черезъ Аму-Дарью. При этомъ несправедливо было бы не выставить того обстоятельства, что весь экипажъ подчиненной Зубову эскадры, надняхъ сформированный изъ строевыхъ солдатъ стрѣлковой роты, доказалъ въ эти дни, что русскій человѣкъ въ какомъ бы мундирѣ ни былъ, но подъ руководствомъ браваго начальника готовъ въ огонь и воду...

Оренбургскій отрядъ, по свѣдѣніямъ, недавно полученнымъ изъ Кунграда, соединился съ однимъ изъ кавказскихъ отрядовъ и находился не далеко отъ Хивы, на пути обративъ въ бѣгство непріятели. Въ 15 верстахъ отъ насъ, въ крѣпости Хазарапсѣ, хивинцы бросили все имущество, даже орудія, снаряды, провіантъ и всѣ запасы.

Между тѣмъ, ходившій въ лѣсъ съ своей колонной на фуражировку, полковникъ Чайковскій встрѣтился тамъ съ большими скопищами непріятели, который, съ цѣлью лишить насъ продовольственныхъ средствъ, добываемыхъ нами отъ сосѣднихъ мирныхъ жителей, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ конныхъ въ партіи, подошелъ къ ближайшимъ отъ насъ селеніямъ ночью и, принудивъ ихъ подняться со всѣмъ имуществомъ, наткнулся, прикрывая ихъ переселеніе, на колонну фуражировъ. Завязалась сначала ружейная перестрѣлка, но когда хивинцы вытянулись изъ лѣса на открытую плоскость, то раздались выстрѣлы изъ ихъ двухъ орудій, на которые не замедлилъ отвѣчать нашъ взводъ казачьей батареи.

Непріятель при всей поспѣшности не могъ скоро уходить по причинѣ связывавшаго его движеніе громаднаго транспорта съ домашнимъ скарбомъ, женщинами, стариками, дѣтьми и всякими животными. Всѣ и все кричало, шумѣло, галдѣло и ревѣло до безобразія, тѣснясь и толкая другъ друга. Смятеніе было общее. Препроводивъ въ лагерь раненаго въ первой стычкѣ штабсъ-капитана Скворцова, Чайковскій на словахъ донесъ о своемъ движеніи, требуя поддержки, вслѣдствіе чего Кауфманъ выслалъ къ нему двѣ роты стрѣлковъ. Непріятель бѣжалъ и здѣсь. Въ тотъ же вечеръ состоялся приказъ по отряду о выступленіи его въ 7 часовъ утра на крѣпость Хазарапсѣ, а авангарду изъ трехъ стрѣлковыхъ и двухъ линейныхъ ротъ, подъ моею командой, выступить въ 5 часовъ утра. Я мечталъ встрѣтить сильный отпоръ непріятели, но горько ошибся въ ожиданіяхъ. Послѣ 4—5 ружейныхъ выстрѣ-

ловъ какихъ-то байгушей со стѣны крѣпости, она безъ боя была занята мною, а весь гарнизонъ, оставивъ намъ семь орудій, въ другія ворота бѣжалъ во всѣ ноги. Пороха, свинца, провіанта и прочаго имущества досталась намъ бездна, цѣною одного солдата, легко раненаго. Простоявъ сутки въ Хазарапсѣ, мы съ подошедшимъ сюда остальнымъ отрядомъ вернулись обратнымъ путемъ и стали лагеремъ между крѣпостью и Аму-Дарьей. Комендантомъ же съ небольшимъ нашимъ гарнизономъ, оставленъ былъ въ Хазарапсѣ подполковникъ Принцъ.

При возвращеніи оттуда, насъ сильно поразили слѣдующій несчастный случай: полковникъ Веймарнъ, командиръ 2-го стрѣлковаго батальона, пожалѣвъ собственную свою лошадь, изъ Хазарапса отправился верхомъ на фуштатской клячѣ. Она чего-то испугалась, шарахнулась въ сторону и со всего размаха ударила сѣдока объ уголъ сакли, но такъ несчастно-жестоко, что сломала и вонзила ему внутрь два ребра. Злополучный Веймарнъ нѣсколько часовъ мучился страшно и на слѣдующій день на рукахъ своего друга Буллера (адъютанта стрѣлковой бригады) отдалъ Богу душу. Вотъ, подумаешь, было изъ за-чего черезъ всю степь ломать походъ, чтобы сломать себѣ бока, въ 40 верстахъ отъ достиженія цѣли!... Царство ему небесное!

30-го мая. Хива.

Заголовокъ этотъ краснорѣчиво подтверждаетъ солдатское выраженіе: «хоть рыло въ крови, а наша взяла». Она, эта заколдованная, легендарная Хива, ровно три мѣсяца составлявшая цѣль, задачу, даже мечту нѣсколькихъ тысячъ людей, наконецъ-то пала передъ російскимъ оружіемъ.

Еще въ бытность нашу на Аму-Дарьѣ начались дипломатическіе переговоры хана хивинскаго съ Кауфманомъ черезъ посланника, двое сутокъ тайнственно шептавшася съ Струве и начальникомъ отряда. Я даже сутками ранѣе переправился черезъ Аму, такъ какъ Константинъ Петровичъ поручилъ мнѣ означеннаго посла хивинскаго сопровождать, ограждать и выпроводить за цѣпь нашу въ обратный путь къ его властелину. Затѣмъ на стоянку нашу въ окрестностяхъ Хазарапса являлись новыя изъ Хивы личности, но опять съ секретными для насъ грѣшными порученіями. Сношенія съ начальникомъ оренбургскаго отряда, генераломъ Вережкинымъ, за послѣдній періодъ похода установились правильныя, и Кауфманъ, зная изъ его донесеній о соединеніи отряда оренбургскаго съ кавказскимъ генерала-маіора Ломакина и совокупнаго ихъ наступленія на Хиву со стороны Кунграда,—предписалъ имъ остановиться въ 25-ти верстахъ отъ Хивы, въ м. Ханкахъ съ тѣмъ, чтобы одновременно съ нашимъ туркестанскимъ отрядомъ подойти къ Хивѣ съ разныхъ сторонъ и занять ее общими силами. Кауфманъ, согласно происходившимъ переговорамъ съ пред-

ставителемъ высшей въ Хивѣ власти, былъ заранѣе твердо убѣжденъ, что при занятіи ея никакого сопротивленія не воспослѣдуетъ. И вотъ, двигаясь къ ней, мы слышимъ вдругъ усиленную канонаду по направленію къ Хивѣ. Идти сейчасъ самымъ было поздно, такъ какъ наступилъ уже вечеръ; разъясненіе же не замедлило явиться къ намъ въ лицѣ нѣсколькихъ растрепанныхъ посланцевъ изъ Хивы. Съ ужасомъ они передали, что русскій отрядъ подступилъ подъ самыя стѣны ихъ города и безмилосердно изъ большихъ пушекъ сталъ громить священную столицу, заставивъ тѣмъ войска ханскія (вопреки договора сдать городъ безъ выстрѣла) сдѣлать отчаянную противъ русскихъ вылазку, а самого высокостепеннаго хана, въ сопровожденіи своей гвардіи изъ храбрѣйшихъ трехсотъ туркменъ, бѣжать изъ своей резиденціи въ степи...

До 10-ти часовъ вечера доносились къ намъ артиллерійскіе выстрѣлы, неимоверно насъ дразнившіе, но вотъ послѣдовало приказаніе выступать отряду съ разсвѣтомъ, и это распоряженіе угостило, наконецъ, расходившуюся публику.

До утренней зари отрядъ нашъ поднялся на ноги и усердно зашагалъ по дорогѣ къ Хивѣ. Казалось, всѣ до послѣдняго солдата рвались скорѣй на крыльяхъ летѣть впередъ. Но вотъ впереди насъ поднялся густой столбъ пыли, сквозь которую мы вскорѣ различили щегольскую конницу, въ почтительномъ разстояніи остановившуюся при нашемъ приближеніи. То были дядя и племянникъ хивинскаго хана, выѣхавшіе на встрѣчу привѣтствовать главнаго начальника русскихъ отрядовъ, а за ними слѣдовалъ почетный конвой, болѣе чѣмъ въ сто всадниковъ. Начались приторныя, въ азіатскомъ вкусѣ, любезности и цвѣтистыя фразы и увѣренія въ преданности, высокопочтенія и проч. Вся процедура эта заняла не мало времени, но, слава Богу, раздалась команда: «маршъ». Прошли версты три, видимъ—скачетъ къ намъ всадникъ, всматриваемся и узнаемъ, кого же?—Глуховского, генеральнаго штаба полковника, состоящаго при Кауфманѣ, но запоздавашаго изъ Петербурга въ нашъ отрядъ, а потому и примкнувшаго къ оренбургскому. Глуховской, явившись къ своему прямому начальству, успѣшилъ доложить его высокопревосходительству, что на встрѣчу къ нему выступилъ сводный отрядъ изъ частей оренбургскихъ и кавказскихъ войскъ, ожидающій прибытія его не вдалекѣ, за холмистымъ кряжемъ. Выслушавъ докладъ, Кауфманъ прибавилъ хода лошади и направился къ возвышенности, съ которой и увидѣли мы, выстроенный вдоль дороги, отрядъ, сразу изумившій насъ, замарашекъ, своимъ блестящимъ видомъ. Такого контраста между войсками трудно было вообразить себѣ. Мы—запыленные и загрязненные, въ кителяхъ, цвѣта вовсе не похожаго на бѣлый, оборванные и облинялые, безъ цѣльной обуви на ногахъ и всякой кожи на лицахъ; а они—выхоленные, чистенькіе, въ мундирахъ съ иголки, въ блестящей парадной формѣ.

На правомъ флангѣ развернутаго вдоль дороги фронта стоялъ дивизионъ конно-иррегулярнаго Дагестанскаго полка, имѣя передъ собою командира полка, стараго пріятеля моего, Дмитрія Теръ-Асатурова, а въ первыхъ рядахъ гусара германской арміи, гвардейскаго императора Вильгельма полка поручика Штума, рельефно выдающагося своею красивой и богатой формой. Рядомъ съ дивизиономъ дагестанскихъ наѣздниковъ стояли сотни молодцовъ линейцевъ, кизлярско-гребенскихъ и горско-моздокскихъ казаковъ, затѣмъ батальоны Ширванскаго, Самурскаго и Апшеронскаго полковъ и линейные Оренбургскаго округа съ артиллеріей полевой и казачьей оренбургскаго войска. Но здѣсь вышли не въ полномъ составѣ оба отряда, а часть ихъ подъ командой полковника Саранчева¹⁾. Прочія же войска оставлены были при генералѣ Веревкинѣ, накануне раненомъ и теперь лежащемъ въ лагерѣ всего въ пяти верстахъ отъ Хивы. Пока командующій отрядомъ медленно объѣзжалъ ряды и благодарилъ почти каждую роту за честно исполненный долгъ присяги, мы успѣли узнать всѣ подробности дѣла, бывшаго накануне подъ стѣнами Хивы. Оказалось, что дѣйствительно Веревкинъ 28-го миновалъ Ханки и, не останавливаясь, подошелъ къ Хивѣ и сталъ громить городъ артиллерійскимъ огнемъ. Гарнизонъ сначала растерялся, и самъ ханъ обратился въ бѣгство, но затѣмъ оправился и сдѣлалъ съ своей стороны вылазку противъ атакующихъ. Загорѣлся сильный бой, при чемъ ширванцы и апшеронцы ходили нѣсколько разъ въ штыки и захватили два неприятельскихъ орудія, но понесли значительныя потери убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ: обоихъ своихъ батальонныхъ командировъ, многихъ офицеровъ, адъютанта намѣстника Алиханова и въ концѣ концовъ и самого начальника отряда Веревкина, сбитаго съ коня пулею въ щеку. Это-то послѣднее обстоятельство и было причиною прекращенія сраженія, которое несомнѣнно иначе кончилось бы накануне нашего прихода окончательнымъ взятіемъ Хивы. Грѣшно радоваться чужому несчастью, но въ данномъ случаѣ намъ было слишкомъ не легко уступить имъ всѣ лавры побѣды послѣ столькихъ понесенныхъ невгодъ и лишеній...

Послѣ краткаго отдыха мы двинулись, наконецъ, къ Хивѣ. На дорогѣ встрѣтили насъ посланные изъ города и представили Кауфману ключи отъ городскихъ воротъ, при чемъ, сильно размахивая руками, пояснили, что «опять урусъ много стрѣлялъ въ ихъ столицу».

Часа черезъ полтора хода мы подошли наконецъ и собственными очами узрѣли великую и славную столицу ханства Хивинскаго, издали не лишенную нѣкоторой живописности и даже внушительности, а вблизи оказавшейся фотографическимъ снимкомъ

¹⁾ Начальникъ штаба оренбургскаго отряда и старшій послѣ Веревкина.

со всѣхъ городовъ Средней Азіи, не лучше Ташкента, Ходжента, а тѣмъ болѣе Самарканда. Какъ бы то ни было, но передъ нами отворились врата, и мы совершили черезъ нихъ въездъ въ покоренную Хиву съ подобающей торжественностью, при оглушительныхъ звукахъ барабановъ, музыки и неумолкаемыхъ крикахъ «ура». Только въ самомъ центрѣ города, на площади, противъ дворца ханскаго, остановилось движеніе войскъ, а Кауфманъ со свитой расположился на террасѣ ханскаго дворца для принятія поздравленій съ совершившимся фактомъ покоренія Хивы.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XXIII.

Перенесеніе лагеря въ загородные сады. — Благодарственный молебень. — Осмотръ ханскаго дворца. — Назначеніе курьеромъ Флита. — Возвращеніе хивинскаго хана. — Поѣздка въ кавказскій отрядъ; пиръ у Теръ-Асатурова. — Отправленіе отряда Головачева. — Блокъ. — Скобелевъ. — Пріѣздъ А. Милютина и его разсказъ объ отрядѣ Маркова. — Дѣло 15-го іюля. — Гибель Каменецкаго и казаковъ. — Бетманъ и Рейнау. — Отѣздъ Скобелева въ Инды-Кудузъ и приключеніе съ нимъ. — Обѣдъ шахризабцевъ. — Пріѣздъ Флита и высочайшія награды. — Отѣздъ. — Москва. — Опять Скобелевъ. — Поѣздка въ Петербургъ. — Обѣдъ во дворцѣ 26-го ноября. — Разговоръ со мной его величества.

ОКА Константинъ Петровичъ принималъ поздравленія, нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, пустились осматривать достопримѣчательности дворца. Пробираясь по лабиринту комнатъ парадно-пріемныхъ и жилыхъ, мнѣ случайно пришлось наткнуться на какой-то полумрачный чуланъ или кладовую, гдѣ совершенно неожиданно нашелъ я продуктъ, самый рѣдкій и дорогой, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ сряду составлявшій несбыточную мечту каждаго изъ насъ... чтобы не томить долѣе, скажу прямо: кусокъ льда, — льда, за золотникъ котораго въ Кизиль-Кумской степи никто бы не задумался предложить пять золотниковъ чистаго золота! Живо и жадно набросились на мою находку сотоварищи мои, и чѣмъ попало, пашкой и складнымъ ножомъ, но каждый изъ насъ успѣлъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 414.

отковырнуть изрядный кусокъ отъ найденной сплошной массы, и съ этимъ трофеемъ въ рукахъ мы вернулись на террасу. Тамъ многіе, увидѣвъ этотъ безцѣнный кладъ, тоже бросились по слѣдамъ нашимъ на поиски, но кладъ имъ не дался въ руки, такъ какъ ни они, ни мы не могли вторично доискаться таинственнаго хранилища этого сокровища.

Вскорѣ поднялся Кауфманъ и поѣхалъ въ лагерь оренбургскаго отряда къ раненому Веревкину, а насъ всѣхъ направилъ за городъ въ сады, гдѣ мы и расположились лагеремъ въ четырехъ верстахъ отъ Хивы. На слѣдующій же день послѣ обѣда (все еще *soi-disant* обѣда) на площади города отслужено было торжественное молебствіе съ салютаціей изъ орудій (взятыхъ здѣсь и въ Хазарапсѣ у непріятели) по случаю совпавшаго празднованія нашего съ великимъ для всей Россіи днемъ рожденія великаго преобразователя нашего Отечества, которому пришла первая мысль о пользѣ завоеванія Хивинскаго ханства—императора Петра Великаго.

Расположились мы здѣсь лагеремъ не ахти какъ удобно! Садъ, примыкающій къ лѣтнему двору хана, довольно обширный и тѣнистый, засаженный почти исключительно урокомъ (абрикосами), между которыми проведены арыки съ посредственной водой; но кругомъ сада воздвигнута высокая и сплошная стѣна, не дающая свободы движенію воздуха, что грозило сильной духотой. Кауфманъ поселился въ кибиткѣ, около пруда, кругомъ обсаженнаго вѣтвистыми деревьями, а со всѣхъ сторонъ лѣпились къ его ставкѣ юрты и палатки главной квартиры. Какъ было уже извѣстно, ханъ съ тремястами туркменъ, составлявшихъ его гвардію и оплотъ арміи, бѣжалъ къ воинственному племени іомудовъ; часть жителей тоже бѣжала, но тѣмъ не менѣе въ городѣ стали уже открываться базары, и у насъ явилась надежда приобрести жизненные припасы, если не европейскіе, то мѣстные. Вскорѣ узналъ я, что назначенъ въ числѣ 6 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Головачева, въ кавалерскую думу св. Георгія, для обсужденія многихъ подвиговъ, совершенныхъ въ сводномъ Оренбургско-Кавказскомъ отрядѣ, во время наступленія его отъ Кунграда къ стѣнамъ Хивы. Познакомился я тамъ съ очень симпатичною личностью, отличнымъ кавказскимъ офицеромъ, состоящимъ по особымъ порученіямъ при его высочествѣ намѣстникѣ, княземъ Ваномъ Меликовымъ, сыномъ князя Левана. Много интереснаго рассказалъ онъ мнѣ про послѣдній походъ ихъ сюда съ Ломакинымъ, а такъ же объ участи другаго кавказскаго отряда, Маркозова, который, потерявъ громадную часть верблюдовъ, долженъ былъ сначала бросить тяжести, затѣмъ провіантъ и, наконецъ, по недостатку воды, не имѣя силъ дотащиться съ отрядомъ до колодца на пути слѣдованія, вынужденъ былъ вернуться назадъ. Еще узнали мы объ одномъ печальномъ эпизодѣ съ одною изъ частей войскъ, о кото-

ромъ получены донесенія, не подлежащія никакому сомнѣнію. На одномъ изъ пароходовъ нашей аральской флотиліи (а ихъ всего-то было два: «Самаркандъ» и «Перовскій») произошла слѣдующая катастрофа. Пароходъ этотъ, вступивъ изъ Аральскаго моря въ устье Аму-Дарьи, ниже Кунграда, нуждался въ свѣдѣніяхъ о мѣстонахожденіи Оренбургскаго отряда, почему начальникъ флотиліи довѣрился прибывшему къ нему на пароходъ бію, предлагавшему провести нашихъ людей въ лагерь Оренбургскаго отряда, и высаdilъ на берегъ офицера, топографа и десять матросовъ. Коварный бій повелъ ихъ какъ будто въ близъ расположенный отрядъ русскій, но вмѣсто того завелъ ихъ на засаду, гдѣ хивинцы внезапно бросились на горсть людей нашихъ, забрали ихъ въ плѣнъ, отвели въ Хиву и тамъ отрубленные ихъ головы выставили, какъ трофей, на всеобщій позоръ.

Съ подробнымъ донесеніемъ государю императору о покореніи ханства и взятіи Хивы посланъ былъ Фанъ-дербъ-Флитъ, адъютантъ и тезка Кауфмана, прекрасный человекъ и отличнѣйшій офицеръ. Въ дежурствѣ штаба шла усиленная работа, а у насъ 3-го іюня была кавалерская дума. Головачевъ прочиталъ предложеніе главнаго начальника отрядовъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана I-го разобрать въ думѣ представленіе начальника Оренбургскаго отряда генераль-лейтенанта Веревкина къ Георгіевскому кресту 18 штабъ-офицеровъ, оказавшихъ подвиги въ разныхъ дѣлахъ противъ хивинцевъ, при слѣдованіи отрядовъ отъ Кунграда до Хивы. Но по рѣшенію думы оказались достойными не всѣ, а только одинъ Квинитадзе, подполковникъ, командиръ дивизіона, въ полку Теръ-Асатурова, «при атакѣ непріятели зарвавшійся съ одною сотнею своихъ всадниковъ, окруженный вдесятеро сильнѣйшей массой хивинцевъ и пробившійся черезъ нихъ, не оставивъ въ ихъ рукахъ никакого трофея» (статья X, парагр. 6-й). Еще менѣе благоприятнаго результата дождались представленные кавказскіе штабъ и оберъ-офицеры Ширванскаго и Апшеронскаго полковъ. Частнымъ путемъ намъ не безъизвѣстно было объ истинныхъ заслугахъ ихъ при взятіи непріятельскихъ орудій подъ Хивой 28-го мая, но дума отказала имъ, такъ какъ по статуту ордена, ст. X, парагр. 9-й: «кто возьметъ съ боя орудія», былъ достоинъ креста, а они были только «при» взятіи орудій. Мнѣ было очень больно, что дума отказала этимъ, по словамъ Вана-Меликова, прекраснымъ офицерамъ, но одинъ въ полѣ не воинъ, и всѣ мои доводы не повели ни къ чему.

Прошла недѣля со взятія Хивы; за это время состоялось возвращеніе хана, явившагося къ намъ съ повинной, а также вмѣстѣ съ нимъ и нѣсколькихъ представителей особенно враждебныхъ къ намъ партій, смирившихся теперь передъ силой обстоятельствъ. Обсуждалось устройство временнаго правленія ханствомъ, посред-

ствомъ чего-то въ родѣ дивана, въ которомъ должны были засѣдать три сановника-туземца и три чиновника-русскихъ, подѣ предсѣдательствомъ, однако, помилованнаго уже хана. Цѣль этого учрежденія заключалась въ необходимости короче ознакомиться съ нынѣ покореннымъ, но намъ мало извѣстнымъ краемъ, его населеніемъ, средствами и богатствомъ; словомъ сдѣлать здѣсь то, чего, къ сожалѣнію, мы прежде никогда въ завоеванныхъ нами территоріяхъ не дѣлали! (Примѣръ: фортъ св. Николая, на рѣкѣ Чолокѣ, составлявшей нашу естественную границу съ 1829 года, вызвалъ потребность рекогносцировки, подѣ непріятельскимъ огнемъ, 2-го января 1854 г., ровно черезъ 25 лѣтъ нашего имѣ владѣнія!). Желаемыя свѣдѣнія о Хивинскомъ ханствѣ необходимы уже были хотя бы для того, чтобы опредѣлить срокъ времени, въ который мы можемъ собрать съ края предполагаемую военную контрибуцію въ 6 милліоновъ рублей.

У ставки Кауфмана я впервые увидѣлъ хана. Ему было лѣтъ 30, очень выразительной фигуры, со строгими, даже черствыми чертами и деспотическимъ выраженіемъ лица. Онъ былъ брюнетъ, съ отливомъ вороньяго крыла, высокъ ростомъ, очень статенъ; но что-то хищное преобладало въ глазахъ его, полныхъ блеска и силы воли. Движенія отличались достоинствомъ, но лишены были всякой привлекательности и мягкости, мало того напоминали ненасытную жажду власти и насилія... Помѣщался онъ пока на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ того же дворца, въ большой и роскошной по отдѣлкѣ палаткѣ, при которой *soi-disant* стоялъ почетный караулъ, а на дѣлѣ просто ханъ былъ подѣ карауломъ. Хивинцы вообще, на сколько можно было узнать ихъ въ короткое время, народъ по наружности рослый и статный, всѣ брюнеты и всѣ очень суроваго вида, въ высокихъ, бараньихъ шапкахъ, придающихъ имъ жесткій, полу-дикій характеръ, но при этомъ всѣ коварны отъ природы, безсовѣстно лживы и вовсе не честны.

4-го іюня я въ первый разъ ѣздилъ съ Щербинскимъ въ Кавказскій отрядъ и день этотъ провелъ очень пріятно среди людей, меня помнящихъ или много обо мнѣ слышавшихъ. Само собою разумѣется, что старыхъ сослуживцевъ моихъ на Кавказѣ я не нашель, кромѣ Теръ-Асатурова, да и тотъ былъ юнкеромъ въ Нижегородскомъ полку, когда я уже былъ единицею—въ Куринскомъ. Послѣ нѣсколькихъ визитовъ съ Щербинскимъ къ общимъ знакомымъ, мы заѣхали къ командиру конно-дагестанскаго полка, Теръ-Асатурову, и здѣсь окончательно пустили корни. Гостепріимный и замѣчательно радушный хозяинъ позвалъ кличь, собрались друзья-пріятели, явились пѣсенники и плясуны, полилось кахетинское изъ турьихъ роговъ, а шампанское изъ стакановъ, тулумбашъ провозгласилъ тостъ за дорогихъ гостей, и пошелъ дымъ коромысломъ. Тутъ представилось намъ смѣшеніе различныхъ не только формъ

обмундированія, но и всѣхъ національностей, въ такомъ разнообразіи населяющихъ окраины обширной матушки Россіи. Здѣсь на одной террасѣ скучились: коренные русскіе, грузины, армяне, греки, хохлы, нѣмцы, имеретины, сарты и, наконецъ, въ большинствѣ горцы всѣхъ племенъ кавказскихъ, еще такъ недавно бывшихъ непримиримыми врагами нашими, изъ Гергебиля, Салтовъ, Чока, а теперь вѣрой и правдой служащихъ одному съ нами отечеству, одному бѣлому царю.

Конно-дагестанскій полкъ, недавно сформированный въ восточной части Кавказа и составленный исключительно изъ уроженцевъ когда-то страшныхъ воинственностью и недоступностью своею знаменитыхъ ауловъ въ Дагестанѣ,—въ короткое время сплотился въ прекрасную боевую часть, ничѣмъ не отличающуюся отъ любого полка русскаго по дисциплинѣ, обученію и службѣ, что же касается военныхъ доблестей, то этотъ молодой легіонъ всадниковъ уже доказалъ и, безъ сомнѣнія, еще болѣе докажетъ въ будущемъ превосходныя свои качества, пользуясь громкой славой на Кавказѣ по лихости, отвагѣ и храбрости наѣздниковъ. Размѣстившись въ повалку на красивыхъ персидскихъ коврахъ, съ неизбѣжными мутаками въ головахъ, все общество, наэлектризованное радужнымъ угощеніемъ, задорными пѣснями линейцевъ и граціозно-воинственною лезгинкою дагестанцевъ, наслаждалось хорошими напитками, звучнымъ пѣніемъ, выражало шумными возгласами одобреніе увлекательному танцу или вело тихую дружескую бесѣду съ людьми съ душою нараспашку.

— Здоровье Чолоксккаго героя, сегодня ровно 19 лѣтъ назадъ стяжавшаго себѣ громкую славу! — совершенно для меня неожиданно провозгласилъ Дмитрій Теръ-Асатуровъ, высоко поднявъ стаканъ съ шампанскимъ. Громкое «ура», тушь трубачей и полудикій гикъ горцевъ слились въ оглушительный гамъ, разобрать который мнѣ пришлось съ высоты полета къ поднебесью. Послѣ дружнаго качанія меня и многихъ другихъ, общество какъ будто утомилось, и потому шумныя диверсіи смѣнились затихшемъ, но только на нѣсколько минутъ, и опять полилось вино и рассказы изъ боевой жизни и приключеній послѣднихъ дней. Рельефнѣе всѣхъ прочихъ повѣствованій, какъ по сути дѣла, такъ и по своеобразному изложенію, выдался эпизодъ, случившійся недѣли двѣ передъ тѣмъ, съ подполковникомъ Квинитадзе, очень игриво и въ лицахъ сообщившимъ его всему обществу.

При слѣдованіи своднаго отряда отъ Кунграда, непріятель зачастую беспокоилъ его своимъ появленіемъ въ значительныхъ силахъ и, всячески задирая наши разѣзды, самъ уклонялся отъ дѣла съ сомкнутыми частями, а какъ только замѣчалъ намѣреніе нашихъ произвести атаку, показывалъ тылъ и, пользуясь отличною быстротой туркменскихъ скакуновъ, безслѣдно исчезалъ съ гори-

зонта. Всѣ попытки нашихъ ловкихъ наѣздниковъ захватить или подстрѣлить какого нибудь изъ этихъ назойливыхъ туркменъ долго оставались безуспѣшными, но наконецъ Квинитадзе придумалъ пуститься на хитрость и во что бы то ни стало строго наказать ихъ за дерзость. И вотъ на ходу отряда, когда вдаль показались неприятельскіе всадники и по обыкновенію стали джигитовать и заманивать нашихъ молодцовъ подальше отъ отряда, — подполковникъ, строго запретивъ своимъ людямъ соваться въ поле, самъ закурилъ короткую свою люльку, перекинулъ черезъ плечо двуствольный штуцеръ и, сначала рысью, а потомъ шагомъ, сталъ подѣзжать въ степи къ гарцовавшимъ туркменамъ. Увидѣвъ одиночнаго всадника, такъ оплошно приближающагося прямо къ нимъ въ руки, и считая его своею вѣрною добычей, они пристально стали наблюдать за его движеніями. Тѣмъ временемъ Квинитадзе неторопливо снялъ съ плеча штуцеръ и, остановивъ лошадь, прицѣлился въ ближайшаго врага, но вмѣсто того, чтобы нажать спускъ, онъ выпустилъ изъ рта густую струю табачнаго дыма, который наивные туркмены приняли за вспышку на полкѣ кремневаго ружья, а потому смѣло бросились на обезоруженнаго по ихъ мнѣнію противника. Подпустивъ передоваго шаговъ на сто, Квинитадзе повторилъ тотъ же маневръ изъ другаго ствола, а затѣмъ, круто повернувъ коня, во всю прыть пустился скакать по направленію отряда. Какъ борзые псы за зайцемъ, вытянулись за нимъ въ погоню самыя лихіе изъ туркменъ-джигитовъ, видимо очень быстро нагоняя спасающагося отъ нихъ уруса. Передній изъ шайки уже очень близко, еще полъ-минуты, и онъ нагонитъ бѣглеца и сниметъ ятаганомъ его голову и отвезетъ кровавый трофей... но въ этотъ мигъ обернулся на сѣдлѣ къ нему лицомъ нашъ витязь и, почти въ упоръ пустивъ врагу пулю въ лобъ, ссадилъ съ лошади мертвое тѣло. Еще азартнѣе сталъ налегать второй туркмень. Смерть на его глазахъ товарища только подзадорила его, разожгла въ немъ жажду мести, и онъ, нагнувшись на шею лошади, какъ вихрь, несется и достигаетъ жертву, но раздается второй штуцерный выстрѣлъ, и трупъ другаго туркмена камнемъ валится на землю. Въ себя отъ озлобленія, вся партія, издали слѣдившая за подвигами своихъ удалцевъ, видя трагическую развязку, забываетъ принятую тактику и, зажмуря глаза, несется прямо на Квинитадзе убить, изрубить, растерзать его. Но, разогнавъ коней своихъ, цѣликомъ нарѣзывается на сотню дагестанцевъ, шашками положившихъ всѣхъ 12 человекъ на мѣстѣ. Лошади, сѣдельный уборъ и оружіе со всѣхъ 14 туркменъ достались побѣдителямъ. Когда по окончаніи разсказа лихой подполковникъ приказалъ вывести на показъ отбитаго скакуна туркменскаго, съ которымъ не разставался, Теръ-Асатуровъ тоже представилъ мнѣ бѣлаго, какъ снѣгъ, коня, породы касара, убѣдительно прося меня принять его въ подарокъ.

Приписывая неожиданную щедрость моего пріятеля минутному возбужденію, я упорно отклонялся отъ этого великолѣпнаго подарка, но въ силу настоятельныхъ его требованій принять отъ него хоть черкесское сѣдло на память 4 іюня, такъ весело и дружно проведеннаго вмѣстѣ,—я вынужденъ былъ согласиться и на утро вступилъ во владѣніе прекраснымъ, въ серебро оправленнымъ, настоящимъ кавказскимъ сѣдломъ.

Проснувшись на другой день въ прохладной и высокой комнатѣ ханскаго дворца (жить въ которой милостиво намъ разрѣшилъ Константинъ Петровичъ), мы переглянулись съ сожителемъ моимъ Щербинскимъ, оба сдѣлавъ кислыя рожи, при чемъ напрасно старались дать себѣ ясный отчетъ о послѣднихъ минутахъ вчерашняго пребыванія въ кавказскомъ отрядѣ, обратнаго путешествія въ нашъ строгій монастырь и т. д. «Ну, не все ли равно? мы здѣсь, и слава Богу!»—порѣшилъ Щербинскій, предавъ этотъ вопросъ забвенію.

Ну, однако, пришли мы и взяли Хиву, а о ней собственно я ничего еще не сказалъ, что для порядка слѣдуетъ. Итакъ начинаю.

Городъ Хива, какъ и слѣдуетъ быть городу Средней Азіи, не красивъ правильною разбивкою площадей и улицъ, господствующей на нихъ чистотой, а тѣмъ менѣе изящною архитектурой своихъ зданій, но Хива—городъ большой, многолюдной, торговый, кругомъ обнесенный высокою стѣною, въ родѣ Кремлевской въ Москвѣ, съ башнями и бойницами, съ укрѣпленными воротами, батареями, бастионными фасадами и проч. Въ самомъ городѣ возвышаются выше ханскаго дворца минареты, мечети, медресе (школы) и разныя башни. Дворецъ хана—со многими внутренними дворами и двориками, съ цѣлымъ лабиринтомъ фантастическихъ пріемныхъ залъ, судилищъ, жилыхъ покоевъ ханскихъ и всякихъ отдѣльныхъ помѣщеній мужскихъ и совершенно въ сторонѣ—женскихъ, то-есть гарема. Изъ этихъ фей Магометова рая ни единой не узрѣлъ глазъ невѣрныхъ. Снаружи города, подъ самыя стѣны его прилегаютъ роскошныя сады, густыя и тѣнистыя, всѣ перерѣзанные искусственными арыками, съ обильнымъ количествомъ воды, которою нѣсколько далѣе отъ Хивы залиты громадныя поля, исключительно засѣянные рисомъ, главнымъ и неизбѣжнымъ разсадникомъ злокачественныхъ и почти повальныхъ лихорадокъ въ краѣ. Настой воды въ поляхъ этихъ, до полуаршина глубиной, отъ солнечныхъ лучей и возвышенной температуры воздуха, издаетъ вредныя испаренія, а гнилая жидкость на всей залитой почвѣ кишитъ міазмами, заражая всю окрестную атмосферу губительнымъ зловоніемъ... Съ перваго дня появленія нашихъ войскъ, испуганные населеніемъ невѣрныхъ, жители въ разсыпную и толпами бѣжали изъ города, увозя съ собою все имущество, но мирныя проклама-

ціи ери-шага (главнаго военначальника) Кауфмана и къ тому же соблазнъ наживы, при выгодной съ урусомъ торговлѣ, взяли верхъ надъ страхомъ и мало-по-малу привлекли алчныхъ хивинцевъ обратно.

Во дворцѣ хана открыты были хранильницы немалыхъ сокровищъ, и для приведенія ихъ въ точную извѣстность и оцѣнку назначена была особая комиссія изъ многихъ лицъ главной квартиры, преимущественно гражданскихъ чиновъ, и спеціального эксперта по части драгоценныхъ камней—Мурза-Хакима, посла коканскаго. Говорили, что комиссіей этой уже было пока собрано разныхъ сокровищъ, большею частью состоящихъ изъ женскихъ украшеній благороднаго металла, съ богатыми коллекціями алмазовъ, рубиновъ, изумрудовъ, сафировъ и проч., а въ особенности бирюзы, на сумму свыше 400 тысячъ русскихъ рублей, а къ оружію, коннымъ уборамъ и коврамъ она еще и не приступала.

Хивинская лихорадка уже дала себя чувствовать; я съ трудомъ могъ владѣть перомъ, меня бросало и въ жаръ и въ холодъ, пароксизмъ смѣнялся страшною слабостью, но, кромѣ этого, мнѣ пришлось еще испытать непріятность отъ другаго частаго гостя этой страны. Однажды вечеромъ я вернулся отъ графа Берга въ свое помѣщеніе во дворцѣ и засталъ повсюду глубокую тишину и всеобщій сонъ. Изъ моей комнаты, гдѣ царилъ также тьма, доносился усиленный храпъ милаго сожителя, спозаранку завалившагося на покой. Ощупью отыскавъ сосѣднюю дверь въ помѣщеніе нашей прислуги, неистово во снѣ насвистывавшей на всѣ тоны, я позвалъ Козьму, и пока онъ протягивался, зѣвалъ и, наконецъ, впотѣмахъ сталъ искать спичекъ, я въ разслабленіи прислонился плечомъ къ косяку двери, но въ то же мгновеніе пронзительно вскрикнулъ и отскочилъ въ сторону. Въ лѣвую руку мою, выше локтя, черезъ китель и рубашку, кольнуло чѣмъ-то очень острымъ, такъ глубоко и больно, что я не взвидѣлъ свѣта Божьяго и едва устоялъ на ногахъ. Выскочившій со свѣчей Козьма растерянно смотрѣлъ на меня, не понимая, въ чемъ дѣло, но когда я указалъ на косякъ, и онъ освѣтилъ его, загадка объяснилась. Громадной величины скорпионъ недвижимо занималъ избранную имъ позицію. Онъ былъ преданъ казни, это правда, но мнѣ отъ того не стало легче. Не одно уязвленное на рукѣ мѣсто, но далеко выше, ниже и кругомъ, отъ локтя до плеча горѣло, какъ прижженное раскаленнымъ желѣзомъ, а въ то же время вздувалось опухолью съ замѣтною для глазъ быстротою. Поднялась тревога, вскочилъ и Щербинскій, послали за докторомъ, шумъ и суета кругомъ, а руку мовжитъ и жжетъ все сильнѣй. Вдругъ среди этого хаоса вижу передъ собою полуодѣтаго добрѣйшаго Меллера, прибѣжавшаго ко мнѣ

на помощь съ откупоренною жестяною сардинокъ, изъ-подъ которыхъ якобы масло непременно должно было спасти меня. Но въ эту минуту подоспѣлъ докторъ Гримъ и приложилъ къ рукѣ пузырь со льдомъ. Всю ночь напролетъ мнѣ постоянно мѣняли ледъ подъ наблюденіемъ Грима, не отходившаго отъ моей постели. Боль къ утру стала утихать, а опухоль, потерявъ воспалительный цвѣтъ, видимо опадать; не смотря на то, страданія во всей рукѣ не дали мнѣ минуты сна, и я только днемъ на слѣдующій день забылся.

Къ тому же четырехмѣсячное невѣдѣніе о семействѣ наводило безотчетную грусть, а подчасъ и страхъ даже. Да, предчувствіе и безотчетное ожиданіе чего-то дурного не обмануло меня: мальчика моего Сережи уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ скончался отъ разрыва сердца и не на рукахъ своей матери, бывшей въ то время въ Петербургѣ, а дѣда, такъ старчески-страстно его любившаго.

Благодаря заботамъ врачей, особенно Грима, я довольно быстро началъ поправляться; но и средства, ими пущенныя, достойны замѣчанія по объему. Кто повѣритъ въ Россіи возможности приема однимъ субъектомъ въ двое сутокъ до 160 гранъ хины? Здѣсь же, при исключительныхъ климатическихъ условіяхъ, эта доза не удивляетъ никого.

Во время моей болѣзни, былъ сформированъ, подъ начальствомъ Головачева, отрядъ, который выступилъ черезъ Хиву на западъ, къ юмудамъ. Начальникомъ кавалеріи этого отряда пошелъ не Главацкій, а мой ех-товарищъ, Блокъ. Этотъ отлично-добрый малый послѣднее время съ отчаяніемъ рвалъ на себѣ волосы по случаю своего бездѣйствія. Приѣхалъ онъ къ намъ, конечно, съ пламеннымъ желаніемъ отличиться, а тутъ ему не давали назначенія, такъ какъ всѣ видныя мѣста уже были заняты. И вотъ ему устроили назначеніе временнаго начальника кавалеріи (сводной—изъ частей туркестанскаго, оренбургскаго и кавказскаго отрядовъ). Блокъ попалъ въ хивинскую экспедицію случайно, какъ исключеніе объявленнаго по гвардіи высочайшаго повелѣнія никого въ хивинскій походъ не откомандировывать, вслѣдствіе счастливой непредвидѣнности, а именно: государю императору угодно было назначить вторымъ шефомъ л.-гв. Гатчинскаго кирасирскаго полка ея величества—генераль-фельдмаршала князя Барятинскаго, въ томъ полку начавшаго (въ 1833 г.) военную службу свою. На парадѣ войскамъ петербургскаго округа государь, подѣхавъ къ гатчинскимъ кирасирамъ, изволилъ поздравить ихъ съ новымъ шефомъ и тутъ же спросилъ командира полка Гревса, кто у него старшій штабъ-офицеръ? Выѣхалъ полковникъ Блокъ, которому его величество приказалъ ѣхать въ Скерневицы и отъ его имени отвести полковой мундиръ кн. Барятинскому.

Князь Александръ Ивановичъ, само собою разумѣется, принялъ посланнаго государемъ со всѣмъ радушіемъ и ему свойственнымъ чарующимъ обращеніемъ, при чемъ во время пребыванія Блока у него въ Скерневицахъ, князь, спрашивая его о службѣ и планахъ въ будущемъ, высказалъ свое мнѣніе, что будущему командиру полка непремѣнно слѣдуетъ прежде всего понюхать пороху не на маневрахъ, а при настоящихъ встрѣчахъ съ непріятелемъ. На это замѣчаніе закаленнаго въ бояхъ фельдмаршала Блокъ доложилъ князю о прискорбномъ для гвардейцевъ повелѣніи, на что его сіятельство обязательно предложилъ Блоку исходатайствовать эту милость, въ чемъ, конечно, и не было отказано его величествомъ не только относительно Блока, но и пріятеля его, Лукашевича. Вотъ какимъ путемъ оба кирасира, отчисленные, однако, по общей кавалеріи, попали къ намъ пожинать лавры.

Однажды, часу въ девятомъ утра, когда я лежалъ на террасѣ, торопливо вошелъ на дворъ Карлъ Васильевичъ Струве.

— Отгадай, о комъ я пришелъ предупредить тебя?—издали еще задалъ онъ мнѣ вопросъ.—Ну, не ломай себѣ голову, никогда не догадаешься! Гость сейчасъ будетъ къ тебѣ, сидитъ пока у Константина Петровича, который и поручилъ мнѣ предупредить тебя о его пріѣздѣ!—бросившись въ кресло, договорилъ Струве, усердно обмахивая себѣ лицо платкомъ.

— Но вѣдь ты не сказалъ главнаго?—нетерпѣливо замѣтилъ я.

— Чего же?—удивленно посмотрѣлъ Струве.

— Да кто таинственный гость?

— Ахъ, Боже мой, развѣ я не сказалъ?—добродушно расхохотался дипломатъ:—Алексѣя Дмитріевича Милютина изволь принять въ свои объятія.

— Какъ? Когда? Откуда?—посыпались вопросы, на которые черезъ нѣсколько минутъ далъ любопытные отвѣты самъ виновникъ переполоха. Исторія всѣхъ приключеній и усложненій, испытанныхъ Алексѣемъ до конечнаго достиженія имъ Хивы, стоитъ всевозможныхъ скачекъ съ препятствіями, когда либо существовавшихъ на всемірныхъ ипподромахъ. Правда, вѣдь и «дистанція огромнаго размѣра», особенно второго пути его изъ Тифлиса на Астрахань, Самару, Оренбургъ, Ташкентъ, черезъ Бухару—въ Хиву.

Собравшаяся компанія: Струве, Адеркасъ, Колокольцевы, père et fils, Аминовъ, Голицынъ, Скобелевъ и др., всѣ жаждали слушать изустное повѣствованіе Милютина.

Когда рѣшился вопросъ о командированіи его въ хивинскую экспедицію, онъ почему-то замѣшкался въ Петербургѣ и по расчету времени, не имѣя возможности поспѣть въ отряды Оренбургскій или Туркестанскій, былъ направленъ въ Кавказскій—Маркозова, назначенный къ выступленію изъ Красноводска позже всѣхъ прочихъ.

Отрядъ Алексѣй засталъ на мѣстѣ, быстро приготовился затѣмъ онъ съ сотоварищами своими, Корсаковымъ и Ореусомъ, составивъ артель, весело, свободно, полные надеждъ, тронулись въ путь. Сначала все шло, какъ по маслу, но вскорѣ начались загвоздки, быстро превратившіяся въ непреодолимые препятствія. Прежде осложнили движеніе упрямыя верблюды, упорно отказавшіеся тащить вьюки съ требуемой быстротой и при этомъ павшіе въ большомъ количествѣ; потомъ наступили страшные жары, на градусъ еще выше нашихъ. У нихъ ртуть показывала до $50\frac{3}{4}^{\circ}$, чего у насъ, слава Богу, не было; затѣмъ порча воды въ колодцахъ непріятелемъ, не упускаящимъ отряда изъ вида, и днемъ и ночью тревожившимъ его непрерывно; наконецъ, болѣзни и полное истощеніе силъ въ пѣхотѣ и лошадей въ кавалеріи, словомъ вынужденная крайне тяжелыми обстоятельствами остановка машины совершилась сама собою... Главною причиною этого плачевнаго, но въ сущности неизбѣжнаго результата были затрудненія, встрѣченныя ими при движеніи отряда къ послѣднему колодцу Имды-Кудукъ, котораго, къ несчастью, проводники съ передовыми казаками не могли найти, а потому колонна, послѣ страшно томительнаго перехода, застигнутая наступившею ночью въ степи, не имѣя цѣлыя сутки капли воды и безъ надежды отыскать ее и завтра (такъ какъ проводники туземцы при общемъ смятеніи и темнотѣ ночи скрылись), обречена была тяжелой необходимости отступить. Всѣ неимоверныя усилія къ отстраненію этого жестокаго въ нравственномъ отношеніи рѣшенія были истощены напрасно. Но невозможное—невозможно!

Стойкость, самоотверженіе и примѣрныя военныя доблести русскаго солдата: мужество, выносливость, сила воли и терпѣніе при исполненіи, по долгу, святой присяги, такъ извѣстны всѣмъ и каждому, что никто никогда не допуститъ помышленія, чтобы и въ данномъ случаѣ онъ, солдатъ русскій, да еще кавказской арміи, оказалъ малодушіе. Вспомнимъ практическую истину: *la critique est aisée, mais l'art est difficile*. И потому я не могу не занести въ книгу бытія тѣ страданія человѣческія, которымъ подверглись люди несчастнаго отряда, при отступленіи ихъ безлюдною и безводною степью, подъ палящими лучами солнца, безъ перевозочныхъ средствъ, почти безъ пищи, безъ обуви и безъ надеждъ на славу! Но они, герои эти, не упали духомъ и, претерпѣвъ всѣ ужасы непоимѣрныхъ лишеній и трудовъ, еле дотащились до Каспія... Слава тебѣ, солдатъ русскій! Во всѣхъ передрыгахъ скитальческой, многострадальной жизни твоей, послѣ побѣды и пораженія, при торжествѣ и въ униженіи, въ минуты страданій и смерти, ты всегда и всегда одинаково великъ, солдатъ русскій.

Съ грустнымъ донесеніемъ о пораженіи вѣрннаго ему отряда не врагами, а стихіями, Маркововъ отправилъ въ Тифлисъ къ его императорскому высочеству, намѣстнику, флигель-адъютанта

Милютинъ, который, садясь въ Баку на курьерскую тройку, въ твердомъ убѣжденіи, что перенесеннымъ въ походѣ истязаніямъ наступилъ конецъ, часть вещей своихъ продалъ, а остальные отправилъ въ Петербургъ, и поскакалъ самъ въ перекладной телѣгѣ, съ однимъ чемоданомъ, въ которомъ увезъ мундиръ и двѣ перемѣны бѣлья. Въ Каджіорахъ, гдѣ находился тогда великій князь, Милютинъ представилъ официальное донесеніе и словесное дополненіе, какъ очевидецъ всего, постигшаго отрядъ полковника Маркова. Его императорское высочество, съ сердечнымъ прискорбіемъ и соболѣзнованіемъ выслушавъ очень огорчившія его извѣстія, милостиво изволилъ спросить Милютинъ: «желаетъ ли онъ ѣхать съ этимъ донесеніемъ къ его величеству за границу?».

Алексѣй признавался, что какъ ни тяжела ему была перспектива везти это безотрадное извѣстіе государю императору, но соблазнъ попасть за границу и въ Вѣнѣ на всемірную выставку взялъ верхъ, и онъ съ благодарностью согласился. «Но я не могу взять на себя отправленіе ваше безъ предварительнаго на то разрѣшенія его величества», добавилъ великій князь, при чемъ немедленно велѣлъ отправить депешу въ Эмсъ. Отвѣтъ получился слѣдующій: «Его величество приказать изволилъ флигель-адъютанта Милютинъ отправить черезъ Оренбургъ и Ташкентъ, въ отрядъ генераль-адъютанта Кауфмана, подъ Хиву. Графъ Адлербергъ». Пораженный неожиданнымъ сообщеніемъ, Милютинъ въ первую минуту совершенно растерялся, но оставалось одно: ѣхать,—онъ и уѣхалъ... Дальнѣйшее странствованіе Алексѣя Дмитриевича по головоломному тракту бакинскому, плаваніе моремъ и вверхъ по Волгѣ, бѣшеная скачка степью оренбургской, медленное передвиженіе песками Кара-Кумскими и, наконецъ, отчаянная ѣзда съ киргизами до Ташкента—все это болѣе или менѣе переиспытано каждымъ счастливецомъ, служащимъ въ Средней Азіи; но вотъ тутъ раздалось «атанде». Какимъ путемъ и средствами препроводить флигель-адъютанта, согласно высочайшаго повелѣнія, въ отрядъ генерала Кауфмана, когда уже хорошо было извѣстно, что онъ находился не на пути, а въ самой Хивѣ, съ которой прямого сообщенія никогда не было и впредь еще не организовано? Препроводили его къ Абрамову, въ Самаркандъ, а тотъ на свой рискъ и страхъ рѣшился отправить его черезъ Бухару. Эмиръ бухарскій, предупрежденный Абрамовымъ, принялъ Алексѣя Дмитриевича со всѣмъ восточнымъ радушіемъ, и остальное уже путешествіе въ эмирскомъ каюкѣ, съ почетнымъ конвоемъ его высокостепенства, внизъ по Аму-Дарьѣ и потомъ по широкому арыку до самой Хивы, Милютинъ совершилъ спокойно, удобно и довольно быстро.

У насъ были получены свѣдѣнія, что іомуды въ большихъ силахъ заманиваютъ отрядъ Головачева въ глубь степи, гдѣ расчитыва-

вають нанести ему поражение. Вслѣдствіе этого на выручку нашихъ выступилъ отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ Кауфмана. Все это прекрасно, но мнѣ-то по болѣзни предложено было остаться, о чемъ и приходилъ сообщить самъ В. Н. Троцкій. Какъ ни скверно мнѣ было, какъ ни былъ я слабъ, но не идти съ отрядомъ я рѣшительно не могъ, а потому отправилъ К. П. Кауфману докладную записку съ удостовѣреніемъ доктора, что для пользы здоровья моего перемѣна мѣста жительства должна была подѣйствовать благотворно; въ отвѣтъ получилъ записку Троцкаго: «Его превосходительство начальникъ отряда разрѣшаетъ вамъ слѣдовать съ выступающимъ отрядомъ и проч., и проч.». Ну, и слава Богу! Сейчасъ же приступилъ къ сборамъ, а самъ далеко не былъ увѣренъ, вынесу ли ѣзду верхомъ, особенно большими переходами. Но взялся за гужъ... такъ именины свои (15-го іюля) празднуй на сѣдлѣ! «Оно не складно, да жалостливо!» И дѣйствительно первые дни похода я уставалъ до безобразія, чуть не до паденія съ лошади, но затѣмъ сталъ оправляться. На третій день ходьбы отряда встрѣтили нарочнаго отъ Головачева съ донесеніемъ о жаркомъ дѣлѣ, бывшемъ у него 15-го іюля (день нашего выступленія) съ большими скопищами іомудовъ, которые дрались, какъ львы. Въ числѣ раненыхъ самъ Головачевъ и Мейеръ (шашкой въ голову); потеря вообще у насъ не малая въ этотъ день, да наканунѣ убито 8 казаковъ и съ ними Каменецкій, такимъ молодцемъ отбившій съ уральцами первый каюкъ у непріятеля на Аму-Дарьѣ 11-го мая.

19-го соединились мы съ отрядомъ Головачева. Въ общихъ чертахъ, по рассказамъ участниковъ дѣла 15-го іюля, оно было такъ. Отрядъ Головачева занималъ на 14-е число для дневки позицію въ культурной части степи, въ пустомъ селеніи, окруженномъ садами. Ближайшія возвышенности заняты были сторожевыми пикетами казаковъ, не разъ въ теченіе этого дня дававшихъ въ штабъ свѣдѣнія о появленіи въ разныхъ направленіяхъ непріятельскихъ партій; но такъ какъ ни одна изъ нихъ не была значительною, то общее спокойствіе въ лагерѣ не нарушалось, и все ограничивалось изрѣдка раздающимися выстрѣлами на аванъ-постахъ. Со всѣмъ тѣмъ начальникъ кавалеріи, въ виду сохраненія въ цѣпи порядка, назначилъ послѣ обѣда два усиленныхъ разѣзда. Съ однимъ изъ нихъ, въ восемь казаковъ, сотникъ Каменецкій, подѣзжая къ кургану, менѣе версты отъ бивуака, встрѣтилъ постъ свой въ пять человекъ, быстро отступавшій къ лагерю. На вопросъ его, куда они направляются,—урядникъ отвѣчалъ, что «держаться на курганѣ не можемъ, онъ одолѣваетъ!».—«Пустяки, братцы, шашки вонъ и за мной!»—крикнулъ Каменецкій, бросаясь въ объѣздъ оставленнаго кургана, но тутъ же налетѣлъ на партію конныхъ іомудовъ, до сотни человекъ, которые въ виду всего отряда поголовно всѣхъ казаковъ срубили такъ быстро, что прискакавшій на помощь

резервъ нашъ нашель одни обезглавленные трупы своихъ станичниковъ. Такъ погибъ лихой Каменецкій, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ восемь казаковъ. Сильное впечатлѣніе на всѣхъ зрителей этой кровавой драмы сдѣлали страшные удары выгнутыхъ ятагановъ іомудовъ, которыми они съ одного маха, какъ бритвой, снимали черепа...

Съ вечера 14-го на 15-е число отдано было приказаніе о подъемѣ отряда съ позиціи до разсвѣта, имѣя въ виду сдѣлать въ тотъ день передвиженіе на новый бивуакъ. Свѣдѣнія о непріятелѣ были, но самыя неопредѣленные, не смотря на то, что всѣ военныя предосторожности были приняты во всѣхъ частяхъ отряда. Ночь прошла спокойно. Въ секретяхъ и цѣпяхъ не дано ни одного выстрѣла. За часъ до утренней зари наши тихо стали собираться и вытягиваться по дорогѣ къ селеніямъ, нынѣ занятымъ нами. Въ полуверстѣ отъ лагеря былъ узкій мостъ черезъ арыкъ; около него остановился Блокъ, пропуская мимо себя сотни, справа по три, а за ними тянулась пѣхота, только что тронувшаяся съ бивуака, какъ вдругъ непріятель сплошною массой обрушился на выстроившіяся въ авангардѣ три сотни, смялъ ихъ и заставилъ въ безпорядкѣ податься назадъ. Еще было темно, когда произошла первая атака. Казаки скоро справились и съ подоспѣвшими къ нимъ остальными сотнями и ракетною командой на рысяхъ выдвинулись впередъ, очистивъ за собой мѣсто для пѣхоты, бѣгомъ строившейся въ боевой порядокъ. Второй натискъ іомуды произвели сомкнутыми частями, бѣшено врываясь въ средину нашей кавалеріи и даже пѣхоты, но тутъ на всѣхъ пунктахъ нападенія они были отбиты и въ безпорядкѣ отброшены назадъ. Стало разсвѣтать, когда іомуды выстроились вновь и стремительно съ трехъ сторонъ понеслись на наши фасы. Авангардъ нашъ, изъ кавалеріи, встрѣтилъ ихъ залпомъ ракетной батареи, при чемъ очевидцы указываютъ на разжалованнаго Квитницкаго, выказавшаго особенное мужество и присутствіе духа при станкахъ, съ которыхъ ракеты, много пострадавшія отъ дальней перевозки и утратившія свои качества, не хотѣли летѣть по направленію непріятеля и, разрываясь на мѣстѣ, поражали часто своихъ. При третьей же атакѣ исключительное вниманіе обратили на себя обѣ роты 1-го стрѣлковаго батальона, капитановъ: Батмана и Рейнау. Мѣткость выстрѣловъ изъ залповъ была замѣчательная, а стойкость и выдержка образцовыя, изумительныя. Роты эти, доведенныя до *non plus ultra*, по отношенію обученія и дисциплины въ мирное время, оказались и въ минуты жаркой схватки съ врагомъ верхомъ совершенства. Рассказываютъ очевидцы, что эти замѣчательные молодцы хладнокровно и отчетливо, совершенно, какъ на домашнемъ ученіи, исполняли команду ротныхъ командировъ въ тѣ моменты, когда ломились на нихъ тучи отчаянно-дерзкаго непріятеля, нигдѣ на полшага не подаваясь назадъ. Въ этой атакѣ и іомуды оправдали блестящую о себѣ славу.

Два раза уже отбитые съ большимъ урономъ, они снова сомкнулись и произвели не одно, а нѣсколько послѣдовательныхъ нападений, съ такою отвагой и рѣшительностью, что будь у насъ не такія образцовыя роты и отличнѣйшіе офицеры, какъ Батманъ и Рейнау, то неизвѣстно, какъ бы все кончилось. Какъ доказательство необыкновеннаго духа и изумительной дисциплины въ названныхъ ротахъ, служатъ слѣдующіе факты: Батманъ, при видѣ густой противъ себя толпы іомудовъ, размахистымъ галопомъ направляющихся на его роту, предварительно командуетъ: «смирно», затѣмъ «кляцъ» и послѣ выдержки: «пли!». Второй «кляцъ» онъ провозглашаетъ съ внушеніемъ ротѣ «не торопиться», «цѣлить хорошенько», а непріятель уже несется на него въ ста шагахъ: «пли!» — раздается его могучій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ «кляцъ». «Не суетись», слышится опять, а іомуды рубятся въ передніе ряды, на всемъ скаку сбрасывая сидящихъ за ихъ спиной товарищей, прямо на штыки русскіе. Рейнау, при такихъ же обстоятельствахъ, въ пылу же непріятельскихъ атакъ, подпустивъ ихъ на полвыстрѣла, командуетъ: «рота кляцъ!» послѣ чего раздается одинъ выстрѣлъ. «Кто стрѣлялъ безъ команды? оставь!» и опять слышится допросъ: «Кто это осмѣлился выстрѣлить?». И только послѣ строгаго внушенія за одиночный выстрѣлъ онъ хладнокровно командуетъ «кляцъ!» и «пли!» въ то мгновеніе, когда непріятель уже на носу и залпъ роты, дружный и въ упоръ, валитъ сотню людей.

Но доказательствомъ упорнаго мужества и іомудовъ служить то, что, не внемля замѣчательно стойкому имъ отпору славныхъ ротъ нашихъ, они въ бѣшенномъ изступленіи погибали на штыкахъ и даже прорывались сквозь фронтъ стрѣлковъ, за которымъ, по окончаніи дѣла, поднято до 80-ти ихъ труповъ, проколотыхъ холоднымъ оружіемъ нашимъ. Здѣсь-то при одномъ изъ подобныхъ случаевъ раненъ былъ и Николай Никитичъ Головачевъ.

Всѣ рассказы объ описанномъ горячемъ дѣлѣ дополняются свѣдѣтельствомъ участниковъ, что во все время боя отчетливо было слышно пѣніе и пронзительныя возгласы одобренія женщинъ, засѣвшихъ въ ближайшихъ садахъ и зорко слѣдившихъ за ходомъ боя, при чемъ въ самыя рѣшительныя минуты онѣ показывались на полѣ сраженія и, подъ свистомъ пуль, примѣромъ мужества ободряли отцовъ, мужей и братьевъ идти на смерть.

Вообще дѣло 15-го іюля совершенно измѣнило воззрѣніе наше на непріятели. Презрительное мнѣніе объ его военныхъ качествахъ смѣнилось заслуженнымъ имъ должнымъ уваженіемъ.

Еще нѣсколько словъ о Батманѣ и Рейнау. Оба они уроженцы Швеціи, оба воспитывались въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ и съ одного дня оба подвизаются на военномъ поприщѣ, тѣломъ и душою отдавшись службѣ. Командуя въ одномъ чинѣ сосѣдними, въ томъ же батальонѣ, ротами съ большимъ усердіемъ и знаніемъ

дѣла, они пріобрѣли себѣ извѣстность во всемъ округѣ, гдѣ рассказывали о нихъ любопытныя подробности. И въ штабъ-квартирѣ, и въ походѣ оба капитана не знали другого помѣщенія, какъ казарма и палатка, гдѣ они были въ непрерывныхъ и самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ своими солдатами; ѣли кашу изъ общаго котла, пили квасъ и воду изъ общаго бака, хлебали щи однѣми съ ними ложками; жили, говорили, спали и думали за одно съ солдатомъ, который ихъ боготворилъ, но вмѣстѣ боялся. Подобный образъ жизни, безусловно благодѣтельный для познанія всѣхъ нуждъ и потребностей нижнихъ чиновъ ввѣренныхъ имъ частей, тѣмъ не менѣе отрывалъ у нихъ всякую возможность и время бывать въ обществѣ; они всецѣло отдались службѣ и добивались лишь одного— довести свои части до возможнаго совершенства.

Въ лагерѣ Ильялы получилъ я письмо отъ Софьи. Она писала, что стала покойнѣе духомъ, не плачетъ и смирилась передъ злой судьбой... Бѣдная-моя!

Въ Ильялахъ господствовало пока бездѣйствіе, скука, жара и мухи. Но мухи—съ перваго мерцанія утренней Авроры и до заката солнца, вездѣ и всюду! Лѣзли въ лицо, глаза, носъ, ротъ, въ чай и супъ въ такихъ массахъ и съ такимъ остервенѣніемъ, что ничего подобнаго представить себѣ невозможно. Что мы ни предпринимали къ ихъ истребленію, и огнемъ, и мечемъ, и водой, и дымомъ, не было силъ ихъ уничтожить. Вечеромъ только и дышали мы, только и успокоивались отъ раздраженнаго дневнаго состоянія. Однажды за ужиномъ Милютинъ обратился къ Михаилу Дмитріевичу, нашему постоянному посѣтителю, съ слѣдующими словами:

— Вотъ, Скобелевъ, ты только понапрасну изопряешь умъ свой для достиженія завѣтной мечты твоей—заслужить георгіевскій крестъ, а возможность у тебя есть теперь подъ руками, а ты ее не хватаешь!

— Какъ? Гдѣ? говори, ради Бога!—вскочилъ Скобелевъ.

Милютинъ развилъ ему мысль, чтобы онъ взялся изслѣдовать отсюда путь, не пройденный отрядомъ Маркова, до колодезь Имды-Кудукъ, и этою рекогносцировкой опредѣлил бы важный вопросъ для всѣхъ, а для кавказскихъ войскъ въ особенности, былъ ли этотъ путь доступенъ движенію отряда, или нѣтъ. Приблизительно отъ Ильялы до Имды-Кудука, судя по картѣ, было отъ 140 до 150 верстъ степи, переѣздъ черезъ которую, конечно, сопряженъ былъ съ очевидною опасностью встрѣчи съ шляющимися кругомъ насъ партіями іомудовъ, но «qui ne risque rien, ne gagne rien»,—повершилъ Милютинъ.

Какъ въ порохъ искра, такъ мысль эта воспламенила воображеніе Скобелева... Онъ въ мигъ преобразился, сталъ самъ не свой. На лету сдѣлавъ свои соображенія, онъ, кажется, въ ту же минуту

не откладывая въ долгій ящикъ, готовъ былъ ринуться по направленію Инды-Кудука, и только, когда мы ему напомнили, что безъ разрѣшенія властей на это предпріятіе пуститься нельзя, а просить этого ночью невысказимо, пылкій Скобелевъ нѣсколько успокоился, съ твердымъ намѣреніемъ на другой день, раннимъ утромъ, бѣжать къ Троцкому просить, хлопотать, умолять объ отпускѣ его въ степь.

Но это оказалось не такъ легко. Константинъ Петровичъ сначала и слышать не хотѣлъ объ отпускѣ Скобелева и, только спустя нѣкоторое время, согласился на наши просьбы. Итакъ, наканунѣ нашего выступленія къ Хивѣ, всѣ мы были въ суетѣ, но Скобелевъ въ исключительной. Съ утра онъ леталъ по всѣмъ направленіямъ и только мелькомъ успѣлъ сообщить, что уже былъ у начальства, и что къ вечеру все будетъ готово къ его отъѣзду. У меня взялъ онъ лошадь, моего маленькаго сѣраго.

Въ ту же ночь, во время нашего ужина, послышался топотъ коня. Я вышелъ и въ темнотѣ не могъ разобрать, кто остановился у нашей палатки, и только по голосу узналъ всадника. Скобелевъ, въ туркменскомъ костюмѣ, высокой шапкѣ и вооруженный съ головы до ногъ, стоялъ передъ нами и просилъ благословенія на дальній, опасный путь... Мы вынесли ему стаканъ краснаго вина, чокнулись, онъ толкнулъ коня и былъ таковъ. Дай ему Богъ успѣха, но увидимся ли съ нимъ?—подумали, вѣроятно, всѣ.

Мы же, въ свою очередь, опять запагали къ Хивѣ, но уже съ другимъ, болѣе спокойнымъ настроеніемъ. Шла рѣчь о предстоящемъ отступленіи отрядовъ по домамъ и отправленіи части главной квартиры на каюкахъ и пароходахъ въ Казалинскъ; Константинъ же Петровичъ хотѣлъ непременно самъ вести туркестанскій отрядъ обратно въ Ташкентъ. Все время переходовъ Кауфманъ былъ очень милъ, любезенъ, внимателенъ, приглашалъ меня и Милютина на привалѣ прилечь на его коверъ, угощалъ походной закуской, увлекался обычнымъ краснорѣчіемъ и отъ души смѣялся, когда, въ свою очередь, слышалъ что нибудь комичное, ему незнакомое.

Переходъ до Хивы совершился бы вполне благополучно и спокойно, если бы не грустное происшествіе съ Бергомъ, который при вѣздѣ на всемъ карьерѣ въ узкія улицы столицы упалъ съ лошади и безъ чувствъ былъ поднятъ съ разможенной щиколдой правой ноги.

Всѣ опять размѣстились въ прежнемъ лагерѣ по своимъ мѣстамъ. На другой день, только что мы проснулись и изъ залы нашей вышли на террасу пить утренній чай, по плитамъ двора раздался топотъ лошади, и глазамъ нашимъ представился—Скобелевъ. Съ темно-бронзовымъ отъ загара лицомъ, въ кителѣ, покрытомъ густымъ сло-

емъ пыли, соскочилъ онъ съ лошади и бросился въ наши объятія. Никуда не заѣзжая, прямо изъ экскурсіи своей онъ явился къ намъ и, пока приводилъ туалетъ свой въ порядокъ, мылся и пилъ чай, успѣлъ подробно разсказать о всѣхъ приключеніяхъ съ нимъ, втеченіе девятидневной разлуки съ нами.

Скобелевъ предпринялъ экспедицію отъ Ильялы до Имды-Кудука, а оттуда обратно до Хивы, самъ-шесть, то-есть имѣя въ сопровожденіе трехъ туркменъ, льготнаго казака оренбургскаго войска и ех-крѣпостнаго форејтора, нынѣ служащаго при немъ по найму—Мишку. Вооруженные Скобелевымъ, всѣ они, какъ и самъ временный повелитель ихъ, одѣты были туркменами, съ соблюденіемъ всѣхъ мѣстныхъ условій до тонкости и имѣли подъ собою добрыхъ лошадей, взятыхъ въ лагерьъ подъ Ильялы. Выѣхавъ ночью съ 2-го на 3-е число, группа направилась на западъ и, осторожно подвигаясь впередъ, въ первый день благополучно достигла колодца, очень скуднаго водой, за 32 версты отъ нашей позиціи. Скобелевъ измѣрялъ разстоянія быстротой хода лошади и на всемъ пути носилъ на планъ все, что онъ встрѣчалъ по дорогѣ или видѣлъ по сторонамъ, на горизонтѣ. Въ нѣсколько листовъ склеенный *сгоуіс* всего пройденнаго пути до самыхъ колодцевъ Имды-Кудука отчетливо указывалъ на кряжи, возвышенности и барханы, занесенные Скобелевымъ съ поверстнымъ указаніемъ ихъ, отъ избраннаго имъ направленія. На второй день наши туристы проѣхали 37 верстъ и хотя на горизонтѣ, слѣва отъ себя, замѣтили нѣсколько человѣкъ конныхъ, но добрались до колодцевъ и переночевали на нихъ безъ всякихъ происшествій. Третій переѣздъ въ 34 версты совершился благополучно; но только что, напоивъ коней, они расположились на отдыхъ, вдали показалась партія іомудовъ, направлявшаяся прямо къ ихъ колодцу. Туркмены-проводники Скобелева, немедленно уложили его на землю и, накрывъ кошмами, категорически потребовали отъ него не подавать признаковъ жизни и недвижимо ожидать, пока непрощенные гости не уѣдутъ въ степь. Враговъ оказалось до 30 человѣкъ. Они тоже напоили лошадей изъ колодца и, усѣвшись кругомъ, завели разговоры и разспросы: куда и зачѣмъ ѣдутъ встрѣченныя туркмены? Бойко отвѣчая имъ всякую небылицу и указывая на человѣка, скрытаго грудю кошмъ, проводники объяснили любопытнымъ, что это ихъ караванъ-башъ, жестоко заболѣвшій лихорадкой. По признанію этого больного, его дѣйствительно въ то время, около 5 часовъ сряду, бросало и въ жаръ и въ холодъ, не отъ одного удущья подъ войлоками, но и отъ меча Дамокла, висящаго надъ головой его... Но вотъ іомуды отдохнули и, слава Богу, по-добру, по-здорову убрались въ степь. Скобелевъ вздохнулъ свободно.

На четвертый день наши молодцы не видѣли никого, но на ночлегъ нашли очень плохую воду и вообще замѣтили утомленіе ко-

ней по причинѣ глубоко-сыпучаго песка на пути ихъ. На пятомъ переходѣ встрѣтили на перепутьи пять іомудовъ, съ которыми обмѣнялись пустыми вопросами и разъѣхались безъ послѣдствій. На шестой день очень большой перегонъ въ 40 верстѣ наши всадники совершили съ великимъ затрудненіемъ, такъ какъ ихъ лошади до того измучились, что послѣднія двѣнадцать верстѣ до цѣли имъ пришлось тащить ихъ въ поводу. Но какъ бы то ни было, Господь помогъ имъ достигъ желаннаго пункта живыми и безъ пролитія крови, а все остальное было забыто.

Тутъ-то, на слѣдующее утро, когда они были такъ далеки отъ возможности трагической развязки и спокойно кейфовали у Имды-Кудука, перечисляя всѣ опасныя минуты, испытанныя ими на пройденномъ пути, едва, едва не случилось съ ними происшествіе, могущее имѣть страшныя послѣдствія.

Не стѣсняясь ничѣмъ, туристы, окрѣпнувъ послѣ продолжительнаго сна, весело и безопасно стали болтать между собою на природныхъ языкахъ и увлеклись до того, что не обратили должнаго вниманія, какъ молодой пастухъ, отдѣлившійся отъ своего стада барановъ, подошелъ къ колодцу, зачерпнулъ воды и, отойдя отъ нихъ нѣсколько шаговъ, растянулся на солнцѣ не спать, а внимательно слушать ихъ рѣчи. Прошелъ часъ или болѣе, какъ беззаботно галдѣвшая группа наша случайно увидѣла мальчишку, во всю прыть бѣгущаго мимо стада своего, въ степь, оглашая воздухъ пронзительными криками. Встревоженные туркмены въ одинъ мигъ сообщили грозившую имъ опасность, и вся компанія, не теряя минуты, вскочила на коней и въ карьеръ бросилась въ обратный путь. Терять время дѣйствительно было невозможно, потому что пастухъ, добѣжавъ до ближайшаго кочевья іомудскаго, поднялъ тамъ тревогу и болѣе сотни враговъ понеслись по пятамъ бѣглецовъ. Скобелевъ говорилъ, что они обязаны своимъ спасеніемъ единственно рѣвности своихъ коней, вдоволь напившихся воды и съѣвшихъ накануне усиленную дачу ячменя.

Окончивъ разсказъ, Скобелевъ поспѣшилъ свѣрить свой кроки съ общою картой степей хивинскихъ и пошелъ явиться начальнику штаба Троцкому, который, въ свою очередь, не замедлил доложить о томъ начальнику отряда. Кауфманъ, послѣ тщательной провѣрки всѣхъ фактовъ, поблагодарилъ всю команду и въ награду навѣсилъ на каждого изъ подвижниковъ Скобелева по знаку отличія и вручилъ, кромѣ того, по 50 рублей на человѣка.

Миша Скобелевъ во время этой сцены издали слѣдилъ за ходомъ и развязкой дѣла, могущаго имѣть для него впослѣдствіи громадное значеніе. Для обсужденія же лично его подвига должна была быть назначена кавалерская дума, которая и состоялась уже въ Ханкахъ, въ 25-ти верстахъ отъ Хивы.

Недоброжелатели Михаила Дмитриевича, конечно, горячились и представляли резоны, но послѣ бурнаго засѣданія все кончилось лаконическимъ приговоромъ большинства: «достоинъ по § 15-му статута».

Этотъ же день, 14-го августа, участники шахризьябской экспедиціи праздновали обѣдомъ. Щербинскій, Фриде, Меллеръ и я устроили празднество въ нашей палаткѣ и пригласили Милютина. Троцкій же, къ сожалѣнію, долженъ былъ ѣхать съ Кауфманомъ вверхъ по Аму-Дарьѣ для избранія мѣста подъ крѣпость, которую, до отступленія нашихъ войскъ изъ ханства, должны были заложить здѣсь для помѣщенія гарнизона, остающагося въ краѣ для вѣщней гарантіи нашего протектората надъ ханомъ и также взаимія военной контрибуціи.

Обѣдъ нашъ былъ веселый, оживленный и во всѣхъ отношеніяхъ обильный. Увидѣвъ мимо проходящаго Скобелева, мы захватили его къ себѣ, поздравляли, пили его здоровье, примѣривали на немъ мой крестъ, провозглашали тосты за Абрамова, Троцкаго и другихъ участниковъ побѣды, одержанной три года назадъ, и проч. и проч. Вдругъ въ самый разгаръ я увидѣлъ идущаго къ намъ въ парадной формѣ флигель-адъютанта. Не вѣрю глазамъ своимъ, — оказывается Флитъ.

Минуту спустя, мы обнимали его, и опять полились вино и поздравленія и не его одного, только что прибывшаго изъ Петербурга, а и многихъ другихъ. Головачевъ и Веревкинъ получили ордена св. Георгія 3-й степени и т. д. Намъ остальнымъ пока еще ничего не вышло, кромѣ поголовнаго пожалованія годоваго, не въ зачетъ, жалованья. Нижнимъ же чинамъ выслано было государемъ до тысячи георгіевъ и, кромѣ того, объявлено о медали въ память хивинскаго похода 1873 года.

Передъ вечеромъ вернулся на бивуакъ начальникъ отряда, очень обрадованный встрѣчей съ неожиданно вернувшимся Флитомъ, который, между прочимъ, лично поздравилъ Троцкаго съ монаршею милостью, назначеніемъ его въ свиту его величества.

Весь тотъ вечеръ и слѣдующій день продолжались поздравленія, ликованія и вспрыскиванія, а затѣмъ былъ парадъ, на которомъ Кауфманъ съ георгіевской звѣздой собственноручно навѣсилъ множество крестовъ на нижнихъ чиновъ, въ эту торжественную минуту забывшихъ навѣрное все горе, всю тяжесть и бѣдствія, перенесенныя ими и во все горло отъ глубины души кричавшихъ «ура».

Участь наша была рѣшена. Большая часть главной квартиры, всѣ больные и раненые и нѣкоторые тяжести и трофеи, подъ начальствомъ генерала Бардовскаго, отправлялись на каюкахъ внизъ по Аму-Дарьѣ до пароходовъ «Самаркандъ» и «Перовскій», ожи-

давшихъ насъ въ 60-ти верстахъ отъ устья въ Аральское море. Самъ Кауфманъ съ войсками туркестанскаго отряда, за исключеніемъ 5 ротъ, остающихся въ новой крѣпости нашей Петро-Александровкѣ, шелъ обратно тѣмъ же путемъ до Ташкента, а прочіе отряды должны были идти каждый въ свою сторону. Итакъ хивинскій походъ конченъ. Здѣсь оставался облеченный въ должность военнаго губернатора Н. А. Ивановъ, бывшій правитель дѣлъ За-равшанскаго округа.

Курьеромъ съ донесеніемъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ и отступленіи отрядовъ ѣхалъ Дитмаръ. Милютинъ же предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ въ моему тарантасѣ, по его курьерской подорожной.

Каюковъ было снаряжено до 40 штукъ. На каждое подобное судно назначено было два лодмана нашей аральской флотилии; прислуга перетащила наше имущество, устроила пологъ, поставила кровати, а главное печь на носу для варки намъ пищи во время плаванія, которое должно было продолжаться не менѣе шести дней до встрѣчи пароходовъ.

Всѣ отъѣзжавшіе были собраны къ ставкѣ командующаго войсками. Онъ вышелъ и сказалъ напутственную рѣчь, но я замѣтилъ, что, прощаясь со мной, очень холодно отнесся къ моему особѣ. Я уже и раньше видѣлъ поворотъ въ расположеніи ко мнѣ начальника отряда и не безъ основанія предположилъ, что кто-то изъ друзей-пріятелей постарался удружить мнѣ. Подѣломъ тебѣ, Владиміръ Алексѣевичъ, практичнѣе было бы не соваться въ чужія дѣла, не принимать къ сердцу неловкихъ положеній, затрудненій и проч., а главное не горячиться и не кричать о своемъ мнѣніи на всѣхъ перекресткахъ,—вотъ я и прослылъ чуть ли не нарушителемъ общественнаго спокойствія. «Вѣкъ живи, вѣкъ учись!»—совѣтъ дѣльный, только не для «горбыхъ, которыхъ одна могила исправить».

Шестидневное странствованіе наше внизъ по теченію Аму-Дарьи имѣло, какъ и все на свѣтѣ, свои хорошія и дурныя стороны. Рано утромъ, при восходѣ солнца, чистый и даже свѣжій воздухъ на водѣ имѣлъ безспорную прелесть, особенно при сравненіи съ удушіемъ въ пыльной степи. Но вотъ лучи солнечные начинаютъ вертикально пригрѣвать и печь наши пловучія скорлупы, очень прозрачно прикрытыя тонкимъ пологомъ, и вскорѣ заставляли забывать о мимолетной по утрамъ прохладѣ. Отъ полудня до пятого часа дышалось съ трудомъ, и плывя по водѣ, плаваешь въ то же время и въ испаринѣ. Передъ вечеромъ и до заката солнца опять становилось легче, но тутъ появлялись предвѣстники, а въ слѣдъ за ними ужаснѣйшій бичъ камышей и низменныхъ береговъ рѣки—мириады злѣйшихъ комаровъ. Ни сѣтки, ни ѣдкій дымъ и всякое курево—ничто не умаляло ожесточеннаго натиска этихъ безпощадныхъ кровопійць, густою и непрерывною тучей проникающихъ

всюду. Мнѣ кажется, что для нервнаго субъекта дѣйствіе комаровъ въ такомъ неизмѣримомъ количествѣ, какъ на Аму-Дарьѣ,—та же инквизиторская пытка. Теченіе Аму довольно быстрое, а фарватеръ ея, при настоящемъ разливѣ очень капризный, извилинами своими между тысячею мелкихъ острововъ, доступный лишь немногимъ мѣстнымъ рыболовамъ, изъ которыхъ двое проводниковъ и смѣнялись обязательно на передовомъ каюкѣ Бардовскаго.

На шестыя сутки пересѣли мы на пароходъ. Наша компанія попала на «Самаркандъ». Раненые же и больные размѣщены были на «Перовскомъ».

Въ морѣ дулъ вѣтеръ, но было до такой степени сносно, что мы въ каютѣ составили пульку въ преферансъ, Дитмаръ, Милютинъ, Голицынъ и я. Стало покачивать сильнѣе, но крупные ризы и въ особенности «несчастные раздѣлы», на которые нарывался Голицынъ, отвлекали наше вниманіе отъ разгулявшейся стихіи, но наконецъ пароходъ начало такъ жестоко бросать и вверхъ и внизъ, что одновременно полетѣли со стола карты съ мѣлками, и насъ отбросило въ сторону. На палубѣ непривычнымъ рѣшительно нельзя было удержаться. «Самаркандъ» несло, какъ щепку, то поднимая высоко, то стремительно бросая внизъ. Со всѣхъ сторонъ слышались робкіе ахи или протяжные охи страждущихъ пассажировъ, но веселыхъ возгласовъ и рѣчей не было и быть не могло, такъ какъ моряки были слишкомъ заняты своимъ дѣломъ, а среди насъ не было ни одного равнодушнаго зрителя. Не смотря на то, что Аральское море очень мелко у береговъ, плаваніе по нему въ бурю не безопасно, особенно на такомъ плоскодонномъ пароходѣ, какъ «Самаркандъ». Быстро разыгралась буря, но еще быстрѣе успокоилась, ее смѣнилъ штиль полный, невозмутимый. Стала видна темная полоска на горизонтѣ. Мы были уже у устья Сыръ-Дарьи.

Въ Казалинскѣ ждалъ меня мой ташкентскій тарантасъ, доставленный сюда по распоряженію Медынскаго, при миломъ отъ него письмѣ, и скоро мы катили уже съ Алексѣемъ по широкой, знакомой степи.

Въ Москву я пріѣхалъ усталый и физически и нравственно. Докторъ уложилъ меня даже въ постель.

Разъ, послѣ обѣда, къ подѣзду подкатилъ экипажъ, и Андрей доложилъ мнѣ: «полковникъ Скобелевъ». Представивъ его на ходу женѣ и дядѣ, я провелъ его къ себѣ въ гостиную, гдѣ онъ бросился обнимать и цѣловать меня. Престранная у него манера цѣловаться, тѣмъ болѣе, что кто же изъ насъ придаетъ вѣры въ его искреннее расположеніе? Онъ благодарилъ меня за неліцепріятное рѣшеніе въ кавалерской думѣ. Но вѣдь, умаляя въ нѣкоторомъ родѣ свою заслугу, онъ бросаетъ тѣнь на мое безпристрастіе и ставитъ меня въ неловкое положеніе. Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ без-

спорно умный и очень образованный человекъ, природная даровитость и выдающіяся способности котораго, конечно, ставятъ его гораздо выше многихъ. Онъ дѣятеленъ, предприимчивъ и очень энергиченъ, но для достиженія своихъ цѣлей не останавливается ни передъ какими средствами. Поэтому неудивительно, что Скобелевъ, съ выдающеюся красивою наружностью, а особенно талантливостью и умомъ, нигдѣ не могъ ужиться, не перессорившись и не возстановивъ противъ себя многихъ, чему явнымъ доказательствомъ служить его скитальческая служба. Сначала кавалергардъ, потомъ гродненскій гусарь, академикъ, строевой и штабный офицеръ, онъ переходилъ изъ одного военнаго округа въ другой, нигдѣ не удовлетворяя себя, но и наживая массу враговъ. Николаевская военная академія, признавъ блистательные успѣхи его въ наукахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пять лѣтъ тормозила переводъ его въ генеральный штабъ, и все это изъ-за его строптивости и безграничной предприимчивости къ удовлетворенію страстей своихъ. Съ подобною настойчивостью онъ, вѣроятно, добьется очень многого. Въ настоящую минуту Скобелевъ счастливъ. Государь императоръ, согласно постановленію думы, поздравилъ его въ Ливадіи съ георгіевскимъ крестомъ, и онъ, повидимому, вполне доволенъ, но надолго ли. Ненасытная натура его начинаетъ снова работать, и онъ для удовлетворенія чудовищнаго честолюбія лбомъ пробьетъ стѣну, чтобы изобрѣсти путь къ дальнѣйшему ходу своей карьеры.

Оправившись и отдохнувъ, я успѣшилъ отправиться въ Петербургъ и успѣлъ даже представиться въ числѣ прочихъ ташкентцевъ Константину Петровичу Кауфману, недавно сюда только прибывшему.

26-го ноября состоялся праздникъ георгіевскихъ кавалеровъ. Онъ начался выходомъ въ Зимнемъ дворцѣ и освященіемъ знамени, что тянулось очень долго. Знакомыхъ и друзей я, конечно, встрѣтилъ множество. Изъ дворца съ Абамеликомъ заѣхали къ Львовымъ, гдѣ я выждалъ до 5¹/₂ часовъ и отправился на обѣдъ въ Зимній дворецъ. За обѣдомъ я сидѣлъ между Граббе и графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ и противъ Мезенцева. Послѣ обѣда, когда государь *faisait salon*, его величество подошелъ ко мнѣ и не менѣе 10 минутъ изволилъ милостиво разговаривать, начавъ вопросомъ:

— А развѣ ты еще не получилъ назначенія и все еще состоишь по арміи?

Потомъ послѣдовали другіе: о ранахъ, о здоровьѣ, о томъ, гдѣ началъ службу, въ Преображенскомъ или Куринскомъ полку (государь не разъ смѣшивалъ меня и раньше съ братомъ Алексѣемъ).

— Я знаю, что теперь ты изъ Хивы, и знаю это не по одной медали, которую на тебѣ вижу (наканунѣ Георгіевскаго праздника намъ, хивинцамъ, были доставлены медали).— Неужели ты въ Куринскомъ полку еще засталъ Меллера-Закомельскаго?— продолжалъ государь.

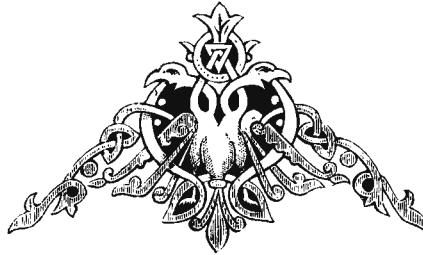
На отвѣтъ мой, что при немъ я прослужилъ пять лѣтъ офицеромъ, его величество изволилъ полюбопытствовать, кто командовалъ батальономъ куринцевъ въ Чолокскомъ сраженіи.

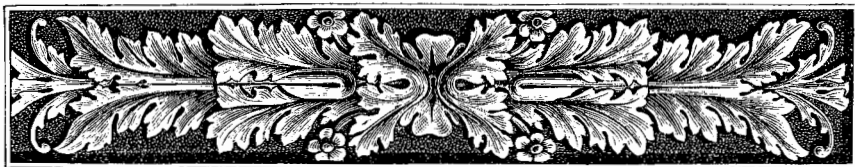
— Несчастный флигель-адъютантъ вашего императорскаго величества Бревернъ,—отвѣтилъ я.

— Представъ себѣ,—замѣтилъ на это государь,—что ему по настоящее время ни на волосъ не лучше! Онъ въ maison de santé, около Митавы, и никакой надежды не подаетъ къ выздоровленію.

В. А. Полторацкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

ХV.

Прикомандированіе меня въ Московскому военному округу.—Поѣздка въ Скерневицы.—Свиданіе съ княземъ А. И. Барятинскимъ.—Любевный пріемъ, оказанный мнѣ Барятинскимъ.—Жизнь въ Скерневицахъ.—Разказы князя Барятинскаго.—Возвращеніе мое въ Москву.—Назначеніе въ Крымъ формировать крымско-татарскіе эскадроны.

ВОЗВРАЩАТЬСЯ служить въ Туркестанъ я по многимъ причинамъ не хотѣлъ и потому, впредь до какого либо особаго назначенія, съ удовольствіемъ принялъ прикомандированіе мое къ Московскому военному округу, что давало мнѣ возможность пожить съ семьей въ Москвѣ и устроить свои личныя дѣла. Пользуясь же даннымъ мнѣ отпускомъ, я рѣшилъ навѣстить своего бывшаго начальника, князя А. И. Барятинскаго, и въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ посоветоваться насчетъ дальнѣйшей моей службы.

Недолго думая, послалъ я въ Скерневицы слѣдующую телеграмму: «Давнишній подчиненный Куринскаго полка просить разрѣшенія представиться вашему сіятельству», на что черезъ четыре часа получилъ отвѣтъ: «Очень буду радъ вашему посѣщенію. Барятинскій».

Въ 12 часовъ дня 11-го февраля (1874 г.) сѣлъ я въ вагонъ курьерскаго поѣзда и послѣ тридцати-одного часового пути пріѣхалъ въ Варшаву. Съ дебаркадера въ омнибусѣ отправился я въ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 759.

Европейскую гостиницу, гдѣ, поужинавъ довольно рано, уже въ 10 часовъ завалился спать, рассчитывая на слѣдующій же день продолжать свой путь въ Скерневицы, всего въ двухъ часахъ ѣзды отсюда. Всю дорогу до Варшавы, не встрѣтивъ души знакомой, я могъ, конечно, обдумать, что и какъ стану говорить фельдмаршалу, но остановился на томъ, что скажу ему, какъ Богъ на сердце положить, а загадывать впередъ всю нить объясненій рѣшительно не могъ. Къ тому же я вѣдь робокъ по натурѣ (вотъ чему бы не повѣрили враги мои!), и малѣйшее шиканье можетъ окончательно меня сбить съ толку.

На слѣдующій день, во второмъ часу, подкатываю я въ Скерневицы и прямо съ вокзала собираюсь идти во дворецъ къ фельдмаршалу, какъ объявляютъ мнѣ, что князь только-что уѣхалъ въ Варшаву на встрѣчу австрійскаго императора и пробудетъ въ отсутствіи болѣе сутокъ. Не зная сначала, на что рѣшиться, я пустился отыскивать Витгенштейна, такъ какъ и Кузнецовъ, по свѣдѣніямъ на станціи, уѣхалъ съ фельдмаршаломъ, и засталъ его въ суетѣ и хлопотахъ по случаю переѣзда его въ новое въ саду помещеніе. Дѣло въ томъ, что князь Барятинскій переломалъ всю внутренность дворца и передѣлывалъ его заново; во флигелѣ онъ помѣщался самъ съ княгиней и съ многими у него живущими, а всѣ остальные комнаты завалены были ящиками, сундуками, мебелью, посудой и проч., до окончанія работъ во дворцѣ.

Витгенштейнъ любезно предложилъ мнѣ представиться княгинѣ Барятинской и затѣмъ дожидаться возвращенія князя Александра Ивановича; но я за лучшее счелъ съ первымъ же поѣздомъ ѣхать за его сіятельствомъ въ Варшаву. Такъ я и сдѣлалъ и въ тотъ же день, въ седьмомъ часу пустился въ Лазенки, мѣстопробываніе генераль-фельдмаршала.

«Его сіятельства нѣтъ дома»,—было первое извѣстіе; но полковникъ Кузнецовъ, услышавъ о моемъ появленіи, приглашаетъ меня войти къ нему, объявивъ при этомъ, что князь непременно объявится вернуться къ 7^{1/2} часамъ.

Въ числѣ нѣсколькихъ ожидающихъ тамъ же возвращенія фельдмаршала былъ управляющій Варшавскими театрами, Мухановъ, съ которымъ хозяинъ и познакомилъ меня, и только когда онъ, не дождавшись князя, уѣхалъ, я вспомнилъ, что давно былъ съ нимъ знакомъ въ Москвѣ, когда еще былъ уланомъ.

Кузнецовъ, прочитавъ привезенное мною къ нему письмо Фадѣева, засыпалъ меня любезностями, при чемъ поспѣшилъ объяснить, что всякія рекомендаціи для меня лично совершенно излишни, такъ какъ онъ, Кузнецовъ, много наслышался о службѣ моей на Кавказѣ и даже неоднократно тамъ видѣлъ меня, когда еще былъ при штабѣ писаремъ, о чемъ онъ не разъ съ достоинствомъ заявлялъ. Теперь же Кузнецовъ былъ полковникъ, личный адью-

тантъ генераль-фельдмаршала, довѣренный и совершенно свой человекъ въ домѣ князя Александра Ивановича, а что всего удивительнѣе—вполнѣ развитой, интеллигентный членъ общества, бѣгло объясняющійся на французскомъ и англійскомъ языкахъ и, что всего достойнѣе, пользующійся общимъ уваженіемъ, какъ личность разумная, милая и вполнѣ заслуживающая симпатіи по уму и умѣнью съ достоинствомъ всюду держать себя.

Въ началѣ 9-го часа послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа, и, минутою спустя, въ передней раздался нетерпѣливый голосъ: «Дайте мнѣ поскорѣе взглянуть на него!»,—а затѣмъ спѣшными шагами, не снявъ съ себя шинели, вошелъ въ комнату Кузнецова фельдмаршалъ и, схвативъ меня за руку, повлекъ ближе къ освѣщенію, чтобы, какъ выразился онъ, «хорошенько разсмотрѣть стараго пріятеля». Князь, любезно замѣтивъ, что я мало измѣнился, выразилъ полное удовольствіе меня видѣть, а когда я ему сказалъ, что сейчасъ изъ Скерневицъ, онъ воскликнулъ, что, не ожидая меня такъ скоро, не сдѣлалъ на мой счетъ никакихъ распоряженій.

Пригласивъ все общество къ себѣ на верхъ пить чай, князь усадилъ меня возлѣ себя и спросилъ, узналъ ли бы я его послѣ 18 лѣтъ, въ которыя будто бы онъ такъ страшно измѣнился и постарѣлъ. Я нашелъ противное: не то, чтобы князь помолодѣлъ, нѣтъ—но, слыша объ его болѣзняхъ и дряхлости, я по правдѣ не представлялъ себѣ его такимъ молодцомъ. Когда я выразилъ ему это мнѣніе, онъ очень любезно замѣтилъ: «видно, что Полторацкому я нуженъ, онъ противъ правилъ своихъ мнѣ льститъ!» И тутъ же, какъ бы изъ опасенія, что этимъ замѣчаніемъ мнѣ причинилъ неудовольствіе, усугубилъ свою привѣтливость и вниманіе. До десяти часовъ вечера, прерывая общій разговоръ съ присутствующими, князь неоднократно обращался ко мнѣ съ подробными разспросами о моей отставкѣ, женитьбѣ, дѣтяхъ, предводительствѣ и въ особенности объ опредѣленіи вновь на службу и хивинскомъ походѣ. Въ свою очередь князь рассказалъ всему обществу о разныхъ продѣлкахъ моей юности, не упустивъ, изъ ихъ перечня, эпизода на Гойтѣ и сумасброднаго прыжка въ тифлисскомъ театрѣ.

— Однако, послушайте, мой милѣйшій сослуживецъ, въ какомъ я передъ вами положеніи! Весь дворецъ переломанъ, и какъ ни странно оно покажется всѣмъ, но у князя Барятинскаго нѣтъ теперь свободнаго угла, и мы сами помѣщаемся, какъ сельди въ боченкѣ. Кузнецовъ, придумайте, какъ бы намъ устоять Полторацкаго.

Изъ Петербурга къ тому же надняхъ ожидали они родственницъ князя С. М. Воронцова (англичанокъ—мать съ дочерью), съ которыми послѣдніе дни въ Петербургѣ я встрѣчался у княгини Марьи Васильевны.

— Я полагалъ, — при этомъ замѣтилъ князь, — что вы, Полторацкій, ѣдете къ намъ именно съ этими дамами; вашу депешу я одновременно получилъ съ увѣдомленіемъ князя Семена Михайловича о проѣздѣ и посѣщеніи Скерневицъ его родственницами, и зная, въ какихъ короткихъ отношеніяхъ вы всегда были съ семействомъ Воронцовыхъ, я вообразилъ себѣ, что вы любезно вызвались проводить путешественницъ... Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, ласково обнявъ меня, — я васъ скоро не выпущу. Ахъ, да, вѣдь бывшія Витгенштейновскія комнаты свободны!

И сейчасъ же онъ послалъ приказаніе привести ихъ въ приличный видъ и пригласилъ меня расположиться въ нихъ хорошенько «пожить» въ Скерневицахъ... Какъ ни любезенъ былъ до самой мелочи пріемъ князя Александра Ивановича, но слово «жить» въ Скерневицахъ и разные его планы играть съ нимъ въ пикетъ, ходить въ русскую баню, охотиться на кабановъ и фазановъ и проч., и проч. меня испугали. Нельзя и думать было къ воскресенью вернуться въ Петербургъ. Уже около полуночи, послѣ самыхъ привѣтливыхъ фразъ и пожатій, мы разстались, а на слѣдующій день ему рано нужно было вставать для встрѣчи императора Франца-Иосифа. Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій физически очень мало измѣнился: волосы на головѣ были съ просѣдью, усы и баки бѣлые, но цвѣтъ лица и вся фигура его еще живо напоминали красавца сороковыхъ годовъ. Жаловался онъ на свои ноги, отъ подагры будто бы плохо ему служащія при подъемахъ на лѣстницы, но при ходьбѣ по комнатамъ, въ мягкихъ бархатныхъ сапогахъ, ущербъ этотъ былъ не замѣтенъ, и вообще онъ смотрѣлъ бодро и свѣжо. Не то впечатлѣніе произвело его нравственное настроеніе. Когда онъ упомянулъ, что въ прошломъ году онъ «въ послѣдній разъ» ѣздилъ въ Петербургъ, въ его рѣчи проскользнуло явное неудовольствіе на свое бездѣйствіе. Видимо, честолюбіе съѣдало князя, и онъ только по неволѣ разыгрывалъ роль Цинцината, не соответствующую ни наклонностямъ его, ни вкусамъ... Не смотря, однако, на это, князь такой же былъ, если не болѣе, милый хозяинъ и очаровательнѣйшій собесѣдникъ.

Разсказывая о стѣсненномъ положеніи своемъ въ Скерневицахъ, Александръ Ивановичъ не разъ повторилъ *qu'il était bien mieux logé à Nassaf-urt, comme colonel et chef du régiment au Caucase*, но тутъ же прибавлялъ, что черезъ шесть недѣль у него все устроится, и, кромѣ великолѣпнаго расположенія дворца, гдѣ ему можно будетъ принять и помѣстить на временное пребываніе до ста гостей, онъ отдѣлывается прелестный театръ, въ который труппа варшавскаго императорскаго театра два раза въ недѣлю будетъ пріѣзжать на представленія. Да и теперь въ Скерневицахъ, помимо безконечныхъ гостей и временныхъ посѣтителей князя, ютилось множество

проживающихъ на его иждивеніи, и постоянно содержался значительный почетный карауль.

Однако, до моего переѣзда въ Скерневицы, *avec tous mes paquets*, какъ приглашалъ князь, я тщетно прорыскалъ по непривѣтливымъ улицамъ Варшавы, не найдя знакомой души. Усталый отъ безполезнаго шатанья, я, наконецъ, сѣлъ обѣдать въ общемъ залѣ Европейской гостинницы, гдѣ совершенно случайно наткнулся на личность нѣсколько мнѣ знакомую — Гоголя, бывшаго преобразенца, а въ то время проживавшаго въ своемъ по близости маіоратствѣ. Онъ былъ товарищъ по полку покойнаго брата Алексѣя, но если я былъ доволенъ встрѣчей съ нимъ, то потому, что имѣлъ случай поговорить о почтенномъ отцѣ его, Иванѣ Ивановичѣ, и милѣйшей женщинѣ, его матери, Марьѣ Дмитриевнѣ, рожденной Есаковой. Обоихъ ихъ уже не было на свѣтѣ, но память о нихъ останется священной для всѣхъ ихъ знавшихъ. Въ тотъ же день вечеромъ встрѣтилъ я въ театрѣ Андрея Корфа, своего однокашника по Пажескому корпусу, командовавшаго въ Варшавѣ л.-гв. Литовскимъ полкомъ.

Приѣхавъ на слѣдующій день въ Скерневицы, я нашелъ уже помѣщеніе, и при томъ прекрасное, готовымъ и, приведя себя въ порядокъ, немедленно отправился черезъ садъ во дворецъ князя. Фельдмаршалъ встрѣтилъ меня съ изысканнымъ радушіемъ и тотчасъ же подъ руку повелъ меня въ столовую, гдѣ поочередно представлялъ меня княгинѣ и прочимъ дамамъ, какъ стараго пріятели и боеваго своего товарища. Не смотря на слабость ногъ своихъ, князь при появленіи всякаго экземпляра прекраснаго пола вскакивалъ съ кресла и повторялъ со мною ту же процедуру, но наконецъ, когда въ сборѣ оказался весь наличный комплектъ гостей его, онъ предложилъ мнѣ вести къ столу прелестную женщину, графиню Клейнмихель (рожденную гр. Келлеръ), его племянницу, и сѣсть между ней и княгиней, хозяйкой дома. Во временной, очень небольшой столовой флигеля, занимаемаго теперь княземъ, усѣлись за столъ: красивая Б., затѣмъ пріемная сестра княгини, совершенная красавица южнаго типа, Тебро, и мужчины: графъ Потоцкій (Мориць), князь Витгенштейнъ, графъ Клейнмихель и Кузнецовъ. Самъ хозяинъ за общій столъ не садился, по запрещенію доктора, во избѣжаніе соблазновъ, что, однако, не мѣшало ему изъ сосѣдней комнаты, гдѣ стоялъ приборъ его, ежеминутно появляться къ намъ, угощать гостей и даже смачивать губы свои различными винами, появляющимися ежеминутно въ рукахъ мажоръ-дома. Со мною и хозяинъ и хозяйка были чрезвычайно милы. Я нѣсколько рассчитывалъ на радушный пріемъ, но, признаюсь, и во снѣ не ожидалъ ничего подобнаго. Послѣ обѣда и кофе фельдмаршалъ, гр. Клейнмихель, Витгенштейнъ и я усѣлись играть въ пикеть, *la chouette*, а хозяйка на диванѣ занимала разговоромъ старика

Потоцкаго. Какъ только графъ раскланялся, за нимъ поднялась и княгиня Елизавета Дмитріевна и, пожелавъ намъ всѣмъ счастья въ картахъ, ушла на покой, въ свои комнаты.

— Теперь мы можемъ свободно курить! — объявилъ князь, вынимая портъ-сигаръ свой.

Не могу воздержаться, чтобы не отмѣтить этого, какъ бы казалось съ перваго взгляда, пустаго обстоятельства, но въ сущности служащаго неопровержимымъ доказательствомъ той степени почтительнаго вниманія и уваженія, которыя во всемъ, даже въ мелочахъ, выказывалъ онъ женѣ своей. Она не любила табачнаго дыма, и онъ, этотъ избалованный съ колыбели бояринъ, никогда не признававшій ни въ чемъ стѣсненій и препятствій, смиренно покорялся ея вкусамъ, не позволяя себѣ, точь въ точь, какъ благовоспитанный юноша, въ ея присутствіи закурить папироску... Игра въ *chouette*, сама по себѣ довольно занимательная, но мы невольно отвлекались отъ нея, вслушиваясь въ остроумныя вводныя предложенія краснорѣчиваго князя Александра Ивановича. Не помню, по какому поводу названа была фамилія Ш.

— *A propos, cher ami*, — обратился ко мнѣ князь, — знали ли вы Ш., онъ вѣдь, кажется, участвовалъ въ хивинскомъ походѣ? — На утвердительный отвѣтъ мой, — онъ продолжалъ: — Я очень интересуюсь этимъ молодымъ человѣкомъ, и вотъ вслѣдствіе какого обстоятельства, — и тутъ фельдмаршалъ, сложивъ свои карты на столъ, сталъ рассказывать, какъ въ прошломъ году, за границей, если не ошибаюсь, въ Эмсѣ или Баденѣ, сидя за высочайшимъ столомъ рядомъ съ государемъ, былъ внезапно удивленъ вопросомъ, громко сдѣланнымъ его величествомъ молодому человѣку, сидящему на противоположномъ концѣ стола: «а что, Ш., я слышалъ, ты вчера много выигралъ?» Слова эти привлекли мое вниманіе, и я съ любопытствомъ взглянулъ на незнакомаго мнѣ юношу, въ адъютантскомъ мундирѣ, ожидая почему-то отъ него браваднаго отвѣта. «Да, государь, мнѣ дѣйствительно вчера улыбнулось счастье, и я выигралъ до 40 тысячъ талеровъ», — послѣдовалъ совершенно скромный и глубокопочтительный отвѣтъ баловня судьбы. «Кто такой?» — спросилъ я своего сосѣда справа. Онъ назвалъ фамилію. «Смотри же, Ш., воздержись», — милостиво посовѣтовалъ государь, ласково улыбаясь Ш., который, не обѣщая ничего, глубоко поклонился въ отвѣтъ. *Toute la tenue du jeune homme à l'occasion dite* мнѣ очень понравилась. На другой день, опять также за обѣдомъ, императоръ на этотъ разъ съ сожалѣніемъ обратился къ Ш.: «Ты не послушался меня и вчера за то наказанъ судьбою». — «Точно такъ, ваше величество, и своихъ даже 30 тысячъ прибавилъ», — безъ малѣйшей аффектаціи возразилъ молодой человѣкъ на милостивое къ себѣ участіе своего государя. Этимъ онъ еще больше понравился мнѣ, но впоследствии, къ великому сожалѣнію, я узналъ о его другихъ сла-

бостяхъ. Господа, скажите, онъ дѣйствительно такъ кутить? Опроверженія сказанному отъ насъ не воспослѣдовало, и князь Александръ Ивановичъ внушительно продолжалъ: «да, молодежь не хочетъ слушать благоразумныхъ совѣтовъ, предается невоздержанію и тѣмъ губить не только карьеру свою и репутацію, но и самое дорогое въ жизни—здоровье. Если бы она понимала... Ахъ, ахъ!»—вдругъ вскрикнулъ фельдмаршалъ, отчаянно схвативъ подъ столомъ свою ногу, конвульсивно дергающуюся отъ внезапнаго приступа подагры. Князь перемѣнился въ лицѣ, на которомъ крупными каплями выступилъ холодный потъ, и отчетливо отразились нестерпимыя страданія. Мы всѣ переполошились и растерянно глядѣли другъ на друга. Прошло минуты двѣ... и вдругъ веселый хохотъ князя разразился на всю комнату. «Voilà ce que c'est, quand le diable s'avise à faire morale!»—пояснилъ онъ удивленному его мужествомъ обществу. И дальше мучительная боль въ ногѣ князя не унималась; онъ страдалъ сильно, о чемъ можно было заключить изъ поддергиванія подъ столомъ бархатнаго сапога и по нерѣдкимъ гримасамъ на прекрасномъ лицѣ его, но онъ пересилилъ упрямую подагру и хотя съ меньшимъ увлеченіемъ въ разказахъ, но добросовѣстно слѣдилъ за игрою въ chouette и прекратилъ ее только въ часъ ночи. За четверть часа до окончанія партіи застучалъ по стекламъ оконъ гостинной крупный дождь. Фельдмаршалъ всталъ и, не смотря на больныя ноги свои, вышелъ изъ комнаты, для чего?—чтобы распорядиться, какъ это оказалось нѣсколько времени спустя, объ экипажѣ для моей особы... Какъ, подумаешь, при сравненіи съ Бярятинскимъ, этимъ во всемъ широкомъ значеніи, большимъ бариномъ, мизерны parvenus, съ ихъ заносчивостью и напыщенной гордостью.

Наутро я явился во дворецъ по приглашенію хозяевъ пить утренній чай въ десятомъ часу и затѣмъ до завтрака подъ руку (въ сущности для поддержки слабого ногами фельдмаршала) прогуливался съ нимъ по парку и придворнымъ постройкамъ, гдѣ князь Александръ Ивановичъ являлъ собою типъ отжившихъ свое время крупныхъ помѣщиковъ, еще такъ недавно угощавшихъ дорогие гости своихъ осмотромъ всѣхъ затѣй въ ихъ богатыхъ усадьбахъ. Но здѣсь, въ Скерневицахъ, было на что посмотреть. Помимо великолѣпнаго дворца, уже въ третій разъ нынѣ раставрируемаго, со времени владѣнія имъ княгиней Ловичъ, и всѣхъ соотвѣтствующихъ надворныхъ жилыхъ помѣщеній для штата царскаго, чего-чего не настроено было въ этой бывшей резиденціи въ Вовѣ почившаго великаго князя Константина Павловича и въ краткій срокъ настоящаго временнаго владѣльца князя Бярятинскаго. Кромѣ массы строеній этого маленькаго городка, существовавшихъ съ давнихъ временъ, недавно воздвигнуты были обширныя помѣщенія для почетнаго при фельдмаршалѣ караула, въ составѣ 2-го

стрѣлковаго, имени князя Барятинскаго батальона и команды лейбъ-казаковъ собственнаго его величества конвоя, и производились усиленныя работы при ломкѣ зданія бывшей желѣзнодорожной станціи для перестройки ея въ прелестный, судя по рисункамъ и плану, театр, для котораго два раза въ недѣлю будутъ возить артистовъ императорскаго театра, а за неимѣніемъ достаточнаго на лицо количества живущихъ въ Скерневицахъ и зрителей.

По поводу настоящей резиденціи здѣсь фельдмаршала, князь по возвращеніи со мною во дворецъ разсказалъ мнѣ любопытный эпизодъ этотъ со слѣдующими подробностями.

— Надо вамъ, милый другъ, сказать, — такъ началъ хозяинъ, усѣвшись въ покойныя кресла гостинной, — что, получивъ въ наследство отъ покойнаго дяди, графа Толстаго, майоратство «Деревеньки» въ Курской губерніи, я нашель тамъ до того ветхій домъ и всѣ прочія постройки, что буквально рисковалъ быть задавленнымъ ими, *en un mot c'étaient des ruines*. Что дѣлать? Свободнаго капитала для сооруженія всѣхъ необходимыхъ зданій у меня тогда не было, а согласитесь, что мнѣ, въ моемъ положеніи, при обязательномъ большомъ приѣмѣ и, не скрываю, свойственныхъ мнѣ привычкахъ жить не какимъ нибудь байгушемъ, а широко и открыто, — помѣщаться въ полуразрушенныхъ лачугахъ было бы неудобно и даже неприлично для генераль-фельдмаршала всероссійской имперіи! *Bref, tous ces ennuis me forcèrent à la longue de prendre une décision, — j'écris une lettre à sa majesté!* Вотъ этотъ самый Кузнецовъ, — сказалъ онъ, указывая на Вавила Алексѣевича, — и повезъ государю письмо мое, въ которомъ я, отчетливо объяснивъ свое безвыходное положеніе, просилъ его величество заимообразно, *entendons nous, заимообразно триста тысячъ рублей*. Государь, вникнувъ въ дѣло *et à fin de me tirer d'embaras*, предложилъ министру финансовъ удовлетворить мою просьбу, *mais R. avait des obstacles et force fut à l'Empereur de me la refuser!* Вотъ тутъ-то, мой другъ, и слѣдуетъ достойно оцѣнить великодушіе и безпредѣльную деликатность по отношенію ко мнѣ возлюбленнаго нашего монарха! Его величеству благоугодно было, во-первыхъ, написать мнѣ собственноручное, въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, соболѣзнованіе въ необходимости отказа, а, во-вторыхъ, почтить меня высочайшимъ предложеніемъ принять въ полное пользованіе и пожизненное владѣніе Скерневицы, гдѣ климатическія условія, лучшія, чѣмъ въ Курской губерніи, по мнѣнію его величества, должны были возстановить мое разстроенное здоровье. Но этимъ исторія не кончилась! Въ прошломъ году государю угодно было совершить путешествіе на возлюбленный нами Кавказъ. Намѣстникъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ виду посѣщенія края державнымъ гостемъ, возымѣлъ прекрасную мысль — громадными маневрами воспроизвести движенія, приступы и взятіе Гуняба, съ участіемъ въ нихъ именно тѣхъ войскъ, которыя такъ

славно совершили великій подвигъ, при плѣненіи Шамиля, въ 1859 году. Въ день штурма, совпавшій съ тѣмъ же числомъ, 26-мъ августа, государь императоръ, въ прекрасномъ настроеніи отъ чудной картины величественной мѣстности и молодецкаго духа неподобной кавказской арміи, за большимъ завтракомъ на вершинѣ Гунѣба, изволилъ многихъ присутствующихъ осыпать своими щедротами и соблаговолилъ провозгласить гостя въ мою честь, при чемъ тутъ же былъ отправленъ фельдъегерь съ высочайшимъ министру финансовъ повелѣніемъ о препровожденіи мнѣ трехсотъ тысячъ рублей! Что вы на это скажете?»—Послѣ небольшой паузы князь продолжалъ:—«Ну, и, конечно, я почти всю сумму употребилъ на постройки здѣсь, въ Скерневицахъ!».

Сидѣвшая на диванѣ княгиня дѣлала въ это время знаки по моему адресу, знаменательно указывая головой на мужа, и когда онъ вышелъ изъ комнаты, Елизавета Дмитриевна въ полголоса объяснила мнѣ, что не «почти», а давно уже всѣхъ 300 тысячъ не существуетъ, и что на затѣи здѣсь князя Александра Ивановича убито еще чуть не столько же.

Когда насъ позвали въ столовую, князь Барятинскій взялъ меня подъ руку и увелъ въ сосѣдную комнату.

— В. кое-что передалъ мнѣ о васъ, а вы сами, милый другъ, конфузились прямо говорить со мною. Знайте же, что я такъ расположенъ къ вамъ, что счелъ бы за личное себѣ оскорбленіе, если бы вы, имѣя въ томъ надобность, не обратились откровенно ко мнѣ... Впрочемъ теперь, *une fois la glace rompue*, мы успѣемъ все устроить. Поживите у меня, съ толкомъ поговоримъ и увидимъ, что надо дѣлать.

На мое возраженіе, что я не смѣю болѣе злоупотреблять его гостепримствомъ, князь съ недовольной миной перебилъ меня и поспѣшно увлекъ въ столовую, поручивъ вести къ столу княгиню Елизавету Дмитриевну.

Вечеръ, какъ и раньше, посвященъ былъ *chouette*, за которой горячилась и серьезно распекала дядюшку за разсѣянность живая и очень умненькая племянница, графиня К.

Когда на слѣдующій день появился я въ прихожей княжескаго флигеля, мнѣ сказали, что его сіятельство два раза уже обо мнѣ спрашивалъ и приказалъ, какъ только я приду, пригласить меня къ нему въ спальную. Фельдмаршалъ ночью испыталъ сильнѣйшій приступъ подагры и теперь, слабый и страждущій, лежалъ на широкой постели, среди комнаты. Подходя къ двери, я отчетливо слышалъ его стоны и жалобы сидѣвшей около него княгинѣ Елизаветѣ Дмитриевнѣ, но, когда я ему раскланялся, онъ подозвалъ меня къ себѣ, довольно крѣпко пожалъ руку и, пригласивъ занять уступленное мнѣ княгиней кресло, слабымъ голосомъ сталъ было описывать свои страданія, но княгиня его остановила, напомнивъ о строгомъ запрещеніи доктора, отнюдь не разговаривать.

— Владимиръ Алексѣевичъ будетъ говорить, а ты, Alexandre, пожалуйста, только слушай!—съ милѣйшей улыбкой внушила князю заботливая жена и вышла изъ комнаты больного.

— Садитесь вотъ тутъ, поближе ко мнѣ,—прошепталъ князь,—и расскажите мнѣ подробно всѣ перипетіи хивинской экспедиціи. Молодой Меллеръ-Закомельскій кое-что мнѣ сообщилъ, онъ очень неглулъ, но я бы...

— Вамъ, князь, вредно разговаривать,—перебилъ я словоохотливаго больного.

— Хорошо, я буду молчать, но прежде встаньте и позвоните de grâse.

Я поспѣшилъ исполнить его желаніе, вполнѣ увѣренный, по судорожнымъ движеніямъ подъ простыней, о требованіи посторонней помощи, но когда на зовъ явился камердинеръ, я былъ не мало удивленъ приказаніемъ князя поставить около меня столикъ и принести графинъ съ портвейномъ, такого-то № и года.

— Faites, mon cher, honneur à ce liquide, il est très potable, — добавилъ онъ, когда мнѣ налили объемистую рюмку ярко-золотистаго вина.

По знаку хозяина, камердинеръ поставилъ около меня графинъ и неслышными шагами исчезъ за дверь, а я, осушивъ рюмку (при чемъ невольно вспомнилъ изреченіе кузена моего Павла Александровича Полторацкаго, когда онъ, садясь писать письма и выпивая предварительно спирта, приговаривалъ: «это для бойкости пера!»), приступилъ къ разсказу. Князь все время внимательно слушалъ и хотя, при началѣ моей повѣсти, отъ усиленныхъ страданій, при одномъ прикосновеніи тончайшей простыни къ пальцамъ ноги, стоналъ и зачастую жалобно вскрикивалъ, а я въ этихъ случаяхъ прерывалъ рѣчь мою, князь спѣшилъ убѣждать меня «que ce n'est rien du tout, continuez, je vous prie», и я вновь наэлектризованный продолжалъ повѣствованіе. Долго князь молча слушалъ меня, но мало-по-малу и онъ сталъ оживляться, задавать вопросы и вставлять свои разсужденія. Среди нашей бесѣды фельдмаршалу подали телеграмму изъ Варшавы. Нетерпѣливо пробѣжавъ ее, князь просіялъ, ухмыльнулся и съ плохо скрытою улыбкой самодовольствія, молча ее мнѣ передалъ.

Она гласила: «Вчера прибывъ въ Варшаву, осмѣливаюсь просить позволенія въ четвергъ, 23-го, явиться въ Скерневицы вашему сіятельству. Коцебу».

— Voici, cher ami, ce que c'est que le sort ici bas! Помните въ 1848 году,—lui, aide de camp général, chef d'état major de l'armée, grand personnage, en un mot, — moi, petit colonel, un rien du tout! Et à l'heure qu'il est?.. Онъ разразился непритворно-счастливымъ смѣхомъ.—In'a qu'à venir, le petit homme!.. и тутъ же черкнулъ очень любезную отвѣтную телеграмму.

— Mais voilà une idée,—вдруг сообразилъ князь:—не согласитесь ли вы принять мѣсто и какое именно при Коцебу, въ Варшавѣ? Въ четвергъ онъ здѣсь обѣдаетъ... Хотите?..

Какъ снѣгъ на голову, свалилось мнѣ это внезапное предложеніе, я задумался, но вскорѣ, взвѣсивъ за и противъ, выразилъ князю мою глубокую благодарность, но отъ службы въ западномъ краѣ по многимъ причинамъ отказался. Князь обнялъ меня и тотъ часъ же переѣхалъ разговоръ. Съ этой минуты роли наши измѣнились: фельдмаршалъ заговорилъ, а мнѣ оставалось только слушать. Изъ большинства предметовъ, краснорѣчиво имъ затронутыхъ, конечно, Кавказъ почти исключительно служилъ исходною точкой. Многое я зналъ и прежде, но были и очень любопытные эпизоды, еще мнѣ вовсе незнакомые про Евдокимова, Врангеля, Вревскаго, Бебутова, Веревкина, Едлинскаго и др., изъ числа которыхъ уже многіе сошли съ жизненнаго поприща. Князь Бяратинскій съ увлеченіемъ и полнѣйшей откровенностью вспоминалъ о живыхъ и мертвыхъ. Иныхъ восторженно восхваляя, а другихъ снисходительно шая, онъ перенесся въ хорошее прошлое, оживился, воскресъ!..

За обѣдомъ въ тотъ же день я увидѣлъ новую для меня личность, старика кн. Орбельяни, Дмитрія, отца княгини Бяратинской. Познакомясь со мною, онъ поспѣшилъ объявить мнѣ, что только что вернулся изъ Варшавы, куда на три дня ѣздилъ «повеселиться». Выраженіе это, въ устахъ едва ли не 70-ти-лѣтняго старца, меня покорило, но когда черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ и услышалъ обращеніе съ нимъ нѣкоторыхъ, я былъ просто возмущенъ.

Какъ бы ни былъ простъ, наивенъ жалкій представитель грузинской аристократіи, но въ уваженіе его лѣтъ почему бы не извинить безвредныхъ выходокъ впавшаго въ дѣтство старика, тѣмъ болѣе, когда онъ при этомъ и отецъ всѣми уважаемой хозяйки дома.

Сидя съ ней рядомъ и внимательно слѣдя за выраженіемъ ангельски-добраго лица ея, я безошибочно утверждаю, что она далеко не равнодушно выносила «милая» шутки со старикомъ отцомъ ея...

На мой взглядъ, княгиня Елизавета Дмитриевна далеко не красавица и ею прежде не была; но рѣдко встрѣчалось существо наружности болѣе симпатичной, обходительной и довѣріе внушающей, чѣмъ она. При всемъ высококомъ своемъ положеніи, она замѣчательно проста была въ обращеніи и творила неисчислимыя благодѣянія, за чтò, разумѣется, ее боготворили въ краѣ... Княгиня представляла собой идеалъ доброты, скромности и благодущія, передъ которыми не преклонить колѣнъ было бы просто грѣшно.

Утро слѣдующаго дня я опять провелъ съ княгиней, и она со-всѣмъ сумѣла обворожить меня своимъ умомъ, сердечнымъ тактомъ и теплымъ участіемъ, съ которымъ она меня разспрашивала

про жену, дѣтей, настоящее положеніе и надежды на будущее. На этомъ насъ засталъ фельдмаршалъ, только что вернувшійся съ прогулки. Смѣясь вошелъ онъ въ гостинную и тотчасъ же весело разсказалъ про своего любимца, безсмѣннаго ординарца изъ лейбъ-казаковъ, урядника (фамиліи не помню).

— Представьте себѣ, до какой степени эти наивные люди заблуждаются, взирая на меня, не какъ на простого смертнаго, а какъ на что-то особенное. Шутки въ сторону, *mon cher*, они себѣ ничего почти не представляютъ выше ихъ фельдмаршала, къ которому, по ихъ пониманію, они приставлены, чтобы ограждать, беречь, сдунать съ него пылинки, отнюдь не обращая вниманія на прочихъ. *J'en ai eu mille preuves et en voilà de nouveau une! Ecoutez-donc!* Сейчас подали къ подъѣзду тюльбери. Урядникъ посадилъ меня, и пока я разбиралъ возжи, онъ перебѣжалъ на ту сторону экипажа, какъ я полагалъ, чтобы оправить платье моей спутницы, *madame Бутурлиной*. Совсѣмъ нѣтъ!.. Казакъ безцеремонно потыкалъ ее и, насильственно всунувъ ей въ руку мой портъ-сигаръ, внушительно скомандовалъ въ полъ-голоса: «Смотри, дорогою будетъ спрашивать, подавай ему!» *N'est ce pas sublime?*—залился смѣхомъ фельдмаршалъ...

Многіе изъ недоброжелателей князя А. И. Барятинскаго, какъ прежде, такъ и теперь, обвиняютъ его въ спеси, чванствѣ и чудовищномъ тщеславіи. Отрицать въ немъ ихъ существованіе было бы явнымъ пристрастіемъ, но ставить ему ихъ чуть ли не въ преступленіе—другая крайность, тѣмъ болѣе, если на вѣсы положить его достоинства, какъ полководца, какъ вельможи, какъ рыцаря, какъ честнѣйшаго человѣка... Пригласивъ меня въ свой кабинетъ «тряхнуть стариной», по его выраженію, князь много и мастерски разсказывалъ намъ (за нами вслѣдъ пришли и другіе гости князя) объ экспедиціи на Гунибъ, увѣнчавшейся плѣненіемъ Шамиля и умиротвореніемъ всей восточной части Кавказа, о торжественномъ въѣздѣ его въ Тифлисъ, когда у триумфальной арки встрѣтило князя и забросало цвѣтами и лавровыми вѣнками все высшее общество города, а на разукрашенныхъ коврами улицахъ, вплоть до дворца намѣстника, шпалерами стояли войска, восторженнымъ «ура» привѣтствовавшія покорителя Кавказа и его имама, въ то время, какъ несмѣтныя толпы народа буквально ломились прорвать эту живую стѣну, чтобы только приблизиться къ нему... Послѣдовательно познакомивъ насъ съ главнѣйшими событіями послѣднихъ годовъ его пребыванія на возлюбленномъ Кавказѣ, онъ перешелъ къ описанію испытанныхъ имъ чувствъ упоенія и высшаго благополучія, при счастливомъ извѣстіи о всемилостивѣйшей наградѣ, фельдмаршалскомъ жезлѣ, а затѣмъ вызовѣ его въ Петербургъ. Здѣсь, по свойственному князю чистосердечію, онъ не скрылъ отъ насъ, что во все время длиннаго пути этого онъ не переставалъ

заботиться и опасаться, какъ бы подъ вліяніемъ его опьяниваго счастья не впасть въ невольную ошибку, въ непредвидимый промахъ въ минуту, когда при приѣмѣ его взоры всѣхъ будутъ устремлены на него одного. Здравый смыслъ подсказывалъ мнѣ,—пояснилъ князь,—крайнюю необходимость для самолюбія, чести и достойной поддержки высшаго званія, возложеннаго на меня державною милостію, всячески отстранить тѣ чувства зависти и досады, которыя неминуемо должны были преобладать въ высшихъ сферахъ петербургской бюрократіи къ молодому, сравнительно съ многими изъ нихъ, чуть ли не къ мальчишкѣ, но уже достигшему верховнаго въ военной іерархіи значенія, власти и почета. И знаете ли, господа, какимъ несложнымъ путемъ разрубилъ я этотъ Гордіевъ узелъ?

— Послѣ парадной, пышной и небывало-торжественной мнѣ встрѣчи въ Петербургѣ, гдѣ со станціи желѣзной дороги и до Зимняго дворца, предназначеннаго для моего помѣщенія, триумфальный въѣздъ мой, среди духовенства, войска и народа, сопровождали всѣ высшія военныя и гражданскія власти и дипломатическій корпусъ,—наконецъ, самъ государь императоръ осчастливилъ меня своимъ посѣщеніемъ, изволивъ объявить, что онъ высочайше повелѣлъ на другой же день представиться мнѣ, какъ генераль-фельдмаршалу, всѣмъ чинамъ министерствъ и гвардіи, арміи и флота; однако, я всеподданнѣйше испросилъ всемилостивѣйшаго соизволенія его величества, во вниманіе моей усталости и нездоровья, отложить означенный приѣмъ до послѣзавтра. Государь соблаговолилъ пожаловать просимое разрѣшеніе, а я на другой же день, съ утра натянувъ на себя парадную форму, сѣлъ въ карету и объѣхалъ всѣхъ почетныхъ сановниковъ. Эффектъ былъ блестящій. Польщенные моимъ первымъ къ нимъ визитомъ, они растаяли *et ça va sans dire, m'ont généreusement pardonnés le baton de maréchal, qu'une heure avant ils n'étaient que trop disposés à me jeter entre les roux!*—Князь очень довольный послѣднимъ *bon mot* своимъ, разразился смѣхомъ и продолжалъ: но въ сущности, согласитесь сами, эта... какъ бы назвать? ну, хоть дипломатическая уловка, была съ моей стороны вызвана крайней необходимостью? Могъ ли я допустить, чтобы высокопоставленные въ государственномъ строѣ, заслуженные старцы, какъ Горчаковъ, Орловъ, Киселевъ, Меншиковъ и другіе, qui à la lettre m'avaient vu naître et par conséquent me traitaient encore en gamin, явились бы первыми ко мнѣ въ шарфахъ?

— Особенно мнѣ врѣзался въ память приѣмъ меня княземъ Орловымъ, когда-то нянчившимъ меня ребенкомъ на своихъ колѣнахъ. Послѣ самыхъ теплыхъ его изліяній въ любви, дружбѣ, уваженіи и проч., когда я, раскланявшись съ нимъ, выпелъ, маститый князь А. Ѳ. бросился за мною въ переднюю, собственноручно подаль мнѣ шубу, и когда я, озадаченный этой выходкой, энергически

откланялся, старикъ насильственно протестовалъ, шепнувъ мнѣ на ухо: «Taisez-vous, imbecile que vous êtes! Je sais bien ce que je fais!» и тутъ же подъ руку свелъ меня съ лѣстницы въ одномъ скюртукѣ, безъ шапки проводилъ до кареты, при столпившемся у подъѣзда любопытномъ народѣ. Il va sans dire qu'à la grande reception du lendemain, je n'ai plus aperçu le moindre indice d'hostilité, tous me témoignèrent estime, respect et devouement!

Къ обѣду явились съ поѣзда приглашенные изъ Варшавы командиры: бригады — Эссенъ и полковъ лейбъ-уланскаго — князь Шаховской и Гродненскаго гусарскаго — де-Бальмень. Прохаживавшійся кругомъ насъ фельдмаршалъ (хотя въ тѣхъ же бархатныхъ сапогахъ, но въ лейбъ-гусарской венгеркѣ, съ алмазными жезлами и шифромъ Е. В. на плечахъ) вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Cher Poltoratsky, узнали ли вы этотъ столъ?—при чемъ указалъ мнѣ на стоящій въ углу складной ломберный столъ съ инкрустаціей.

— Нѣтъ, князь, — удивленно отвѣтилъ я, — стола этого я не знаю.

— Да знаете ли, откуда онъ? Отъ вашего покойнаго дяди Константина Марковича Полторацкаго и прибрѣтенъ мною, конечно, не отъ него самого, а отъ какой-то личности, въ наслѣдство его получившей въ числѣ прочей мебели. Мнѣ, какъ страстному любителю всякихъ рококо, и сообщили объ этомъ. А j'en ai fait l'acquisition pour une misère, 200 roubles à peu près; вѣдь прелестный столъ, съ чудной инкрустаціей временъ Елизаветы, подаренный дѣду вашему императрицей Екатериной II.

Когда черезъ нѣсколько дней я прощался съ радушнѣйшими хозяевами, фельдмаршалъ, обнимая меня, успѣлъ шепнуть: «будьте спокойны, я свято исполню обѣщаніе». Но не пришлось мнѣ воспользоваться такъ любезно предложеннымъ содѣйствіемъ въ устройствѣ дальнѣйшей моей карьеры: приѣхавъ въ Москву, А. И. Гильденштубе, мой непосредственный начальникъ, вручилъ мнѣ слѣдующую телеграмму:

«Генералу Гильденштубе.

«Въ Крыму формируется эскадронъ изъ крымскихъ татаръ. Строй драгунскій, вооруженіе легко-кавалерійское, сѣдловка казачья. Желаетъ ли полковникъ Полторацкій и не имѣется ли препятствія къ назначенію его формировать и командовать означеннымъ эскадрономъ?

«Графъ Гейденъ».

Оказалось, какъ я узналъ впоследствии, что государю императору угодно было избрать меня изъ числа многихъ представленныхъ на выборъ его величества, и что высочайшее повелѣніе обо мнѣ состоялось въ Югенгеймѣ, отъ 12-го іюня. Предполагалось сформировать сперва первый, потомъ 2-й и 3-й эскадронъ и такъ до полка. Часть эта въ Крыму впервые создавалась изъ мѣстныхъ татаръ, никогда еще не отбывавшихъ въ Россіи воинской повинности. Государь желалъ, чтобы Крымскій эскадронъ, хотя и регулярной кавалеріи, былъ сформированъ и обученъ непременно по образу и подобию лихаго казачьяго линейнаго войска, словомъ, чтобъ въ немъ совмѣщалось молодечество, подвижность и наѣздничество линейныхъ кавказцевъ. Что касается избранія офицеровъ, то государь изволилъ представить оное личному усмотрѣнію командира. На состоявшемся затѣмъ представленіи моемъ государю, его величество милостиво, какъ всегда, обласкалъ меня.

— А, старый знакомый, здравствуй!—привѣтливо обратился ко мнѣ государь.—И въ новой формѣ! Ну, какъ-то, Полторацкій, ты справишься съ своими татарами?

— Надѣюсь, ваше императорское величество!

— Ты надѣешься, а я такъ увѣренъ, что ты справишься непременно, — и съ этими словами государь сошелъ со ступенекъ крыльца (это происходило въ Красномъ Селѣ передъ общимъ всей кавалеріи ученьемъ) и, подойдя ко мнѣ, милостиво подалъ мнѣ руку.

— Ну, я не надолго съ тобой прощаюсь, скоро ли ты собираешься?

— Надняхъ ѣду на Кавказъ, ваше величество!

— Да, но ненадолго, конечно, и мы скоро увидимся въ Крыму и тамъ будемъ видѣться часто! До свиданія!—вторично подавъ мнѣ руку, проговорилъ государь.

Участь моя была рѣшена, и съ этого времени наступила новая эра моей служебной дѣятельности.

В. А. Полторацкій.

